

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
Тихоокеанский государственный университет

На правах рукописи

Кузнецова Наталья Владимировна

**ФЕНОМЕН ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Т.П. Карпухина

Улан-Удэ - 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I ФЕНОМЕН ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ И ОСНОВАНИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	
1.1. Политический дискурс и его основные характеристики.....	16
1.2. Феномен политкорректности в политическом дискурсе. Политкорректность в ее соотношении с принципом вежливости, понятием толерантности и «законом языковой экономии».....	22
1.3. Основания формирования политкорректности в современном французском дискурсе.....	41
1.3.1. Социологические основания формирования политкорректности.....	41
1.3.2. Культурологические основания формирования политкорректности: оппозиция «свой / чужой» в политическом дискурсе.....	45
1.3.3. Гносеологические основания формирования политкорректности: оппозиция «истина / ложь» в политическом дискурсе.....	48
1.3.4. Лингвистические основания формирования политкорректности в политическом дискурсе. Ономазиологический и семасиологический подходы к языковому знаку.....	53
1.3.5. Постмодернистская концепция языкового знака: политкорректное обозначение как симулякризованный языковой знак.....	63
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	72
ГЛАВА II МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	
2.1. Табуирование как первичный социально-культурный механизм формирования политкорректных наименований.....	76
2.2. Эвфемия как языковая основа формирования политкорректных наименований. Динамический аспект функционирования политкорректных эвфемизмов	83

2.3. Семантическое переосмысление как способ создания политкорректных эвфемизмов.....	95
2.4. Словообразовательные способы создания политкорректных эвфемизмов.....	104
2.5. Заимствование как способ пополнения политкорректных эвфемизмов.....	112
2.6. Образование политкорректных эвфемизмов как результат процесса перехода перифрастических свободных словосочетаний в устойчивые языковые единицы.....	116
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	119
ГЛАВА III ДИНАМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ. СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ОППОЗИЦИИ «ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ / НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	
3.1. Понятие неполиткорректности в ее соотносительности с политкорректностью.....	122
3.2. Политкорректный и неполиткорректный дискурс во внутренней политике: сферы применения.....	124
3.2.1. Политкорректный и неполиткорректный дискурс в социально-экономической сфере.....	126
3.2.2. Политкорректный и неполиткорректный дискурс в сфере межэтнических отношений.....	130
3.2.3. Политкорректный и неполиткорректный дискурс в сфере религиозных верований.....	136
3.2.4. Политкорректный и неполиткорректный дискурс в сфере обеспечения правопорядка и безопасности в обществе.....	137
3.2.5. Политкорректный и неполиткорректный дискурс в сфере интересов сексуальных меньшинств.....	141
3.3. Политкорректный и неполиткорректный дискурс во внешней политике.....	144

3.4. Градуированный характер политкорректности / неполиткорректности.....	152
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	162
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	168
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	188
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	192

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания настоящей работы находится феномен политкорректности в современном политическом дискурсе, рассматриваемый на примере французского языка. Исследование выполнено в русле дискурсивного, семиотического, ономаσιологического, семасиологического и функционального подходов. Дискурсивный подход, нацеленный в данной работе на выявление особенностей коммуникации в политической сфере, позволяет изучить реализацию политкорректности в речевой деятельности политиков и журналистов. Семиотический подход направлен на анализ политкорректных наименований как особого рода языковых знаков. Ономаσιологический подход к изучению языка, выдвигающий на первый план речевую деятельность говорящего, которая начинается с некоторого внеязыкового содержания и заканчивается определенными средствами его языкового выражения [Даниленко, 1986: 63], позволяет выявить экстралингвистические основания и механизмы формирования политкорректности как переобозначения отдельных, социально-значимых объектов действительности, ранее уже получивших в языке свое наименование. Семасиологический подход, предполагающий изучение типологии значений, их структуры и взаимодействия [Маклакова, 2013: 30], а также изменения семантики языковых единиц, позволяет установить характер семантического переосмысления, лежащего в основе формирования политкорректных наименований. Функциональный подход предполагает изучение функционирования политкорректных языковых единиц в разных сферах жизнедеятельности французского общества.

Диссертация соответствует паспорту специальности 10.02.19 в пунктах «теория дискурса», «знаковая природа языка», «язык и общество, язык и культура», «значение в структуре языкового знака, означающее (план выражения) и означаемое (план содержания) как две стороны языкового знака».

Актуальность работы обусловлена все возрастающим интересом лингвистов к политическому дискурсу, оказывающему все большее влияние на жизнь общества. Особую актуальность в современных условиях приобретает изучение такого явления политического дискурса, как политкорректность, не получившего, несмотря на значительное число научных исследований, полного и всестороннего освещения. Актуальным является обращение к феномену политкорректности во французском политическом дискурсе, не подвергнутому ранее глубокому научному анализу. Следует учитывать тот факт, что все правовые и политические документы Совета Европы, первоначально формулируются на французском языке.

Необходимо обратиться к общетеоретической проблеме определения природы данного явления, а также установления оснований его появления и укорененности в западной дискурсивной практике. Весьма актуальным представляется комплексный подход в изучении политкорректности, проясняющий разные аспекты данного явления, рассматриваемого с позиции таких частно-лингвистических дисциплин, как семиотика, ономазиология, семасиология, словообразование, дискурсивная лингвистика.

Актуальность работы определяется также необходимостью изучения механизмов формирования и функционирования политкорректных наименований в разных сферах дискурсивной деятельности общества и в разных языковых контекстах употребления. Необходимо рассмотреть явление политкорректности в его динамике в плане перспектив его эволюционирования в свете современных тенденций, наметившихся в западном политическом дискурсе в последние годы.

Фактическим материалом исследования послужила политкорректная лексика (общим числом 3500 языковых единиц), выявленная в медиатекстах современной французской периодики. Анализируемые лексические единицы представлены в 2850 контекстах. К анализу привлекалась и непolitкорректная дискурсивная практика, наметившаяся в СМИ в

последнее время. Общее число исследуемой неполиткорректной лексики составило 1340 языковых единиц, использованных в 1300 контекстах. Объем проиллюстрированного в данной работе материала составляет более 150 языковых единиц, используемых в 120 контекстах.

Объектом исследования является современный западный политический дискурс.

Предметом исследования является феномен политкорректности во французском политическом дискурсе, рассматриваемый с точки зрения его появления, становления, функционирования и современных тенденций его эволюционирования.

Цель работы заключается в комплексном анализе французских политкорректных обозначений с позиции дискурсивного, семиотического, ономаσιологического, семасиологического и функционального подходов.

Для достижения указанной цели в исследовании ставятся и решаются следующие **задачи**:

1. Раскрыть понятия, на основе которых строится исследование, а именно: «политический дискурс», «власть», «технология», «стратегии и тактики», «манипуляция», «возможный мир», оппозиции «свой / чужой», «истина / ложь», «политкорректность», «неполиткорректность», «политкорректный эвфемизм», «табуирование», «эвфемизация», «деэвфемизация», «языковой знак», «симулякр».

2. Изучить политкорректный дискурс с точки зрения его манипулятивного потенциала и технологизации, выявив дискурсивные стратегии и тактики, используемые во французском политкорректном дискурсе.

3. Определить объем и содержание понятия «политкорректность», установить его соотношение с принципом вежливости и понятием толерантности. Рассмотреть феномен политкорректности через призму закона языковой экономии.

4. Раскрыть социологические, культурологические, гносеологические и лингвистические основания появления и закрепления политкорректности в западном политическом дискурсе.

5. Изучить социокультурный и лингвистический механизмы формирования и способы создания французских политкорректных наименований. Рассмотреть формирование и функционирование политкорректного языка в динамическом аспекте: проанализировать процесс постоянной замены французских политкорректных эвфемистических обозначений и контекст употребления политкорректных эвфемизмов на предмет соответствия политкорректного обозначения общему смыслу высказывания.

6. Уяснить понятие языкового знака, опираясь на лингвосомиотический, ономазиологический и семасиологический подходы. Определить характер эвфемистического языкового знака, функционирующего во французском политкорректном дискурсе.

Методы исследования. В работе применяются общенаучные методы: описательный метод, включающий в себя приемы наблюдения, сравнения, анализа, синтеза, обобщения, систематизации; специальные языковые методы: дефиниционного, словообразовательного, контекстуального, стилистического и интерпретационного анализа, а также метод дискурс-анализа.

Для современной лингвистики характерно привлечение данных различных научных дисциплин, расширяющих границы лингвистической науки. В настоящей работе, наряду с использованием лингвистических методов, анализ языкового материала осуществляется с учетом положений, разработанных в рамках таких научных дисциплин, как философия, семиотика, политология, социология, история.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили:

1. Теория политического дискурса, разрабатываемая в рамках политолингвистики (Е.И. Шейгал, А. П. Чудинов, Т. ван Дейк,

Р.Ж.Шварценберг, В. Н. Базылев, К.С.Гаджиев, А. В. Зайцев, Е.А.Карпухина, О. Л. Михалева, Е. В. Пильгун, А.В.Рыбакина, А. И. Соловьев, А. Mercier, R.M. Perloff).

2. Положение о манипулятивном характере политического дискурса как способа маскировки действительности (Т. ван Дейк, Ю. С. Степанов, А.М.Каплуненко, С. Г.Кара-Мурза, В. А. Маслова, Ю. С. Баскова, Р. Водак, Н. А. Герасименко, Г. В. Грачев, И.А.Дьяченко, Ю. И. Плахотная).

3. Теоретическое обоснование технологизации политического дискурса, использующего определенные стратегии и тактики (С.Н. Плотникова, А.А.Филинский, О.Н. Паршина, N. Fairclough).

4. Теория возможных миров (Г.Лейбниц, Д. Льюис, Я. Хинтиikka, Ю.С.Степанов, А.М. Каплуненко, В.З. Демьянков, С.Н. Плотникова, В.А.Звегинцев, Л. Витгенштейн, D.Lewis), которая экстраполируется в работе на общество, продвигающее идеологию политкорректности.

5. Лингвистическое и культурологическое понимание политкорректного политического дискурса (Ж. В. Асеева, И. А. Дьяченко, Л. Ионин, А.Колаковская, В.В.Панин, Л. В. Цурикова, L. Oulahbib, F. Rommier, Ph.Quême, J. Taylor, G. Lebouc, S.Morris).

6. Исследования в области лингвокультурологии, теоретически обосновывающей оппозицию «свой / чужой» (О.М. Фрейденберг, Ю.М.Лотман, Л. С. Васильев, В.В.Красных, J. Baudrillard), во многом определяющей современный политический дискурс.

7. Философское обоснование понятий «истина» и «ложь» (Платон, Протагор, А.Шопенгауэр, Л. Витгенштейн, В. Ф. Асмус, Г. В. Грачев, Ж.Дюпра, С. Поварнин, E.Buysens), играющих огромную роль в процессе политической коммуникации.

8. Понятия «знак», «языковой знак», «означаемое / означающее знака», а также положение о произвольности / непроизвольности языкового знака, разработанные в рамках семиотики (Ф. де Соссюр, Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис,

С. О. Карцевский, Ю.М.Лотман), позволяющие обосновать расхождение между формой и содержанием политкорректных языковых единиц.

9. Основные положения, разработанные в рамках ономаσιологического и семасиологического подходов к языковому знаку (В. Гумбольдт, Ш. Балли, В.П.Даниленко, Ф. Соссюр, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Е.А.Маклакова, И.А.Стернин).

10. Положения философии постмодернизма, заложившей основы постмодернистской концепции языкового знака как симулякра (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю.Кристева, И.П. Ильин, М. Можейко, М.В.Нестерова, В.Г. Новоселов).

11. Основные понятия, разработанные в рамках таких научных дисциплин, как словообразование и морфемика (Н.М. Шанский, А.Н.Тихонов, Т.П. Карпухина, И.А.Цыбова, И.В. Скуратов, А.П.Шаповалова, Н.Н. Алексеева).

В основе исследования лежит следующая *гипотеза*: политкорректные единицы, функционирующие в политическом дискурсе, являются знаками-симулякрами, маскирующими неприглядные явления современного западного общества. Политкорректные слова и словосочетания, обладающие значительным манипулятивным потенциалом, используются политиками и провластными масс-медиа для того, чтобы описать действия «своего», тогда как действия «чужого» могут характеризоваться неполиткорректными словами и словосочетаниями.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней проведено специальное, комплексное исследование политкорректности с позиции частно-лингвистических дисциплин, что позволило описать дискурсивный, семиотический, ономаσιологический и семасиологический аспекты данного феномена.

Впервые подверглись рассмотрению с общетеоретических позиций основания формирования политкорректности в политическом дискурсе, что

позволило обосновать расширенную трактовку политкорректности, не сводимую к языковому запрету дискриминации меньшинств.

Описаны социологические основания формирования политкорректного дискурса, стратегии и тактики которого направлены на конструирование в общественном сознании образа возможного ирреального мира социальной гармонии и согласия.

Выявлены культурологические и гносеологические основания формирования политкорректного дискурса. Показано, что политкорректность, используемая западной политической элитой как манипулятивное языковое оружие, опирается на релятивистскую трактовку культурологической оппозиции «свой / чужой» и гносеологической оппозиции «истина / ложь», определяющих западную дискурсивную практику. Предложена расширенная трактовка политкорректного дискурса, увязывающая его с указанными привативными оппозициями.

Установлены лингвистические основания политкорректности, предопределенные принципом лингвистической относительности и произвольным характером языкового знака. Показано, что политкорректные эвфемистические переименования укладываются в постмодернистскую, релятивистскую концепцию языкового знака-симулякра, рассинхронизация сторон которого – означаемого и означающего, – нарушающая границы естественной, истинной референции, позволяет создавать ложные, симулятивные знаки, искажающие сущность обозначаемого объекта, маскирующие неприглядные явления действительности.

Выявлена наметившаяся в последнее время во французском политическом дискурсе тенденция «дрейфования» политкорректности в направлении превращения ее в свою противоположность – неполиткорректность, которая возникает как реакция общества на диктат политкорректности, принимающей все более тоталитарный характер.

В диссертации установлен градуированный характер политкорректности / неполиткорректности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Политкорректность получает права господствующей идеологии в эпоху постмодерна, разработавшего релятивистскую концепцию языкового знака, конституирующего особый, политкорректный язык, создающий видимость фиктивного возможного мира, воплощающего социальную бесконфликтность и гармонию в либеральном, мультикультурном западном обществе, испытывающем социальные и межэтнические проблемы.

2. Политкорректность в западном политическом дискурсе базируется на социологических, культурологических, гносеологических и лингвистических основаниях. Реализация политкорректности опирается на важнейшие для общества оппозиции, формирующие властный политический дискурс, а именно, антиномии «свой / чужой» и «истина / ложь», противопоставленные члены которых трактуются как относительные понятия.

3. Механизм формирования и функционирования политкорректности базируется, с одной стороны, на социально-культурном табуировании, запрещающем именовать нежелательные для общества явления, с другой стороны, на языковой эвфемизации, заменяющей табуированные, негативно коннотируемые лексические единицы другими, позитивно окрашенными наименованиями, опирающимися на несущественные, периферийные признаки объекта, что искажает его референциальную сущность и трансформирует денотативное содержание.

4. Идеологический диктат политкорректности в современном французском политическом дискурсе порождает в качестве ответной реакции обратный эффект, а именно, приводит к появлению противоположного явления – неполиткорректности, выражающейся в дискредитации оппонента, его диффамации, зачастую переходящей в прямое оскорбление (инсультацию).

5. Основным проводником как политкорректности, так и неполиткорректности являются средства массовой информации, для которых характерна высокая степень технологизации управляемого властью

политического дискурса, направленного на манипулирование общественным сознанием. Французские средства массовой информации используют манипулятивные дискурсивные стратегии и тактики как «на повышение», прибегая к политкорректным обозначениям, так и «на понижение», применяя непolitкорректные языковые выражения.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она вносит определенный вклад в исследование вопросов, связанных с формированием и функционированием современного политкорректного французского дискурса, охватывающего разные сферы жизнедеятельности общества. Вклад работы состоит также в разработке проблемы лингвистических основ политкорректности, рассмотренных через призму дискурсивного, семиотического, ономазиологического, семасиологического и функционального подходов.

Теоретически значимым представляется вклад работы в дальнейшее развитие таких лингвистических дисциплин и теорий, как социолингвистика, политическая лингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, стилистика, теория дискурса и медиадискурса.

В диссертации ставится также общетеоретическая проблема изучения оснований укорененности политкорректности в западном политическом дискурсе, вскрытых в работе с помощью социологического, культурологического, гносеологического и лингвистического подходов.

Разработанные в диссертации теоретико-методологические положения открывают перспективы углубленного исследования как политического, так и иных манипулятивно-управляемых дискурсов, в том числе и дискурсов миноритарных групп.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в преподавании вузовских курсов лексикологии, аналитического чтения, стилистики, истории языка, политолингвистики, лингвокультурологии. Материалы исследования могут быть использованы при написании дипломных работ, магистерских и

кандидатских диссертаций, а также при разработке данной проблематики в последующих исследованиях, связанных с изучением разных типов дискурса.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов на межвузовских научных конференциях (Хабаровск, 2011; 2014), а также на краевом конкурсе молодых ученых (Хабаровск, 2015, 2016), на международных научно-практических конференциях «Язык и культура» (Хабаровск, 2011); «Молодежь и наука: слово, текст, личность» (Ульяновск, 2014); «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков» (Тула, 2014); «Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе» (Хабаровск, 2014); «Наука и образование на российском Дальнем Востоке» (Хабаровск, 2016). Основные положения диссертации нашли отражение в 14 статьях, пять из которых опубликованы в ведущих рецензируемых периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России. Общий объем опубликованных статей составляет 6,4 печатных листа.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, словарей (263 наименования) и источников (114 наименований). Общий объем диссертации составляет 207 страниц печатного текста, из них 167 страниц основного текста.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования, формулируются объект и предмет исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов и о публикациях по теме исследования.

В первой главе «Феномен политкорректности и основания его формирования в современном политическом дискурсе» дается определение понятию политкорректности как идеологии либерального западного политического дискурса, отмечается его соотнесенность с принципом вежливости, понятием толерантности и законом языковой экономии. В главе

описываются социологические, культурологические, гносеологические и лингвистические основания появления и укоренения политкорректности в западном политическом дискурсе. Анализируется лингвосемиотический фундамент политкорректности, заложенной в постмодернистской концепции знаков-симулякров.

Во второй главе «Механизмы формирования и лингвистические способы создания политкорректных наименований во французском языке» характеризуется табуирование как социально-культурный механизм, и эвфемия как языковая основа реализации политкорректности. В главе развивается идея о динамическом характере формирования политкорректного языка, что находит свое проявление в дезэвфимизации. Динамический характер функционирования политкорректного языка проявляется также в симметрии / асимметрии политкорректных языковых единиц. Рассматриваются такие основные способы формирования языковых единиц, как семантическое переосмысление, словообразование (аффиксация, словосложение, сокращение), субстантивация и заимствования. В главе анализируется также образование политкорректной лексики посредством лексикализации – перехода перифрастических свободных словосочетаний в устойчивые языковые единицы.

В третьей главе «Динамический характер функционирования политкорректных обозначений. Сферы действия оппозиции «политкорректность / неполиткорректность» в современном французском политическом дискурсе» описываются основные сферы применения политкорректности / неполиткорректности во внутривнутриполитическом и внешнеполитическом дискурсе. Явление политкорректности / неполиткорректности рассматривается в плане его градуированного характера.

В заключении делаются выводы, суммируются результаты исследования, подводятся итоги работы и намечаются пути дальнейшего исследования.

ГЛАВА I ФЕНОМЕН ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ И ОСНОВАНИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Политический дискурс и его основные характеристики

Предваряя рассмотрение политического дискурса, обратимся к понятию дискурса как такового. Дискурс является многозначным понятием ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, – лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

Дискурс (фр. discours, англ. discourse < = от лат. discursus ‘бегание взад-вперед; движение, круговорот’ // фр., англ., – ‘беседа, разговор’) означает речь, процесс языковой деятельности; способ говорения. Ранее основной сферой использования слова «discursus» были различные виды беспорядочного и быстрого движения (dis+curro (бежать)).

В 50-е годы XX века Эмиль Бенвенист, разрабатывая теорию высказывания, последовательно применяет традиционный для французской лингвистики термин «discours» в новом значении – как характеристику «речи, присваиваемой говорящим» [Бенвенист, 2009: 296].

Термин «дискурс» имеет «множество применений», которые перечислены Патриком Серио во вступительной статье к труду «Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса». Одним из применений является понимание дискурса не как первичного и эмпирического объекта, а как теоретического (конструированного) объекта, «который побуждает к размышлению об отношении между языком и идеологией» [Серио, 1999: 27]. При этом идеология (греч. idea – идея, вид, образ и logos – учение об идеях) может пониматься по-разному: и как система идей, которая абсорбируется и адаптируется большинством [Скокова, 2013: 213 – 214], и как реальное социальное отношение, или практика, а не некая иллюзия [Альтюссер, Социологический словарь, 2004: 24].

Говоря о дискурсе, следует указать на сопряженный с ним термин «дискурсивная практика», введенный М. Фуко, который рассматривал ее как совокупность анонимных исторических правил, устанавливающих условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного социального, лингвистического, экономического или географического пространства. Эти правила, или дискурсивные практики всегда являются определенными во времени и пространстве [Фуко, 1974].

Понятия «дискурс» и «дискурсивные практики» занимают значительное место в современном социогуманитарном знании. Анализ дискурсивных практик помогает выявить социальные стратегии, определяющие то, каким образом культурные тексты способны подражать, отражать, отказываться или даже спорить с социально-нормативными моделями [Шапинская, 2008: 424 – 425].

Среди множества трактовок понимания дискурса чаще всего используются следующие: «текст в его единстве с множеством факторов, характеризующих его функционирование в рамках коммуникативной ситуации» [Савелова, 2005: 20]; «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» [Карасик, 2002: 5 – 6]. Дискурс способен выстраивать особый мир, который строится по ходу развертывания дискурса, и каждый дискурс – это «один из возможных миров» [Степанов 1995: 44 – 45]. Дискурс – это речь, погруженная в жизнь [Арутюнова, 1990: 136]; «речь, присваиваемая говорящим» [Бенвенист, 2009: 448]; «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим; сложное единство языковой формы, знания и действия» [Дейк, 1989: 121]; «это два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи» [Звегинцев, 1973:171]. Это – высказывание-процесс, определяемый также как «система условий, детерминирующих порождение бесконечного количества высказываний, исходя из определенной социальной или идеологической позиции» [Костюшкина, 2009: 195].

Дискурс означает, прежде всего, комплексную единицу, состоящую из последовательности предложений, объединенных логическим, смысловым типом связности. Это языковая единица высшего уровня, обладающая структурной, функциональной спецификой, это «новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» [Степанов, 1995: 71].

Политическая, социальная, моральная нагруженность дискурса задает определенные оценочные параметры, которые формируются «дискурс-этикой» (Ю. Хабермас). Дискурс как теоретически сконструированный объект побуждает к размышлению между дискурсивными практиками и социальными, культурными структурами, отношениями и процессами [Fairclough, 1995: 132]. Это становится объектом критического дискурс-анализа, который изучает, в том числе и социальное неравенство, выраженное и законодательно закрепленное в языке или дискурсе [Водак, 2011: 286].

Для нашего исследования релевантным оказывается критический дискурс-анализ, позволяющий увязать дискурсивные практики и социально-культурный контекст, в котором разворачивается дискурс как текст / высказывание.

В лингвистической литературе выделяются разные виды дискурсов: политический, юридический, религиозный, художественный, рекламный и проч. Переходя к рассмотрению политического дискурса, следует сказать, что язык, речь и политика неразрывно связаны друг с другом. Политика как особая форма деятельности «связана с распределением и осуществлением власти внутри государства и между государствами» [Всемирная энциклопедия. Философия, 2001: 796]. Политическое действие, которое является, прежде всего, речевым действием; любые политические процессы являются процессами коммуникативными и конституируются в значительной мере с помощью языка [Klein, 1998: 4].

Е. И. Шейгал отмечает диалогический характер политического дискурса: «Основу политического дискурса, который представляет собой поле битвы, составляет непрекращающийся диалог – поединок между «партией власти» и

оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [Шейгал, 2000: 233].

В. З. Демьянков, соглашаясь с военной метафорой политического дискурса, предложенной Е.И. Шейгал, утверждает, однако, что он «не нацелен на диалог. <...> Политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий» [Демьянков, 2005: 41]. Фундаментальным, определяющим признаком политического дискурса является интенция борьбы за власть [Шейгал, 2000: 128].

Интенция борьбы за власть исключает в принципе из своего рассмотрения равноправный кооперативный диалог, предполагая лишь монологический дискурс и пропагандистское воздействие власти на общество, то есть не субъект-субъектное взаимодействие государства и его граждан, а исключительно одностороннюю субъектно-объектную коммуникацию. Иными словами, игнорируется тот факт, что политическая коммуникация предполагает исключительно важную роль осмысленного ответа реципиента на вызов комментатора властных структур, что обеспечивает успешную реализацию информационных обменов [Соловьев, 2002: 7].

Властный характер политического дискурса подчеркивал французский теоретик М. Фуко, согласно которому властная сила дискурсов состоит в заключенных в них правилах и запретах, направленных на подавление всего, что не соответствует принятым в определенном сообществе нормам [Фуко, 1996: 69].

Рассуждая о власти и властном характере политического дискурса, необходимо оговорить, что в объем понятия «власть», которая определяется как «право и возможность распоряжаться, подчинять своей воле» [Ожегов, 1973: 80], включается различное содержание. «Философы говорят о власти над объективными законами общества, социологи – о власти социальной,

экономисты – о власти хозяйственной, юристы – о власти государственной, политологи – о политической власти, естествоиспытатели – о власти над природой, психологи – о власти человека над самим собой, родители – о семейной власти, богословы – о власти от Бога и т. д., и т. п.» [Краснов, 1991: 27].

Одним из наиболее важных видов власти является политическая власть. Еще в Древней Греции, Индии и Китае были предприняты первые попытки разобраться в механизмах политической власти. Именно властью определяются территории государств, обеспечивается реализация общих интересов населения. Власть представляет собой особый вид общественных отношений, присущий всем этапам развития человечества. Через отношения власти выражается объективная потребность людей в саморегуляции и организации.

Именно власть формирует дискурс, который имеет целью создавать и изменять представления о происходящем в мире. На это в свое время указал М. Фуко, акцентировавший роль дискурса и экспертного знания в осуществлении власти. Он подчеркивал как созидательный, так и негативный эффекты власти [Социологический словарь, 2004: 60 – 61].

Любой дискурс, и не только политический, который направлен на внушение, учитывает систему взглядов потенциального интерпретатора с целью изменить намерения, мнения и мотивировку действий аудитории. Но особенно верно это в отношении политического дискурса, нацеленного на воздействие на аудиторию с тем, чтобы заставить ее действовать согласно планам властных структур.

Хорошо построенный политический дискурс внушает адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и / или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (то есть, не референция), а побудить адресата к действию [Bauley 1985: 104], для чего необходимо сформировать определенное поведение человека. Огромную роль в этом играет манипулирование мнением, сознанием людей, что

приобрело в настоящее время «неизмеримо бóльшее влияние на развитие общества» [Кащей, 2005] в сравнении с прежними социально-историческими условиями.

Политический дискурс, который выстраивается властью, «характеризуется манипулятивностью, что является необходимым условием для достижения его целей и задач» [Бажалкина, 2009: 64]. Особым образом выстроенное высказывание на понятном человеку языке способно проникнуть в его внутренний мир и воздействовать на его поступки [Юрковская, 2009: 145], а значит, в определенной мере, осуществить манипуляцию.

Напомним, что термин «манипуляция» изначально определялся как демонстрация фокусов, основанное преимущественно на ловкости рук, умении отвлечь внимание зрителей от того, что должно быть от них скрыто [Владимирцева, 2009: 43]. Отрицательная коннотация слова «манипуляция» наводит на мысль об обмане с целью получения выгоды: «к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам <...>» [Кара-Мурза, 2005: 16].

Манипулятивный дискурс в политике служит средством, позволяющим контролировать и управлять общественным мнением. Политическое манипулирование обществом достигается за счет низкого уровня политической и гражданской культуры общества.

Устойчивыми признаками манипуляции являются:

- скрытая форма воздействия, при которой манипулятор не раскрывает цели, а манипулируемый их не распознает;
- несоответствие цели манипулятора установкам, ценностным ориентациям манипулируемого;
- несоответствие действий манипулятора истинным фактам;
- под воздействием манипуляции поведение манипулируемого не согласуется с его первоначальными установками / намерениями / ценностными ориентациями [Каплуненко, 2009: 4].

1.2. Феномен политкорректности в политическом дискурсе.

Политкорректность в ее соотношении с принципом вежливости, понятием толерантности и «законом языковой экономии»

Дискурс может быть разным – спонтанным, свободным и управляемым. Политический дискурс, скрывая или блокируя ту или иную информацию, фактически использует управляемый диалог, в процессе которого осуществляется влияние на партнера, чтобы добиться желаемого [Тургаев, 2005: 483].

Политический дискурс, обеспечивающий власть для политической элиты, является управляемым, он разрабатывается с помощью определенных технологий.

М. Фуко, который ввел термин «технология власти» для обозначения языка как средства выражения властных отношений, подчеркивал, что власть осуществляется через дискурс, она «используется дискурсами и пытается заставить их работать» [Фуко, 2004: 36; 284].

Технология (от греч. *techne* – искусство, мастерство) определяется как совокупность производственных процессов в определенной отрасли [Ожегов, 1973: 732]. Целью использования технологии является порождение определенных продуктов при помощи соответствующих инструментов и механизмов [Плотникова, 2000: 9]. Технологии понимаются также как некие алгоритмы, ведущие к цели, что позволяет рассматривать технологии также не только с точки зрения «производства некоего конечного продукта», но и с точки зрения получения некоего планируемого результата [Домышева, 2011:100]. Полученные продукты и используемое оружие могут быть не только материальными, но и когнитивными, семиотическими, психологическими [Рабардель, 1999: 101].

Сегодня с помощью технологии создаются такие когнитивные объекты как смыслы, образы, имиджи, идолы и т.д. [Переслегин, 2004а: 504]. Это напрямую связано с дискурсивной практикой, в частности, в области управляемого политического дискурса. В 1996 г. Н. Фэарклоф предложил

новое понятие – технологизация дискурса (technologisation of discourse). Дискурсивные технологии, по Фэарклофу – это разновидности технологий управления, включающие стратегии и техники, с помощью которых различные силы, управляя, руководя другими, пытаются реализовать свои проекты и программы [Fairclough, 1996: 146].

Дискурсивные технологии, используемые в политическом дискурсе, также нацелены на управление людьми: это осознанное, обдуманное и спланированное управление участниками политической коммуникации, которое представляет собой поэтапный технологический процесс производства в качестве конечного продукта дискурса, необходимого заказчику, которым является государство в лице политических деятелей [Плотникова, 2000: 27].

В последние годы наметилась тенденция описания технологии властного политического дискурса с точки зрения используемых в нем коммуникативных, дискурсивных стратегий и тактик.

Стратегия как военный термин [от греческого stratus (войско) + ago (веду)] изначально определялась как искусство так распорядиться своими силами, чтобы оказаться в наивыгоднейшем положении в сравнении с неприятелем [Попов, 1907]. Стратегия понималась как составная часть военного искусства, охватывающего вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил и войск и ее ведение [Словарь иностранных слов, 2009: 639].

В дискурсивной практике под стратегией понимают «определённую направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина, 2007: 11]. Конкретизация этого понятия приводит к пониманию стратегии как цепочки решений говорящего, выбора им определённых коммуникативных действий и языковых средств [Макаров, 2003: 192].

Е.И. Шейгал выделяет следующие виды стратегий, характерных для политического дискурса:

- стратегия вуалирования, затушёвывания нежелательной информации (позволяет притушить, сделать менее очевидными неприятные факты);
- стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение);
- стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности [Шейгал, 2000: 115].

О.С. Иссерс обращает внимание на стратегии дискредитации и самопрезентации в политическом дискурсе [Иссерс, 2006: 6], а О.В. Гайкова – на манипулятивные и аргументативные стратегии [Гайкова, 2003: 11]. Дискредитация при этом понимается как макро-речевой акт, в котором говорящий выражает отрицательную оценку совершенных поступков, действий или качеств другого человека, направленную на то, чтобы представить этого человека в неблагоприятном свете и, как результат, подорвать к нему доверие окружающих, умалить его достоинство, авторитет и значимость или снизить его самооценку [Лисихина, 2009: 3].

О целесообразности использования в политическом дискурсе не только манипулятивных, но и аргументативных стратегий говорит Д. А. Бокмельдер, который относит к последним, в частности, стратегии убеждения. Для этого прибегают к сообщению фактов, мнений экспертов, объективных оценок и т. д. [Бокмельдер, 2000:15 – 16].

К перечисленным стратегиям О.Н. Паршина добавляет стратегии нападения, защиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационную и агитационную стратегии [Паршина, 2007: 42 – 116].

В отличие от стратегии как более общего понятия, тактика, в соответствии со своей этимологией [греч. tasso – строю войско], определяется как приемы, способы достижения какой-то цели, линия поведения кого-либо [Словарь иностранных слов, 2009: 652].

Осуществление той или иной коммуникативной, дискурсивной стратегии происходит посредством применения тактик, представляющих собой

конкретный этап реализации стратегии, для которого характерен определенный набор приемов, определяющих использование тех или иных языковых средств.

О. Л. Михалевой предложена обобщенная классификация, выделяющая три основные стратегии политического дискурса: стратегия на понижение; стратегия на повышение; стратегия театральности [Михалева, 2009: 56]. Чаще всего в политическом дискурсе используются две первые стратегии, позволяющие наилучшим образом сформировать положительные, либо, напротив, отрицательные представления о событиях, фактах, людях.

Стратегия «на повышение» характеризуется стремлением говорящего представить некий объект или ситуацию в выгодном свете, увеличить их значимость в глазах общества. Данная стратегия реализуется за счет тактики со знаком «плюс», предполагающей такое описание значимой для говорящего ситуации, которое эксплицитно выражает положительное к ней отношение.

Стратегия «на понижение» направлена на дискредитацию оппонента, которым является политический противник. Данная стратегия подразумевает использование тактики со знаком «минус», представляющей собой описание ситуации, основанное на негативном к ней отношении.

Стратегия «театральности» позволяет сделать политическую коммуникацию особенно зрелищной.

В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения, согласно которой основные стратегии манипулятивного политического дискурса, используемые политиками и журналистами, это две дискурсивные стратегии – «на повышение» и «на понижение», – все остальные, выше описанные стратегии являются манипулятивными тактиками, укладываемыми в стратегии «на повышение» и «на понижение».

Ведущую роль в осуществлении манипуляции в политическом дискурсе играет политкорректность, прокламируемая Западом как важнейшая общественная ценность, которая активно внедряется в дискурсивную практику.

Политкорректность как социокультурное явление, возникшее и развивавшееся в Соединенных Штатах с 1970-х годов, к началу XXI века охватила всю западную цивилизацию. Европейский союз провозгласил своими ценностями уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности, согласно принятому договору, являются общими для совокупности государств-членов, которые признают в качестве базовых такие ценности, как плюрализм, недискриминация, терпимость, справедливость, солидарность и равенство между женщинами и мужчинами [Договор о Европейском союзе, 1992]. Одной из таких ценностей является политкорректность, которая особо подчеркивает нетерпимость к дискриминации меньшинств. Дискриминация означает ограничение в правах, лишение равноправия [Ожегов, 1973: 153].

Тер-Минасова определяет политкорректность как «очищенный», «правильный» вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию некоторых групп, находящихся в невыгодном социальном положении [Тер-Минасова, 2000: 216]. В каждой стране имеются лингво- и социокультурные предпосылки, которые либо способствуют, либо, наоборот, препятствуют формированию языка политкорректности [Майба, 2011: 203].

Феномен политкорректности представляет собой характерную черту современной западной политической культуры.

Термин «политическая культура» впервые появился в XVIII веке в трудах немецкого философа-просветителя Иоганна Гердера. Основной вклад в развитие теории политической культуры внесли Г. Алмонд, С. Верба, проанализировавшие связь политической культуры с различными типами политических систем. В их работе отмечается, что политическая культура, с одной стороны, является частью общей культуры общества, с другой стороны, она связана с определенной политической системой, которая господствует в данном обществе [Алмонд, 1992: 122 – 134].

Р. В. Холдер характеризует политкорректность, присущую современной западной политической культуре, как «поведенческое или языковое подчинение взглядам, которые считаются непреложной истиной» [Holder, 2003: 306]. Автор указывает, что политическая корректность может превратиться в фашизм, если выйдет за рамки разумного. Он обращает внимание на сложность определения того, что является корректным, и замечает, что все зависит от «составителей правил». Корректность, по его мнению, является относительным явлением.

Толковый словарь The Oxford Dictionary of New Words подчеркивает целевую установку политической корректности избегать дискриминационного, оскорбительного языкового выражения или поведения. Политкорректность определяется как подчинение либеральным или радикальным убеждениям в отношении социальных вопросов, характеризующее пропагандой принятых идей и отказом от языка и поведения, которое считается дискриминационным или оскорбительным [ODNW, 1997].

Приведенные трактовки политкорректности можно отнести к широкому толкованию термина, не ограничивающему его какими-либо отдельными сферами. Узкое же толкование представлено, например, в словаре Random House Webster's Dictionary, авторы которого специфицируют социально-значимые сферы, которые требуют политкорректности, подчеркивая, что политическая корректность означает приверженность прогрессивным общепринятым взглядам по вопросам, касающимся расы, пола и сексуальной ориентации [RHWD, 1993].

Узкого толкования политкорректности придерживается также авторитетный французский толковый словарь Ларусс, который акцентирует императивный характер политкорректности, безусловно требующий запрета оскорбительного отношения к социальным группам, представляющим меньшинство: «Политкорректность – это дискурс, поведение, целью которого является запрет на все то, что могло бы оскорбить членов разных категорий и

групп, представленных в меньшинстве, заставляя их чувствовать себя неполноценными» [Larousse, 2013].

Узкое понимание политкорректности содержится также в следующем высказывании: в политкорректном обществе речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным меньшинствам [Комлев, 2006: 279 – 280].

Полагаем, однако, что феномен политкорректности не может быть сужен только до понятия запрета ущемлять достоинство представителей некоторых меньшинств. Представляется, что политкорректность в политическом дискурсе касается всех тех сфер, где сталкиваются интересы разных групп общества по вопросу о том, что считать истиной, ложью, кого считать «своим», а кого «чужим». Иными словами, мы считаем, что критерием, определяющим политкорректность, являются привативные бинарные оппозиции «свой / чужой», «истина / ложь». В соответствии с тем, какой член оппозиции выбирается в качестве «эталонной» точки отсчета, корректируется и языковой код, изменяется соответствующая языковая норма.

Сферы применения политкорректности, понимаемой широко, весьма разнообразны. Они касаются внутригосударственных и межгосударственных отношений, проблем взаимоотношений разных рас и этносов, религиозных конфессий, вопросов, относящихся к половой принадлежности, сексуальной ориентации, возраста, классовой сегрегации и проч.

Терминологически увязывая политкорректность с языком, С. Г. Тер-Минасова выделяет такой аспект, как замену одних языковых выражений на другие, что позволяет устранить болезненные, чувствительные моменты, унижающие человека: «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума» [Тер-Минасова, 2000: 215].

Н. Г. Комлев указывает на исторические корни феномена, увязывая его с американской политической культурой, основанием которой является

идеология либерализма: «политическая корректность, политкорректность – утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной американской политики» [Комлев, 1999: 279]. Автор отмечает, что политкорректность имеет дело с корректировкой языкового кода.

По данным В. Н. Базылева, политическая корректность «рассматривается некоторыми исследователями, например, в США – историком А. Шлесинджером и литературоведом П. Фасселом, в Германии – этнологом Х.-П. Дюрром, как следствие крупных неудач, в частности, американской внутренней политики, характерных для современной Америки и всего мира. Это и процессы расслоения по этническому или расовому признаку, и нарастание угрозы социальных конфликтов, и влияние феминизма, антирасизма, и разнообразные движения за права меньшинств» [Базылев, 2007: 8].

И. А. Быков также подчеркивает либеральную основу политкорректности, отмечая что «появление «политкорректности» было вызвано в первую очередь именно политическими обстоятельствами», которые проявляются в условиях мультикультурного и разнородного общества [Быков, 2008].

Крайним проявлением либерализма называет политкорректность Марио Корти, заметив, что «самокритика и уважение к инаковости иногда доходят до саморазрушения» [Корти, 2003]. Теракт в Париже 13 ноября 2015 года подтверждает данную мысль, когда крайне либеральное отношение парижских властей к преступникам, которые уже были в специальном списке французских спецслужб, привело к гибели 129 человек и еще 352 человека были ранены.

В. И. Карасик трактует политкорректность как идеологию, отмечая при этом, что она является основной чертой англоязычного политического дискурса [Карасик, 2002: 48]. Соглашаясь с трактовкой политкорректности как идеологии, Л. Ионин отмечает, что во всех странах современной западной

демократии политкорректность служит, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса [Ионин, 2012: 8].

Иронически называя политкорректность «милой и гуманной идеологией», американский социолог Владимир Шляпентох отмечает, вместе с тем, что именно она практически разрушила гуманитарное образование в США [Шляпентох, 2006: 657 – 658].

Польский философ Агнешка Колаковская выделяет основные характеристики политкорректности как идеологии, она приходит к выводу о том, что: политкорректность – идеология, враждебная культуре; догматическая и нетерпимая, хотя и провозглашающая терпимость; тоталитарная, ибо желает подчинить своим требованиям мышление во всех областях жизни; опирающаяся на абстрактные принципы, перевешивающие здравый разум; делящая общество на группы, которые становятся группами с собственными, обособленными интересами [Колаковская, 2004].

В рамках лингвистического и лингвокультурологического подходов [Купина, 1995; Чернов, 1996; Киселева, 1998; Асеева, 1999; Тер-Минасова, 2000; Карасик, 2002; Панин, 2004; Леонтович, 2005; Жукова, 2013] политкорректность рассматривается не только как идеология западной либеральной политической культуры, но и как многоаспектный языковой и лингвокультурный феномен.

Многообразие подходов к политической корректности, рассматриваемой с разных позиций: как явление / феномен [Тер-Минасова, 2000; Цурикова, 2001], идеология [Карасик, 2002; Колаковская, 2004; Ионин, 2012], поведение [Островская, 2006], как дискурс [Quême, 2008], изучаемый с точки зрения соотнесенности с политической культурой [Холдер, 2003], либеральной идеологией [Комлев, 1999; Корти, 2003; Быков, 2008], языком [Тер-Минасова, 2000; ODNW, 1997] и т.д., свидетельствует об отсутствии

терминологической определенности, о неоднозначной трактовке и, в целом, о недостаточной изученности этого явления.

Некоторые отечественные авторы считают термин «политическая корректность» неудачным. Так, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, более адекватным обозначением был бы термин «языковой такт» [Тер-Минасова, 2000: 215]. С точки зрения Т.В. Киселевой, следует говорить о «коммуникативной корректности» [Киселева, 1997:115].

Остается открытым и вопрос о генезисе самого явления, в частности, его связи с процессом эвфемизации. Некоторые ученые исследуют политкорректные термины в рамках эвфемистических обозначений [Шейгал, 2000; Панин, 2004; Павлова, 2003]. Другие исследователи не соотносят политкорректность и эвфемии [Асеева, 1999; Дьяченко, 2008]. Ряд лингвистов, изучавших эвфемизмы, не выделяют политкорректную лексику [Крысин, 1994; Баскова, 2006].

Нередко высказывается мнение, что политкорректность – это запрет. В качестве примера можно привести определение Н.Н. Шульгина: «Политкорректность – запрещение обсуждать негативные стороны собеседника и его группы самоидентификации» [Шульгин, 2003: 56]. Лингвистический аспект такого определения носит скорее прагматический характер. Автор использует выражение «запрет обсуждать», который не отсылает напрямую к некоему «политкорректному словарю», но, по сути, представляет политкорректность как особый вид цензуры.

Вместе с тем, в приведенном определении, на наш взгляд, важным представляется понятие «группа самоидентификации», которое характеризуется достаточно широким объемом, позволяющим отнести его к разным сферам политкорректности. Самоидентификация предполагает включение человека в широкий круг групп людей, в основу объединения которых положены разные, не обязательно миноритарные признаки: пол, возраст, образование, раса, национальность, вероисповедание, сексуальная ориентация и проч.

С запретом увязывает политкорректность и Р. Перри, определяющий политическую корректность как практику прямого или косвенного запрета на высказывание суждений, которые могут быть восприняты как оскорбительные представителями определенной расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации [Perry, 1992: 71].

Феномен политкорректности, широко представленный на материале английского языка [Perry, 1992; Taylor, 1993; Wilson 1995; Andrews, 1996; Morris, 1999; Newman 2006; Шляхтина, 2009], начал исследоваться французскими лингвистами сравнительно недавно. При этом получили освещение отдельные аспекты политкорректности, проявляющиеся в политической коммуникации [Mercier, 2008; Lebouc, 2007], межэтнических отношениях [Quême, 2008; Oulahbib, 2012], в отношении к сексуальным меньшинствам [Pommier, 2012].

Лингвистов, политологов, лингвокультурологов феномен политкорректности привлекает своей многоаспектностью, сложной и многоплановой природой.

Изначально политкорректность вводилась с целью обеспечения успешности коммуникации, что требовало выбора особых языковых средств в конкретной речевой ситуации. Идеологами политкорректности утверждалось, что она связана со стремлением уважать чувства и достоинство индивида, направлена на соблюдение его прав во всех сферах жизни, включая языковую. Декларировалось, что политкорректный язык должен избегать слова и выражения, которые могут обидеть или унижить человека, вызвать у него негативную реакцию. Лексические единицы, тем или иным образом его дискриминирующие, требовалось заменить, в соответствии с требованиями политкорректности, на нейтральные или положительные эвфемизмы. Политкорректность требовала запрета на дискриминацию людей или групп, составляющих в обществе меньшинство.

Дискурсивная технология представляет собой алгоритм конструирования в общественном сознании образа определенного возможного мира.

В теории возможных миров постулируется существование не только реального, действительного мира, но также и других миров, которые по отношению к реальному являются возможными. Теория возможных миров восходит к философии Г. Лейбница, впервые провозгласившего, что существующий действительный мир – лишь один из бесконечного числа возможных миров, которые могли бы существовать [Лейбниц, 1983: 101]. О квантификации миров говорили также Д. Льюис, Я. Хинтикка и др [Lewis, 1986, 1918; Хинтикка, 1980]. В применении к дискурсу теория возможных миров разрабатывалась Ю.С. Степановым [1972; 1981; 1995], А.М. Каплуnenко [1995; 1996; 1998], С.Н. Плотниковой [2000] и другими учеными.

Согласно С. Н. Плотниковой, возможные миры обладают дискурсивными параметрами. Ею рассмотрены различные виды дискурса, которые коррелируют с теорией возможных миров (неискренний дискурс, дискурс ненависти, дискурс счастья и т.д.) [Плотникова, 2000; 2003; 2008].

Ю. С. Степанов отмечает, что «дискурс – язык в языке, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует, прежде всего, и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [Степанов, 1995: 44].

На то, что особый мир выстраивается в процессе дискурса, указывает В. З. Демьянков: дискурс «создает общий контекст, описывающий лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [Демьянков 1992: 45].

Политик должен уметь затронуть нужную струну в массовом сознании; высказывания политика должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политического дискурса [Демьянков, 2002: 34].

Политический дискурс также выстраивает особый, возможный мир, составляющий “вселенную мнений и оценок участников политического дискурса”. С теорией возможных миров коррелирует и такое явление политического дискурса, как политкорректность, которая может быть представлена как предполагаемая альтернатива действительности, поскольку, согласно гипотезе лингвистической относительности, человечество строит свою реальность, основываясь на тех языковых нормах, которым оно следует. «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. «Реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы...<...> Язык служит руководством к восприятию социальной действительности. Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на разных языках, представляет собою различные миры, а не один и тот же мир» [Звегинцев, 1973: 200].

В данном случае можно упомянуть известное выражение Людвиг Витгенштейна: «границы моего языка есть границы моего мира» [Витгенштейн, 2009: 84].

Приведем в качестве примера несколько предложений из французской прессы, которые свидетельствуют о попытках политиков создать в общественном сознании особый конструкт, представив его в виде возможного мира всеобщего согласия и гармонии в обществе. Например, во времена правления Жака Ширака, большое внимание уделялось созданию образа Франции-матери, опекающей всех своих детей-подданных. Так, используя дискурсивную стратегию «на повышение», опираясь на тактику эмоционального настроения, обращаясь к иммигрантам и пробуждая в них ощущение ребенка, защищенного своей матерью, президент заверял, что все люди, проживающие на территории Франции, являются ее детьми, независимо от их происхождения:

(1) Et je veux dire aux enfants des quartiers en difficulté, quelles que soient leurs origines, qu'ils sont tous les filles et les fils de la République [Le Monde].

Во время правления Николя Саркози в общественное сознание внедряется имидж президента, который заботится о равноправии мужчин и женщин в мире политики:

(2) Depuis le début de son mandat, le président de la République a pris des mesures symboliques pour la promotion de l'égalité entre les femmes et les hommes: nomination d'un gouvernement strictement paritaire et création du ministère des droits des femmes [Le Monde].

Франсуа Олланд убеждает сограждан в том, что они живут в стране равных возможностей, предоставляющей равные права как коренным французам, так и жителям заморских департаментов Франции:

(3) François Hollande a expliqué qu'il souhaitait "faire une loi" et lancer un "grand plan pour l'égalité réelle Outre-mer" [Franceinfo].

Образ возможного мира, который конструируется в общественном сознании, отвечает чаяниям и запросам людей, но этот мир существует лишь в их воображении как социальная фикция, а не как соответствующая реальным фактам объективная действительность.

Поскольку политическая корректность изначально возникла как стремление избежать отношений, действий и, прежде всего, форм языкового выражения, которые заключают в себе предубеждение и могут вызвать чувство обиды у людей, в зависимости от их пола, возраста, цвета кожи, расовой принадлежности, политически корректный язык целесообразно рассматривать в его соотнесенности с принципом вежливости.

Вежливость определяется как коммуникативная стратегия, используемая в процессе речевого общения для достижения самых разнообразных коммуникативных целей, в том числе, для установления реальных или мнимых гармоничных межличностных отношений и поддержания коммуникативного баланса между собеседниками [Цурикова, 2002: 25].

Политкорректность также стремится строить общение, исходя из допущения, что коммуникация может быть гармоничной, но при этом речь идет не о коммуникативном балансе, а о верховенстве одной из групп, представляющей при этом не большинство, а социальное меньшинство. Последнее вступает в противоречие с самим принципом гармонии и делает ее достижение в принципе невозможным. Политкорректность может добиться только мнимой гармонии, ее симуляции, фикции. Отметим, что под фикцией понимается не только вымысел, выдумка, но и положение, построение, которому ничто не соответствует в действительности, но которым пользуются как допущением с какой-нибудь определенной целью [Ушаков, 1940].

Г. П. Грайс определяет вежливость как принцип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Следование принципу вежливости, накладывающее определенные ограничения на поведение членов общества, имеет целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет соблюдения социального равновесия и дружественных отношений [Грайс, 1985: 245]. Политкорректность формально учитывает принцип вежливости, поскольку также предполагает ограничения, накладывая эти ограничения на поведение большинства в отношении меньшинства, декларируя необходимость такой практики для достижения социального равновесия, устранения социальных конфликтов.

Согласно Дж. Личу, вежливость предполагает усилия со стороны партнеров, обеспечивающие успешность коммуникации. К этим специальным приемам, влияющим на выбор языковых средств и в том или ином словесном оформлении, актуализируемым в конкретных речевых ситуациях, относится, например, ориентация на партнера, в частности, одобрение его известных или приписываемых ему положительных качеств. Также важную роль играет ослабление или эвфемизация социально-негативных моментов, чтобы не вызвать коммуникативной неудачи [Leech 1983: 248].

Все сказанное также находит, в определенной мере, проявление в практике политкорректности, что позволяет утверждать о связи принципа вежливости и политкорректности.

Свою теорию вежливости, подразделяемую на позитивную и негативную вежливость, предлагают лингвисты П. Браун и С. Левинсон. Принцип вежливости предстает в их работе как основа человеческой коммуникации, причем его реализация зависит от конкретного общества и культуры. Браун и Левинсон вводят понятия позитивного и негативного лица участника общения. Под позитивным лицом понимается стремление человека быть понятым и одобренным окружающими, негативное лицо заключается в желании принимать решения и совершать действия независимо от других [Brown, 1987: 131]. Каждому коммуниканту присущи оба этих лица, и он пытается достигнуть разумного баланса между ними с целью обеспечить успешное общение и взаимодействие с другими членами социума.

Л. В. Цурикова отмечает, что в соответствии с данным подходом, под вежливостью понимается использование адекватных дискурсивных стратегий для успешного достижения коммуникативных целей в процессе общения. При выборе этих стратегий коммуниканты опираются на социальные и контекстные параметры ситуации общения, оценивая их с точки зрения принятых в их культурном сообществе представлений о приемлемых и неприемлемых формах взаимодействия [Цурикова 2002: 29 –30].

Вместе с тем, не следует отождествлять практику политкорректности с понятием вежливости. Об этом, например, пишет В.В. Майба, который считает, что политкорректность нельзя смешивать с близкими, но не тождественными ей явлениями, такими, как вежливость, этикет, уважение, языковой такт [Майба, 2013: 4].

Необходимо подчеркнуть, что политкорректность, в отличие от вежливости, предполагает смену оптики взгляда. Вежливый, тактичный человек видит определенные вещи, но не демонстрирует, что он их видит, не фиксирует свое видение в поведении, в частности, вербальном. С

политкорректным взглядом дело обстоит гораздо серьезнее, здесь речь идет не об отражении реальности в поведении, а об альтернативном видении реальности [Ионин, 2012: 12].

Феномен политкорректности тесно связан также с понятием толерантности (от лат. *tolerantia* – терпимость), предполагающим отношение к другому человеку как к равнодостоящей личности и выражающим сознательное подавление чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения, сексуальная ориентация и т.п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие [Новая философская энциклопедия, 2010]. Будучи в определенной степени соотносительным с данным понятием, политкорректность, тем не менее, кардинально от нее отличается. Политкорректность, в отличие от толерантности, не пропагандирует терпимого отношения вообще к любому другому человеку. Политкорректность ставит своей основной задачей закрепление в сознании человека толерантного отношения лишь к тем, кого идеологи политкорректности считают «своими».

В дефиниции Л. В. Цуриковой акцент ставится на поведенческом и языковом аспекте политкорректности, характеризуемой как реакция членов общества на создаваемую этим обществом дискриминацию, направленную против отдельных групп. Политическая корректность в таком понимании представляет собой «поведенческий и языковой феномен, отражающий стремление носителей языка преодолеть существующую в обществе и осознаваемую обществом дискриминацию в отношении различных членов этого общества» [Цурикова, 2001: 98].

В этом определении можно усмотреть связь политкорректности с понятием толерантности, предполагающим признание инаковости и недопущение дискриминации по отношению к ней. Политкорректность пытается преодолеть дискриминацию отдельных групп, фактически

воспринимаемых обществом как «чужих», переориентировав общество на их принятие как «своих».

Тот факт, что толерантность является подчиненным к политкорректности термином, подтверждается тем, что в свое время Умберто Эко, указав на негативные аспекты политкорректности, подчеркнул, что «этот принцип призван насаждать толерантность и признание любой инаковости, религиозной, расовой и сексуальной, и при всем том он становится новой формой фундаментализма, которая канонизирует до степени ритуала язык повседневного общения и предпочитает букву духу – можно даже дискриминировать слепых, но с неукоснительной деликатностью именуя их «слабовидящими», а в особенности можно сколько угодно дискриминировать тех, кто отклонился от обязанности соблюдать правила *politically correct*» [Эко, 2003: 141].

Американский лингвист Л. Блумфилд обратил особое внимание на процесс упрощения языка, подчеркнув, что изменения в языке направлены в сторону укорочения слов, что он связывал с построением в будущем искусственного языка, увидев в языке не только действие его собственных законов, но и человеческую деятельность [Блумфилд, 1968].

Общеизвестной является мысль о том, что языковая система не остается неизменной. Вслед за Ф. де Соссюром, многие исследователи отмечали, что языковая изменчивость связана не столько с тем, как устроен язык, сколько с тем, каково его назначение. Английский философ Г. Спенсер, подметивший, что в процессе развития по «естественным законам эволюции» язык движется от сложного к простому, что длинные слова становятся короткими, «многословные предложения – предложениями однословными», подчеркивал, что если уж сам язык стремится к упрощениям, то люди могут, активно воздействуя на язык, ускорить этот процесс [Спенсер, 1900: 126].

Это упрощение языка связано с «законом наименьшего усилия», в частности, с принципом «языковой экономии», сформулированным французским лингвистом А. Мартине. Ученый отмечал, что противоречие

между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия является движущей силой, определяющей изменения в языковой системе [Мартине, 1963: 532 – 533].

Следует отметить, что изучаемый в данной работе феномен политкорректности, который связан с вышеупомянутым принципом «назначения языка» и с воздействием на язык человеческой деятельности, нарушает другой принцип – «языковой экономии». Экономия проявляется в синтагматике, когда одно слово используется вместо словосочетания, и в парадигматике, когда при выражении понятия оперируют уже имеющимися обозначениями, не изобретая новых [Костюшкина, 2009:31].

Суть этого принципа состоит в использовании минимума языковых средств для передачи максимума (оптимума) содержания. Иными словами, принцип языковой экономии требует оптимального набора языковых средств, которые способствуют созданию формально краткого и семантически емкого, опирающегося на существенные признаки, наименования.

Приведем в качестве примера следующее предложение с избыточным, искусственно созданным наименованием:

*(4) Mais "il existe une réalité extra-économique, donc non rationnelle, au regard des exigences du marché du travail": à côté des critères utilisés pour tous les **demandeurs d'emploi**, entrent en jeu des "exclusions formelles" tacites et non reconnues, liées à l'origine ethnique des candidats [Le Monde].*

С изменением «тела» языкового знака меняется и его значение, то есть «безработный» формально становится человеком, просто «просящим», – непонятно по каким причинам, – «работу».

Однословное, то есть более экономное, легко произносимое, выражающее суть явления слово *chômeur* (безработный), которое состоит из двух слогов, было заменено на политкорректный эвфемизм-словосочетание с нечеткой, размытой референцией *demandeur d'emploi* – ищущий работу (букв: просящий работу), содержащее пять слогов.

В данном случае мы сталкиваемся с перифразой, представляющей собой замену слова описательным выражением, служащим цели «смягчения речи, прикрытия или маскировки содержания» [Хазагеров, 2009: 273 – 274]. Приведенная выше перифраза является частью манипулятивной дискурсивной стратегии «на повышение», использующей тактику вуалирования, затушевывания такого неприглядного социального явления, как безработица.

Помимо усложнения понимания, политкорректность загружает языковую систему новыми названиями объектов и понятий, уже получивших свое обозначение, нередко при этом используются номинации, состоящие из нескольких однозначных слов. Примером могут служить следующие перифразы: *personne à mobilité réduite* (*handicapé* – инвалид); *acteur de la formation* (*élève* – ученик); *animateur d'espace vert* (*jardinier* – садовник); *sortie de route* (*dérapiage* – занос); *victime de la société* (*criminel* – преступник); *pharmacien sans papiers* (*dealer* – дилер); *ajustement des effectifs* (*licenciement* – увольнение).

Важен еще и следующий аспект. Политкорректность, по сути, действует вопреки внутриязыковым лингвистическим закономерностям, согласно которым французский язык стремится не к «дроблению», а к «сжатию» элементов, к простому немотивированному знаку, когда: «слова настолько сжимают свои элементы, что часто лишь с трудом поддаются анализу» [Балли, 1955: 216 – 217].

1.3. Основания формирования политкорректности в современном французском дискурсе

1.3.1. Социологические основания формирования политкорректности

Рассмотрение политкорректности будет неполным, если ограничиться определением этого феномена, анализом его соотносительности со смежными понятиями, изучением его роли и места в политическом дискурсе. Важно

рассмотреть его с общетеоретических позиций, поставив вопрос об основаниях формирования политкорректности в политическом дискурсе. Разрешение этого вопроса требует обращения к данным, изучаемым в рамках разных наук, в частности, социологии, культурологии, гносеологии, лингвистики. Обратимся к социологическим основаниям, повлекшим за собой появление, становление и укоренение политкорректности в западном, а именно, французском обществе.

Социологические основания формирования политкорректности в политическом дискурсе обусловлены процессом развития самого общества.

Политкорректность во французском обществе имеет исторические корни, которые можно усмотреть в аристократическом прециозном течении, зародившемся в XVII веке, в эпоху Франсуа де Малерба. Французское высшее общество отказывалось произносить некоторые слова, пытаясь, таким образом, очистить язык от просторечной лексики. Период интенсивного создания лексики в салонах переходит в учрежденную в 1636 году Французскую Академию.

В 1647 году один из учредителей Академии и руководителей составления Академического словаря Клод Фавр де Вожла (Claude Vaugelas) опубликовал свои заметки о французском языке, отметив разницу между языком народа (*la langue du peuple*) и языком элиты (*la langue de l'élite*). В своих «*Remarques sur la langue française*» (1647) Вожла объявил «употребление языка элиты «арбитром» при решении языковых проблем» [Лотман, 1997: 556].

В 1650 году был введен термин *précieuses* (пуристки) для обозначения течения, созданного женщинами-аристократками, использовавшими салонную лексику. Продвигаемая ими щегольская (прециозная) культура требовала заменить обиходные слова на возвышенные наименования, например, вместо слова «веник» (*balai*) использовалось словосочетание «инструмент чистоты» (*instrument de propreté*); слово «кресло» (*fauteuil*) было заменено на «устройство для разговора» (*commodité de conversation*); слово

«хлеб» (pain) было заменено на выражение «поддержка для жизни» (le soutien de la vie) [Merle, 2002]. По сути, «щегоольская культура строится на игре, вытекающей из условной связи содержания и выражения знаков» [Лотман, 1999: 372].

В комедии «Les précieuses ridicules» («Смешные жеманницы») Мольер высмеивает нравы высшего общества, целью которого было приукрасить реальность. В XIX веке Оноре де Бальзак следующим образом отзывался о прециозном языке: «Новые слова, <...> которые созданы по капризу, нужны в первую очередь тем, кто ими пользуется, и это дает им чувство превосходства и главенства над другими, они кажутся глубокими тем, кто их не понимает» [Balzac, 1830: 19].

Следует упомянуть в этой связи дальнейшее регулирующее вмешательство в жизнь языка, выразившееся в появлении в XIX веке так называемого «шаблонного, казенного языка», который называется также «деревянным языком – langue de bois». Начиная с 1970-го года, «деревянный язык» обрастает пропагандистскими коннотациями, которые он впоследствии сохраняет. С лингвистической точки зрения, «деревянный язык» характеризуется следующими качествами: деперсонификацией, эпитетностью, развитой лозунговостью, повторением [Masmеjean, 2006].

Выражение, которое наиболее четко передает способ политкорректного мышления, – это *pensée unique* (единая мысль), которое появляется в 1980 – начале 1990-го года и вводится в разговорный обиход французским журналистом, писателем, историком Жан-Франсуа Кан (Jean-François Kahn).

Пьер Мерль утверждает, что феномен «единой мысли» (*pensée unique*), вместе с политкорректностью, представляет собой тенденцию к общему согласию, которое можно назвать словом *toutafisme*, образованным на базе устойчивого выражения *tout-à-fait* (конечно, само собой разумеется) и суффикса *-isme* [Merle, 1999: 218].

Начиная с 90-х годов XX века, в связи с нарастанием присутствия в Республике выходцев из стран Африки, политической элитой Франции

продвигается заимствованная из США идеология мультикультурализма, которая потребовала политкорректного языка, учитывавшего интересы представителей всех национальностей и социальных сословий.

С изменением общества, политический дискурс также меняется, пропагандируя те ценности, которые ранее были чуждыми французскому обществу в целом. Так, в настоящее время во Франции, большинство граждан которой были верующими католиками, насаждается светскость, в противовес традиционной христианской вере. В Конституции записано, что Франция является неделимой, светской, демократической и социальной республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан, независимо от их происхождения, расы или религии. Она уважает все верования [Конституция Французской Республики]:

(5) La France est une République indivisible, laïque, démocratique et sociale. Elle assure l'égalité devant la loi de tous les citoyens sans distinction d'origine, de race ou de religion. Elle respecte toutes les croyances [Constitution de la République française].

Для обозначения системы правления Французской республики политики используют прилагательное *laïque*, которое обозначает форму правления, не определяемую духовенством и не получающую от него приказы: *qui ne fait pas partie du clergé, qui n'a pas reçu les ordres de cléricature <...>* [Le Petit Robert, 2013: 1453]. Президент Франции Франсуа Олланд в одной из своих речей подчеркивает, что светскость является в первую очередь принципом свободы и единства:

(6) La laïcité est avant tout un principe et de liberté et de cohésion [La Croix].

Негативным проявлением этой политики, проводимой французскими идеологами политкорректности, является то, что она провоцирует дальнейшее укрепление мусульманской религии, носителями которой являются иммигранты из стран Африки и Ближнего Востока, на что

правительство закрывает глаза, принижая собственные ценности, в том числе и свою христианскую религию и историю.

1.3.2. Культурологические основания формирования политкорректности: оппозиция «свой / чужой» в политическом дискурсе

Как механизмы культуры в целом, так и поведение отдельного человека связаны с определенными моделями поведения, которые коренятся в обычаях, традициях, принятых в данном культурном сообществе. Самобытность народного духа, о котором писал В. фон Гумбольдт, воплощается, с одной стороны, в языке, с другой, формируется и поддерживается многочисленными формами традиции [Гумбольдт, 1984: 40].

Одной из таких традиций является древнейшее противопоставление «своих» «чужим», чему находится достаточно простое объяснение: «своим» едва хватает, как же можно впустить на территорию, обеспечивающую нас пищей, еще и других? [Васильев, 2007: 4].

Образы «чужого» как представления о другом народе, укоренившиеся в сознании, подсознании и ставшие предубеждением, последовательно трансформируются и перерастают в образы врага, в предрассудки, от которых человечество страдает с самого начала своего существования [Копелев, 1994: 12].

Т.Г. Грушевицкая считает, что до настоящего времени не сформулирована научная дефиниция «чужого». На обыденном уровне это понятие определяется путем выделения и описания наиболее характерных признаков и свойств этого слова:

- «чужой» как нездешний, иностранный, находящийся за границами родной культуры;
- «чужой» как странный, необычный, контрастирующий с обычным, привычным окружением;
- «чужой» как незнакомый, неизвестный и недоступный для понимания;

– «чужой» как сверхъестественный, всемогущий, перед которым человек бессилен;

– «чужой» как зловещий, несущий угрозу для жизни [Грушевицкая, 2002: 176].

Противоположное ему понятие «свой» подразумевает тот круг явлений окружающего мира, который воспринимается человеком как знакомый, привычный, само собой разумеющийся.

«Чужой» мир характеризуется как мир неизвестный, непонятный, странный, непредсказуемый, опасный. Членов оппозиции «свой / чужой» можно соотнести с признаками «хороший / плохой». Положительным оказывается внутреннее, близкое, свое, а отрицательным – внешнее, далекое, чужое [Степанов, 1997: 435].

Разделение на «своих» и «чужих» означает то, что люди ориентируются не только на личные, но и на коллективные (государственные, классовые) ценности; «другие» рассматриваются через призму «своих» законов, правил, поэтому «другие» могут быть средством или помехой к удовлетворению своих интересов [Иссерс, 2006: 17].

Противопоставление «своих» «чужим» предполагает различия между ними, которые преподносятся как непреодолимые и обязательно влекущие за собой конфликт и нетерпимость друг к другу [Колосов, 2004: 253]. Указанное противопоставление находит свое проявление и в политической коммуникации [Самарина, 2006: 8]. Тен ван Дейк отмечает что «любые преобразования, в том числе и осуществляемые в области политики, всегда опираются на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свой / чужой» [Т. ван Дейк, 1989: 73].

На наш взгляд, именно эта оппозиция заложена в фундамент политкорректности, затрагивающей все те сферы, где сталкиваются интересы разных групп по вопросу о том, кого считать «своим», а кого «чужим». Отсюда следует, что привативная бинарная оппозиция «свой / чужой» является критерием, определяющим политкорректность. В соответствии с

тем, какой член оппозиции выбирается в качестве «эталонной» точки отсчета, корректируется и языковой код, изменяется соответствующая языковая норма. Посредством оппозиции «свой / чужой» можно проследить оценочное отношение говорящего к другому. Оно может быть как положительным, так и отрицательным. В политическом дискурсе положительная саморепрезентация обычно сочетается с отрицательной репрезентацией или умалением заслуг другого [Т. ван Дейк, 2013: 243].

Примером отрицательной репрезентации может служить следующее высказывание:

*(7) D'où vient le problème de l'atteinte à la laïcité sinon des musulmans? On le dit, ca ? Et bien, moi, je le dis ! c'est ça notre problème actuellement, c'est les musulmans qui mettent en cause la laïcité ! c'est les musulmans qui **amènent la merde aujourd'hui** ! [Le Monde].*

Французский журналист Филипп Тессон заявляет, что светская форма правления государства вынуждена подвергаться ненужным изменениям из-за мусульман. В предельно грубой форме журналист обвиняет мусульман, утверждая, что ими загажено все [букв: *amènent la merde aujourd'hui* (приносят сегодня дерьмо)]. Фактически обвинение является ничем иным, как оскорблением (инсультацией) людей иной этнической принадлежности, то есть «чужих». В данном высказывании используется такая неполиткорректная дискурсивная стратегия «на понижение», как дискредитация.

В следующем высказывании содержится скрытое обвинение мусульман в том, что в случае любого социального конфликта не они, «чужие», а коренные французы, «свои» становятся жертвами, так как именно французов убивают в школах, их, а не мусульман осыпают ругательствами в уличных демонстрациях:

(8) Les musulmans de France ne sont pas coupables, mais ne sont pas victimes. Ce ne sont pas eux que l'on massacre dans les écoles ni invective dans les manifestations de rue [Valeurs actuelles].

В целях манипуляции общественным мнением используется событие, которое позволяет провести резкую грань между «нами – коренными французами» (хорошими и невиновными) и «ими – иммигрантами-мусульманами» (плохими и виновными). Подобное социальное событие подается в эмоционально-окрашенном стиле и способствует формированию границы между «своими – хорошими» и «чужими – плохими» таким образом, чтобы сформировать у французского общества представление о том, что, например, иммиграция мусульман во Францию – это всегда плохо.

Приведем пример политкорректного наименования африканцев как «своих» и неполиткорректного наименования цыган, представленных как «чужих»:

*(9) On en fait moins pour des **sans-papiers africains**, qui se tiennent à carreau, que pour ces **Roms** qui bordélisent tout et ont la chance d'être européens, - peste un élu PS [Le Point].*

Политкорректные словосочетания, косвенно номинирующие нелегалов-африканцев как не имеющих документов (*sans-papiers africains*) и цыган как румын (*Roms*), несут в высказывании различную коннотацию. Прослеживается положительное в целом отношение к африканцам-нелегалам, которые, хотя и не имеют документов, ведут себя предусмотрительно, осторожно (*se tiennent à carreau*), и негативное отношение к цыганам, которые везде наводят бардак (*bordélisent tout*). Высказывание политкорректно по отношению к африканцам и явно неполиткорректно в отношении цыган из Румынии.

1.3.3. Гносеологические основания формирования политкорректности: оппозиция «истина / ложь» в политическом дискурсе

Важнейшую роль в политическом дискурсе играет гносеологическая, относящаяся к процессу познания, оппозиция «истина / ложь».

Человеческая познавательная деятельность может осуществляться на разных уровнях – чувственном и рациональном. И чувственное познание, в основе которого лежит ощущение, представление и восприятие, и рациональное познание, которое базируется на процессе мышления, могут давать как истинное, так и ложное знание. Истина представляет собой «адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, воспринимающее познаваемый предмет так, как он существует вне и независимо от сознания» [Краткий философский словарь, 2000: 125]. «Истина» имеет свое основание вне субъекта, в реальном предмете; «Предметная реальность есть первый необходимый признак, *condition sine qua non* истины» [Соловьев, 1988: 597 – 599].

Ложь, в отличие от истины, это «преднамеренное возведение заведомо неправильных представлений в истину. Ложь – заявление, рассчитанное на обман, когда говорящий умалчивает или искажает то, что он знает о рассматриваемом положении вещей, либо когда он знает нечто другое, чем то, что он говорит [Философский энциклопедический словарь, 2001: 247].

Ложь, вымысел, заблуждение как нечто неистинное, хотя и существует, но существует только в субъекте (в его мнении и слове), вне же его не имеет никакого бытия; неистинное не существует вне субъекта, оно лишено объективного бытия [Соловьев, 1988: 597].

Важнейшие гносеологические понятия истины и лжи издавна были в центре внимания философов.

Истину, утверждал Августин Аврелий, невозможно высказать в совершенстве посредством закрепленных за словами понятий, но вначале возможно выразить ее с помощью образов, символов и аллегорий, и «таких окольных путей выявления истины существует несчетное множество: язык почти неисчерпаем в рассматриваемом плане» [Августин, 2006: 147 – 148].

В этом утверждении уже заложено оправдание-уловка для идеологов политкорректности, которые изыскивают разные «окольные пути» косвенного обозначения табуированных обществом явлений, избегая прямого

наименования, претендуя при этом на истинное, «адекватное» отображение в языке неблагоприятного факта, события или объекта.

Истинность или ложность конкретного суждения в подобной релятивистской трактовке ставится в зависимость от высказывающего его человека. Так, например, софист Протагор, утверждая субъективный, а значит, относительный характер истины, говорил, что «человек есть мера всех вещей: сущих в их бытии – не сущих в их небытии» [Всемирная энциклопедия: Философия, 2001: 838].

Напротив, русский логик С. Поварнин, исходя из объективности истины, писал, что «истина будет оставаться истиною, хотя бы ее произносили преступнейшие уста в мире; и правильное доказательство останется правильным доказательством, хотя бы его построил сам отец лжи» [Поварнин, 1918: 73].

Представляет интерес понимание истины как субъективного явления у Э. Бюиссенса, который считает критерием истинности не познавательную, а коммуникативную практику. Истина для него – предмет коммуникативного консенсуса, социальный факт. «Идея истинности предполагает всеобщее согласие, выраженное языковым, либо иным способом». Бюиссенс приводит слова Паскаля: то, что истинно с одной стороны Пиреней, воспринимается как заблуждение с другой [BuysSENS, 1984: 2]. В этом утверждении о субъективном характере истины слышится отзвук идеи Протагора о человеке как о мере всех вещей.

Софист Фрасимах Халкедонский, утверждавший, что «справедливость есть не что иное, как полезное для сильнейшего» [Лосев, 2000: 11], распространил учение об относительности истины на социально-этические нормы, убеждая, что каждая власть устанавливает законы, полезные для нее самой: демократия – демократические, а тирания – тиранические и т. д. [Асмус, 1976].

Античные философы пытались выработать рекомендации, препятствующие распространению лжи. Так, занимаясь разоблачением

софистов и их уловок в ходе различного рода обсуждений, Аристотель сформулировал основные законы формальной логики. Сказанное не означает, что софисты были аморальными людьми. Но именно они разработали учение о силе слова, доказав, что любая речь, искусно составленная, но не соответствующая истине, более всего нравится народной массе. Слово, по их мнению, есть высший властелин, оно способно «околдовать душу, склоняя ее к чему-то дурному» [Лосев, 2000: 39].

Именно софисты учили искусству спора, когда слабейший аргумент делался сильнейшим, когда одну и ту же идею можно было и порицать, и восхвалять, в зависимости от обстоятельств. Данную риторику можно наблюдать в настоящее время в реализации политики двойных стандартов, практикуемой западными странами, когда, например, одни и те же действия по урегулированию конфликта на востоке Украины со стороны России порицаются, а со стороны Украины восхваляются.

В Средние века и Новейшее время Монтень, Макиавелли, Монтескье, Шопенгауэр, российские философы Соловьев, Бердяев, французский исследователь Дюпра и ряд других ученых уделяли анализу феномена лжи много внимания.

Ж. Дюпра считал, что это психо-социологический словесный акт внушения, при помощи которого стараются, более или менее умышленно посеять в уме другого какое-либо положительное или отрицательное верование, которое сам внушающий считает противным истине [Дюпра, 1905: 73].

Еще с древних времен определились два основных подхода к допустимости лжи. Платон, Гегель, Макиавелли считали ложь во благо общества допустимой и даже необходимой. «Уж кому-кому, – писал Платон, – а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан – для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать» [Платон, 1994].

Еще более категорично о допустимости лжи писал Вольтер в XVIII веке, считая, что ложь является «высшей добродетелью», если она творит добро, причем нужно лгать, по его словам, как черт, не робко, не время от времени, а смело и всегда [Грачев, 1999]. В данном случае, видимо, под высшей добродетелью имеется в виду добро для государства в целом и для правящей элиты, в частности. Основа западной демократии вообще и политкорректности, в частности, заложена как раз в данном подходе к пониманию лжи, которая может представляться высшей добродетелью, если она творит добро для властей.

Трактуя истину и ложь как относительные понятия, А. Шопенгауэр называл отрицание необходимой, по его мнению, лжи «жалкой заплатой на одежде убогой морали» [Шопенгауэр, 2001: 342].

Определение лжи и обмана включает в себя следующие компоненты: намеренность (сознательность) действия; искажение реальности (действительности, фактов, информации); социально неодобряемую, неблагородную, прежде всего корыстную цель, в результате достижения которой приобретает преимущество одним человеком или группой лиц над другим человеком или группой лиц, которым наносится ущерб [Грачев, 1999]. Лживым считается также заявление, когда говорящий умалчивает том, что знает [Философский энциклопедический словарь, 2001: 247].

На наш взгляд, в политкорректности действие гносеологической оппозиции «истина / ложь» проявляется в том, что противопоставленные члены оппозиции трактуются властным политическим дискурсом как относительные понятия, позволяющие преподнести истинным то, что выгодно правящей элите, и, таким образом, ложь, выдаваемая за истину, санкционируется всеобщим одобрением и согласием. Неслучайно даже само понятие лжи в политкорректной идеологии получило переименование и звучит как *contre-vérité* (контр-правда) вместо общепринятого слова *mensonge* (ложь). Главное, что придает политкорректному слову положительную

коннотацию, это наличие в его структуре компонента *vérité* (правда), который фиксирует на себе внимание говорящего / слушающего.

В свое время французский политик Доминик Вуане в заявлении о повышении налогов высказала мысль о том, что нужно вернуть возможность состоятельным налогоплательщикам, зарабатывающим более 4.000 евро в месяц, вновь испытать чувство гордости, внося свой вклад в финансирование органов государственного аппарата:

(10) «*On peut redonner la fierté de contribuer au financement des services publics*» [*Le Monde*].

Истина, то есть в данном случае ущемление прав состоятельных налогоплательщиков, камуфлируется ложным утверждением, переносящим акцент на позитивную репрезентацию этих людей как «своих», способных испытать особое чувство *fierté* (гордость, благородство), когда их как избранных, исключительных граждан привлекают к финансированию органов власти.

Тезис об объективности истины как основной цели к постижению познания, равно как и признание того, что «истина есть то же, что реальность» [Соловьев, 1988: 598], не входит в сферу интересов идеологии политкорректности.

1.3.4. Лингвистические основания формирования политкорректности в политическом дискурсе. Ономаσιологический и семасиологический подходы к языковому знаку

Говоря о лингвистических основаниях формирования политкорректных наименований, используемых в политическом дискурсе, нельзя обойти вниманием вопрос о языковом знаке как основе всякого означивания действительности. Первое упоминание о знаке содержится в трудах античных философов. Понятие знака как имени вещи вводится Платоном в диалоге «Кратил». Согласно Платону, сущности вещей («идеи») отражаются в

индивидуальном человеческом сознании и обозначаются различными именами [Платон, 1994: 613].

Большую роль в разработке понятия знака сыграло развитие христианского богословия в Средние века. Именно в этот период в христианском контексте споров между реалистами и номиналистами возникает классическое определение знака как чувственно воспринимаемого явления, служащего для обозначения чего-либо другого, которое замещается этим знаком.

Отзвук идеи о заместительной функции знака слышится в определении Чарльза Пирса, который характеризовал знак как «что-то, способное для кого-то в некоторых ситуациях быть заместителем чего-то иного» [Пирс, 2000: 74].

Реализация функции замещения становится возможной благодаря двойственной, бинарной природе знака, которую четко сформулировал Ф. де Соссюр. Швейцарский лингвист утверждал, что «единица языка есть нечто двойственное, образованное из соединения двух компонентов. Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ (означаемое и означающее)» [Соссюр, 1977: 99]. О неразложимом единстве этих двух сторон знака, означаемого и означающего, писали еще стоики [Фрейденберг, 1936: 87]. Различие сторон знака подчеркивает Ж. Деррида, который говорит о том, что слово и обозначаемое им понятие никогда не могут быть одним и тем же, поскольку то, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в знаке [Деррида, 2000: 42].

С этой мыслью согласуется утверждение А. А. Потебни, который, в частности, пишет: «Знак важен для нас не сам по себе, а потому, что, будучи доступнее означаемого, служит средством приблизить к себе это последнее, которое и есть настоящая цель нашей мысли. Означаемое есть всегда нечто отдаленное, скрытое, трудно познаваемое сравнительно со знаком» [Потебня, 1958: 16].

Значительную роль в исследовании знака сыграли работы Ф. де Соссюра, который подходил к языку с семиотических позиций. В современной лингвистике Соссюр первым затронул вопрос о произвольности языкового знака: «связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен» [Соссюр, 1977: 100].

О различии между самим знаком и обозначаемым, которое оно замещает, говорил Мишель Фуко: произвольность проявляется в том, что «то, что оно [обозначение] обозначает, может быть настолько же отличным от того, на что оно указывает, насколько жест отличается от объекта, к которому он направлен <...>» [Фуко, 1994: 112].

По сути, в утверждениях о произвольности знака развиваются догадки ученых античности о зависимости наименований от человека.

Так, рассуждая о названиях, Платон признает отдаленные связи слова с предметом и допускает возможность употребления имен по договору: «Ни одно имя никому не врожденно от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть» [Платон, 1994: 614].

В утверждении Платона, допускающего возможность произвольного создания наименований, исходя из устоявшихся в обществе правил и традиций, можно увидеть определенные истоки политкорректности, цель которой заключается в том, чтобы заменить, с общего согласия, то есть согласно договору, узуально-маркированную лексику с негативной коннотацией лексическими единицами с нейтральной или положительной коннотацией.

Например, в одном из своих заявлений действующий президент Франции Франсуа Олланд предлагает заменить «по договору» слово *zone* (зона), которое использовалось для обозначения кварталов для иммигрантов и малоимущих слоев населения, на словосочетание *quartier prioritaire*

(приоритетный квартал). Такие кварталы являются типичными районами трущоб, ветхого, дешевого жилья и высокого уровня преступности.

Здесь нелишне будет ввести понятие депривации, характеризующей такие районы, называемые социологами «внутренним городом». Депривация означает неравенство доступа к социальным благам, охватывая бедность и другие формы социального неблагополучия. Низкий доход или безработица могут сочетаться с плохим жильем, слабым здоровьем и доступом лишь к низкосортному образованию [Социологический словарь, 2004: 119].

Нижеприведенное предложение является яркой иллюстрацией применения манипулятивной дискурсивной стратегии «на повышение», задействующей не только тактику вуалирования, затушевывания депривации, незавидного состояния кварталов бедноты, но и сознательного введения в заблуждение, представив убогие районы «внутреннего города» вначале «чувствительными», а затем и «приоритетными, первостепенными»:

(11) Six millions de Français vivent dans ce qu'on appelle des zones urbaines sensibles, les ZUS. Je commencerai par changer de vocabulaire, je mettrai un terme au zonage qui est une stigmatisation». Un projet de loi prévoit le remplacement des ZUS (Zones Urbaines Sensibles) par un contrat unique, les "quartiers prioritaires" [Europe 1].

Подобная трансформация языкового знака, обозначающего один и тот же денотат, но разные десигнаты, подтверждает тезис Ч. У. Морриса о реляционном характере свойств знака, приобретаемых им в функциональном процессе семиозиса. «Знаки, – пишет Моррис, – указывающие на один и тот же объект, не обязательно имеют те же самые десигнаты, поскольку то, что учитывается в объекте, у разных интерпретаторов может быть разным», причем интерпретация зависит от «каждой конкретной ситуации», то есть, она определена контекстом употребления [Моррис, 2001: 48].

Как уже отмечалось ранее, большой вклад в развитие теории языкового знака внес В. фон Гумбольдт, подчеркнувший, что язык есть прежде всего

«созидающий процесс», а не только результат этого процесса: «язык есть не продукт деятельности, а сама деятельность» [Гумбольдт, 1984: 80].

Следует отметить, что политкорректность в своей основе и есть подобная деятельность, целью которой является осуществление определенных языковых реформ, которые ведут не к трансформации всего языка как системы, а к его частичному изменению.

Рассуждая о политкорректности, в связи с произвольностью знака следует вернуться также к ставшей классической работе С. И. Карцевского об асимметрическом дуализме языкового знака. Карцевский писал: «Большинство слов предназначено не к тому, чтобы определять и называть, но к тому, чтобы описывать, взывать к нашему воображению, быть экспрессивными. Поэтому слова имеют по несколько значений <...>. Потенциально слово имеет $n + 1$ значений... И обратно: любое значение может быть выражено несколькими способами». Отметим также существенную в этой работе и нетрадиционную для первой половины XX века мысль: «Мы понимаем и высказываемся “приблизительно”; лица говорящие этого не замечают». Тем самым языковой знак оказывается зыбким, а сам язык является «приблизительным» по своей семантике. Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками [Карцевский, 1965].

Отмеченные особенности языкового знака преломляются в феномене политкорректности. Начнем с первого утверждения о значимости в процессе номинации учета прагматического аспекта, а именно, отношения человека к обозначаемому, что проявляется в экспрессивности наименования, оставляющего эмоциональный след в душе человека. Это объясняет, почему имеющиеся в языке обозначения, отражающие суть явления, но приобретшие негативные коннотации, заменяются на другие, которые, пусть они и не так точны, пусть они лишь “описывают” явление, но при этом они своей

внутренней формой передают положительный, а не отрицательный образ, и в таком виде они способны вызывать к нашему воображению.

Реализуется в политкорректности и утверждение С. И. Карцевского о возможности выражения одного и того же значения разными знаками. Нередко для обозначения одного и того же денотата язык – под давлением политкорректной идеологии, то есть согласно установленной конвенции – последовательно вырабатывает целый ряд наименований, тем самым пытаюсь создать новый образ, лишенный приобретенных за время своего функционирования неких созначений, воспринимаемых по каким-либо причинам негативно. Так каждый раз при переобозначении действует фактор новизны, что видим, например, при переименовании центра занятости (Bureau d'adresses (адресное бюро) → Office de placement gratuit (офис бесплатного устройства на работу) → Des bureaux de placement (бюро по устройству на работу) → L'Agence nationale pour l'emploi (ANPE) (национальное агентство найма на работу) → Pôle emploi (центр занятости)). Интересно, как старательно новые названия избегают ассоциаций с реальным положением дел, а именно, с безработицей.

И, наконец, верно также утверждение С. И. Карцевского о «приблизительности» наименования, коренящегося в том, что в основу имени всегда могут быть положены разные признаки предмета, в том числе и периферийные, а значит, не схватывающие целиком его сущности. Так, банкротство (faillite) именуется «прекращением выплаты» (cessation de paiement); рабство (esclavage) – «нелегальной работой» (travail clandestin); бетонщик (betonneur) – «человеком при оборудовании» (amenageur); негр (nègre) – «цветным» (personne de couleur).

Умберто Эко говорит, что знаковая функция осуществляется, в частности, для разработки идеологий, что «знаки можно использовать для того, чтобы лгать, потому что они отсылают к объектам или состояниям мира лишь опосредованно. Непосредственно они отсылают лишь к определенному содержанию» [Эко, 2006: 328]. Это утверждение в полной мере

характеризует политкорректность, нацеленную на переобозначение языковых единиц, не устраняющее стоящие за ними негативно воспринимаемые явления. Иными словами, речь идет не об истинном отражении объективной реальности, а ее искаженном, ложном представлении.

Приведем еще одно рассуждение У. Эко, подтверждающее данную мысль: «Получается, дело в том, что порой употребляют политкорректность, чтобы уладить социальные проблемы, действующие на нервы. Вместо того, чтобы совершенствовать общество, совершенствуют лексику» [Эко, 2007: 170].

Так, например, французские политики называют безработицу – «социальным планом сопровождения» (*plan social d'accompagnement*); безработного – «свободным, незанятым» (*libre, non-occupé*); рабочего – «оператором» (*opérateur*); бедность – «исключением» (*exclusion*); бойкот – «гражданским коллективным прошением» (*posture collective citoyenne*).

Политкорректность в целом базируется на произвольном характере языкового знака, стороны которого – означаемое и означающее – не связаны друг с другом прямолинейной, односторонней, принудительной зависимостью. Политкорректность опирается на асимметричность означаемого и означающего, что позволяет идеологам политкорректности создавать разные наименования для одного и того же денотата, который является, по тем или иным причинам, социально неприемлемым. Таким образом, в конкретной речевой ситуации этот денотат предстает в разном референциальном обличье. Это происходит потому, что в языке слово является знаком денотата, а в речи – знаком референта [Степанов, 1975:9 – 10]. Во втором случае языковой знак превращается в речевой, особенностью которого является «мотивированное употребление», исходя из мотива речи (для чего говорю) человек и строит свои высказывания [Гусаров, 2012:19].

Примером подобного речевого означивания – использования разных перифрастических обозначений одного и того же понятия эвтаназии (содействия умиранию безнадежных больных с их согласия) может служить

следующее высказывание. В ходе предвыборной кампании Франсуа Олланд, в своем активном продвижении эвтаназии, тщательно выбирает слова, о чем с иронией говорит французский журналист, сравнивая выбор президентом слов в предвыборной кампании с эквилибристикой, в которой всячески избегались слова «смерть», «умереть». В результате, как отмечает журналист, согласно «новоязу» (novlangue) Олланда, вместо слова эвтаназия следует говорить о медицинской помощи для того, чтобы «закончить свою жизнь достойно» (terminer sa vie dans la dignité). Денотат – смерть при эвтаназии остался тем же, изменилась его контекстуальная актуализация, а именно референт:

(12) L' "euthanasie" que semble vouloir légaliser Hollande n'est pas non plus formellement nommée. Dans ce domaine, l'exercice tourne carrément à l'équilibrisme puisque les rédacteurs ont soigneusement évité d'utiliser les termes "mort" et "mourir". En novlangue hollandaise, ça donne: "assistance médicalisée pour terminer sa vie dans la dignité" [Marianne].

Знаки языка, осуществляющие важнейшую функцию означивания действительности, должны отражать природу обозначаемых ими предметов, что ограничивает произвольность обозначения. Политкорректность же в определенной мере нарушает этот принцип, все дальше отходя от сути, от природы обозначаемых вещей. Существенные признаки (отсутствие работы, обеспечивающей средства существования для безработного) заменяются второстепенными признаками, маскирующими суть явления, такими, как просьбой человека о работе (demandeur d'emploi). Помимо этого политкорректность нарушает прагматический аспект знака, согласно которому «означающее должно обладать следующими характеристиками: компактность, легкодоступность, мобильность, стабильность (или легковоспроизводимость)» [Савелова: 2005: 57]. Нетрудно заметить, что перифраза «assistance médicalisée pour terminer sa vie dans la dignité», равно как и другие политкорректные перифрастические наименования (longue maladie вместо cancer «рак»; champ de repos; espace de fin de vie; вместо cimetière «кладбище»; espace de culte вместо église «церковь»; employé en

terminal de cuisson вместо boulanger «пекарь») не отвечают этим требованиям.

В изучении языкового знака возможно опираться не только на семиотический подход, который был до сих пор в центре внимания настоящей работы, но и на два других подхода – ономаσιологический и семасиологический. Ономаσιологический подход можно представить следующей формулой: «внеязыковое содержание – языковая форма / языковая система – речь», в то время как семасиологический подход учитывает обратные переходы: «речь – языковая система / языковая форма – внеязыковое содержание». Ономаσιологический подход исследует язык с точки зрения говорящего, то есть в направлении: «внеязыковое содержание – языковая форма» [Даниленко, 1988:108].

Семасиологический подход отражает точку зрения воспринимающего на звучащую речь, то есть в направлении: «языковая форма – внеязыковое содержание». При семасиологическом подходе слово анализируется на основе его парадигматических отношений и синтагматических связей, а также в его соотношении со своим денотатом – объектом внеязыковой действительности [Ефремова, 2001: 752]. Семасиологический подход к языковому феномену политкорректности представлен в настоящей работе анализом семантического переосмысления языковых единиц, осуществляемом далее.

Наше исследование в значительной степени ориентировано на говорящего, который исходит в своей деятельности из некоторого внеязыкового содержания, чему подыскивается та или иная (в данном случае – политкорректная) языковая форма. Остановимся более подробно на ономаσιологическом подходе к языку.

Становление ономаσιологического направления связано в Европе с грамматикой Пор-Рояля. В качестве основных рациональных начал, лежащих в основе языка, Арно и Лансло выделяют ономаσιологические категории

субстанции, качества и отношения, которые переводятся из плана объективной действительности в план мышления [Даниленко, 1988: 111].

Наиболее крупным представителем ономасиологической линии в языкознании XIX века стал В. фон Гумбольдт, представлявший язык «в виде особого и объективировавшегося самого по себе мира, который человек создает из впечатлений, получаемых от внешней действительности»; по мнению Гумбольдта, «говорящий, прежде чем задуматься над языком, имеет дело только с совокупностью подлежащих выражению мыслей» [Гумбольдт, 1985: 90]. Гумбольдт подчеркивал творческий характер языковой деятельности, что было затем продолжено Э. Сепиром, Б. Уорфом, Л. Вайсбергером, придерживавшихся ономасиологического подхода к языку. В их трудах отчетливо звучит идея лингвистической относительности, согласно которой «не реальность определяет язык, на котором о ней говорят, а наоборот, наш язык всякий раз по-новому членит реальность <...> язык – это средство формирования мышления и мировоззрения людей. Реальность опосредована языком» [Уорф, 1960: 238].

За исходную точку зрения в означивании мира берутся «логические категории и отношения, которые живут в сознании носителей языка, с целью определить средства, которые язык предоставляет в распоряжение говорящих» [Балли, 1961: 296].

Л. Вайсгербер ввел понятие «вербализация мира», определив его как «процесс языкового овладения миром и превращения его в объект познания», выдвинув тезис о необходимости создания «новой грамматики», которая осуществляется языком как «действующая сила» [Гухман 1961: 129 – 130, 154].

Ономасиологический подход, принятый в настоящей работе, позволяет увидеть, как идеологи политкорректности, руководствуясь идеей языкового релятивизма, вербализующего мир, подыскивают для неприемлемого, на их взгляд, внеязыкового содержания приемлемую языковую форму. При этом

они трансформируют язык, изменяя его содержательную сторону и придавая словам и выражениям новый смысл.

Именно положение о языковом релятивизме и деятельностном характере языка лежит в основе политкорректности, ставящей своей целью создавать иные, новые способы языкового выражения, маскирующие сущность явлений, негативно оцениваемых в обществе.

1.3.5. Постмодернистская концепция языкового знака:

политкорректное обозначение как симулякризованный языковой знак

Новое течение западноевропейской мысли, получившее название философии постмодернизма, возникает и оформляется в западной культуре в середине XX века. Постмодернистов можно в определенной мере считать наследниками софистов, которые «выросли на почве разложения древней космологии. Эта космология заходила в тупик в V в., когда философские потребности явно слишком переросли философскую методологию» [Лосев, 2000: 11]. Постмодернизм, в свою очередь, возник на почве разложения современного познания мироздания. Утверждение философа Жерома Бенде о том, что для современного общества характерна «проблема нигилистического отношения к ценностям», в полной мере относится к философии постмодернизма; в XXI столетии наступает эпоха постгуманизма, которая характеризуется «изменчивостью ценностей, в том числе таких, считавшихся ранее вечными, абсолютных ценностей, как Правда и Добро <...>» [Викулова, 2011:197].

Важнейшей чертой постмодернистской парадигмы является парадоксальное разрушение парадигмального способа мышления вообще; постмодернизм как «философствование после Освенцима» [Краткий философский словарь, 1999: 241] передает ощущение исчерпанности старого и непредсказуемости нового, неясные контуры которого не обещают ничего определенного и надежного, и это настроение, переданное постмодернизмом,

делает его выражением «духа времени» конца XX века, очередным *fin du siècle* [Нестерова, 2006: 19].

Становление постмодернизма, прежде всего, связано с отказом от универсализма. В основе современной культуры, как отмечает Т. Нагель, лежит критика самой идеи создания единого концептуального образа реальности [Цит.по: Можейко, 2001: 601 – 605].

В применении к явлению политкорректности это означает, что политкорректность не только предполагает, но и считает необходимым существование нескольких альтернативных способов построения реальности. Формируется плюралистическая модель реальности, где слова рассматриваются как формальные единичные обозначения (сингулярности).

Постмодернистская мысль пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле есть не что иное, как представление о ней, зависящее, к тому же, от точки зрения, выбираемой наблюдателем, смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления. В идеологии политкорректности наблюдателем является обслуживающий интересы политической элиты политик или журналист, который формирует у слушателя определенную модель поведения при, например, обсуждении вопросов, связанных с преступностью среди иммигрантов, с обустройством помещений для наркоманов, с принятием закона о легализации однополых браков, усыновлением детей однополыми парами и проч.

Для философии постмодернизма характерен радикальный отказ от понятия «приоритетный», «единственно легитимный». Культурная среда обретает децентрированный характер, а дискурс легитимации уступает место дискурсивному плюрализму, в контексте которого любой вариант культурного предпочтения утрачивает статус приоритетного.

Фундаментальный статус приобретает идея ацентризма. Постмодернисты обратили внимание на то, что в мире нет единого центра, что мир является многополярным. Они подметили, что «центр» не существует без «периферии», которую он всегда подавляет. С другой

стороны, постмодернисты стремились преодолеть противопоставление «центра» и «периферии» и мыслить мир каким-то иным образом [Ильин, 1996].

Постмодернизм мыслит себя вне дихотомических противопоставлений субъекта и объекта, мужского и женского, внутреннего и внешнего и проч. Второстепенные, маргинальные в мировоззренческом отношении вопросы выходят на первый план. Главными в обсуждениях политиков становятся вопросы, связанные с социальными и сексуальными меньшинствами.

Постмодернизм определяет не только социальную политику. В постмодернистской философии самой радикальной переоценке подвергается понимание языка и теория знака.

Мишель Фуко вычленил в европейской истории познания три эпистемы знания: Возрождение, классический рационализм и современность. Главным основанием их противопоставления является язык: в эпоху Возрождения язык воспринимался как вещь среди вещей, рационализм представлял язык как прозрачное средство выражения мысли, и лишь в современной эпистеме язык возобладал как самостоятельная сила. По мнению Фуко, для современного развития характерно то, что все общество пронизывают отношения власти. Власть порождает и саму реальность, и объекты познания, и ритуалы их постижения. И огромную роль в этом играет язык [Современная философия: словарь и хрестоматия, 1996: 231].

О влиянии языка в новейшее время пишет Х.-Г. Гадамер, который указывает на определенную свободу человека от языкового строения мира. Ссылаясь на М. Шелера, К. Плеснера, А. Гелена, он приводит их утверждение о том, что языковое строение мира не означает заганности человека в схематизированный языком окружающий мир. В этих словах можно увидеть заочный спор с В. фон Гумбольдтом и его последователями о заданности границ мира границами нашего языка. Развивая далее идею возвышения человека над натиском мира, ученый говорит о том, что эта свобода от окружающего мира есть, вместе с тем, свобода по отношению к именам,

которыми мы наделяем вещи [Гадамер, 1988: 513 – 515]. В данном утверждении не было бы ничего спорного, если бы подчеркивался ограниченный характер этой свободы, обусловленный природой самих вещей. Постмодернисты подняли на щит именно безграничную свободу, которая была положена в основу постмодернистской концепции знака.

Жиль Делез полагает, что язык организует человеческую жизнь даже на физиологическом уровне. Если ряды означающего и означаемого рассинхронизируются, то возникает шизофренический язык, за которым, по мнению Делеза, будущее [Делез, 1998]. На наш взгляд, это утверждение не имело бы смысла, если бы за ним не стояла пугающая реальность: вмешательство в язык под флагом политкорректности способно действительно рассинхронизировать форму и содержание знака, приведя их к шизофреническому раздвоению, и чем шире будет сфера распространения политкорректности, тем уже будут границы естественной, истинной референции, тем скованнее будет человек в сужающемся пространстве коммуникации.

Жилем Делезом выделяются в предложении три разных отношения: денотация (обозначение), манифестация и сигнификация (значение понятия). Манифестация заключается в связи между предложением и субъектом, который говорит и выражает себя. Манифестация представляется как высказывание желания или веры, соответствующих предложению. Желание и вера – это каузальные умозаключения. Желание – это внутренняя каузальность образа, относящаяся к существованию объекта или положения вещей. Соответственно, вера – это предвосхищение объекта или положения вещей, существование которых должно задаваться внешней каузальностью [Делез, 1998: 33 – 34]. Именно веру и вселяют идеологи политкорректности, веру в равноправие и уважение в соответствии с внутренними потребностями, желаниями, чаяниями людей. Веру в то, что государство считается с нуждами всех социальных слоев населения и принимает во внимание интересы дискриминируемых групп общества.

Интересным образом преломляется оппозиция «истина / ложь» в постмодернистской трактовке, представленной Жилем Делезом. Эта оппозиция соотносится с сигнификацией, которая связывает слово с универсальными или общими понятиями. Логической оценкой сигнификации, по Делезу, является не истина, а условие истины. Истина нам недоступна, мы можем лишь обсуждать условия истинности и, делая это, мы тем самым возвышаемся над истиной и ложью, поскольку ложное предложение тоже имеет смысл и значение [Новоселов, 2009: 58].

В применении к идеологии политкорректности это означает не что иное, как завуалированное оправдание лжи, ведь сигнификация (как значение понятия, по Делезу) не предполагает поиска сущностных, истинных признаков объекта, которые клялись бы в основание понятия об этом объекте при его именовании. Мы можем сколь угодно переименовывать объект, сохраняя любую (не обязательно сильную) связь слова с универсальным или более общим понятием, обсуждая лишь некие расплывчатые условия, при которых это обозначение будет скорее истинным, чем ложным.

Альтернативой действительности может выступать возможный мир, представленный в виде политкорректного дискурса, включающего слова и устойчивые словосочетания, представляющие собой разновидность знака, известного под названием симулякра.

Как уже отмечалось ранее, теория возможных миров применима к политическому, управляемому, манипулятивному, технологическому дискурсу, который создает конструкт фиктивного, возможного мира социального единства, существующего не в реальности, а в воображаемом идеальном мире. Возможный мир как конструкт строится не на фактах, а на идеях. Идеи могут отражать сущности вещей, а могут быть пустыми симулякрами, то есть ложными копиями.

Понятие «симулякр» впервые встречается в латинских переводах Платона – как эквивалент греческого слова «эйдолон». Греческий философ разделял материальный мир и трансцендентный мир эйдосов. Эйдос (идея)

понимается не как внешняя, но как внутренняя форма, то есть имманентный способ бытия объекта. Идеи воплощаются в реальных предметах, и важно, чтобы это воплощение происходило без искажений. А «эйдолон» – это симулякр, то есть ложная копия, «копия копии», искажающая идею-прототип, не отражающая ее сущности, а значит, нарушающая гармонию Вселенной [Всемирная энциклопедия: Философия, 2001: 1244; 923].

Позднее идею симулякра стали развивать французские философы-постмодернисты – Жорж Батай, Жиль Делез и Жан Бодрийяр.

Фундаментальным признаком симулякра в постмодернистской трактовке является его несоотнесенность. Симулякр создает видимость наличия реальности, порождая при этом абсолютное совпадение реального с моделями симуляции. Модели симуляции совпадают с реальными настолько, что исчезает самое существенное – различие между симулякром и реальностью [Бодрийяр, 2000а; Бодрийяр, 2000б; Бодрийяр, 2006; Фуре, 2001].

Постмодернисты считают симулякром и современную мировую политику: власть симулирует власть, оппозиция симулирует протест. Массмедиа только подливают масла в огонь – они лишь имитируют акт коммуникации, и передаваемая ими информация не имеет смысла [Бодрийяр, 2015]. Таким образом, симулякризованный политический дискурс выступает своеобразным языковым оружием, владея которым и используя его, власть реализует свои цели.

В лингвистике мысль о том, что язык может быть оружием, была высказана Д. Болинджером. Основная идея Болинджера такова: используя особые языковые средства, люди могут свободно лгать, не боясь быть уличенными в этом. Можно, например, эксплуатировать синтаксис, опускать глаголы мнения и другие лексемы, уточняющие данные о мире. Можно лгать, прибегая к риторическим приемам, осуществляя намеренное риторическое запутывание или сбивание с толку, когда трудно уловить некоторую информацию во мраке риторической многозначительности [Bolinger, 1980].

Именно эту способность языка быть оружием присвоил себе политический дискурс, отличительными чертами которого, как уже говорилось, являются управляемость, манипулятивность и технологизация. Политический дискурс предполагает скрытое управление, воздействие на человеческое сознание с помощью внедрения в него определенных смыслов. Этому внедрению способствует симулякризация политического дискурса, в частности, использование политкорректной лексики, создающей видимость социального единства и гармонии.

О симулятивной природе политкорректной лексики говорит И. А. Дьяченко, подметившая, что «политкорректные слова и словосочетания являются симулякрами и обладают значительным манипуляционным потенциалом, а их использование в дискурсе имеет технологическую природу» [Дьяченко, 2009: 3].

Симулятивная природа политически корректной лексики обуславливает ее способность функционировать в качестве языкового средства замещения действительного референта сконструированным объектом, относительно которого устанавливается и воспроизводится множественная интерпретанта [Дьяченко, 2009: 8]. Это, если воспользоваться терминологией Платона, ложная копия референта, не отражающая, а искажающая его сущность, интерпретация которой зависит от произвола и цели интерпретатора.

Обращаясь к материалу исследования, в качестве примеров симулякра можно привести сконструированные, политкорректные наименования *gardien d'immeuble* (букв.: охранник здания), *hôtesse de caisse* (букв.: хозяйка кассы), *technicien de surface* (букв.: технический работник по поверхности), *personne en surcharge pondérale* (букв.: человек с избыточным весом), заменяющие более экономные, легко произносимые, выражающие суть явления, то есть истину, – слова *concierge* (привратник), *caissière* (кассирша), *balayeur* (дворник), *obèse* (страдающий ожирением).

Итак, обобщая рассмотренные основания политкорректности, которые можно считать в определенной мере ее критериальными признаками, можно

дать следующее определение. Политкорректность понимается в широком смысле как либеральная идеология мультикультурного западного общества, регламентирующая дискурсивную деятельность членов общества, внедряющая в него с помощью манипулятивных дискурсивных технологий особый, симулякризованный язык, направленный на создание в массовом сознании конструкта ирреального, возможного мира социальной бесконфликтности и согласия, чему служит эвфемистическое переобозначение отвергаемых обществом табуированных явлений.

Политкорректность, увязываемая с такими смежными понятиями, как вежливость и толерантность, отличается от них альтернативным видением реальности и проявлением данных качеств в отношении тех, кого выгодно на данный момент считать «своими».

Политкорректность является характерной чертой западного либерального общества и в качестве таковой может относиться к языку, то есть к собственно языковым единицам, к речи и речевой деятельности в ситуации общения, то есть к дискурсу, к стандартам лингвоповеденческой культуры членов общества, к позиции СМИ и определенных кругов журналистского сообщества, к проводимой властью политике, внутренней и внешней.

В основании политкорректного дискурса заложены культурологическая оппозиция «свой / чужой», гносеологическая оппозиция «истина / ложь», члены которых рассматриваются как относительные понятия. Опираясь на релятивистскую трактовку культурологической оппозиции «свой / чужой», властный политический дискурс, фиктивно маркируя в качестве своих представителей чужеродной культуры, рекрутирует таким образом инокультурные группы, переводя их в стан «своих».

Опираясь на релятивистскую трактовку гносеологической оппозиции «истина / ложь», властный политический дискурс маркирует ложное как истинное, маскируя таким образом негативные явления действительности в целях сохранения и упрочения власти правящей элиты.

Идеологи политкорректности часто оперируют понятием дискриминации, которую они, по их словам, стремятся устранить. Прокламируя политкорректность как наиважнейшую общественную ценность, либеральный, западный политический дискурс, в декларируемом стремлении устранить дискриминацию инокультурных миноритарных групп, используя манипулятивную дискурсивную стратегию «на повышение» их статуса, фактически, тем самым, дискриминирует коренное население, ущемляя, по сути, права большинства, объединенного общей, исконной культурой. Западный политический дискурс дискриминирует истину, заменяя ее ложными представлениями, выгодными правящей власти.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Термин дискурс в настоящей работе понимается как функционирование языка в живом общении, как связный текст в ситуации его создания, как речь, погруженная в жизнь.

Для реализации своих целей, главнейшей из которых является сохранение и удержание власти, политическая элита формирует определенный, управляемый политический дискурс, реализуемый через средства массовой информации, приобретающий, как правило, манипулятивный характер.

Политический дискурс, управляемый властной элитой, строится по определенным технологиям, предполагающим использование манипулятивных дискурсивных стратегий «на повышение» и «на понижение», направленных на получение желаемого для политиков результата. Для реализации данных стратегий, политики применяют ряд тактик, содействующих выполнению намеченной задачи, которая способствует достижению главной цели – сохранения и упрочения своей власти.

Политкорректность представляет собой лингвоповеденческий, социокультурный, идеологический феномен, зародившийся и укоренившийся в либеральном западном обществе, определяющийся языковыми нормами, принятыми в обществе, регулируемые на уровне государства и проводимыми провластными СМИ. Основная цель, которую преследуют идеологи политкорректности, заключается, по их словам, в том, чтобы минимизировать дискриминацию определенных групп населения, представляющих в обществе меньшинства.

Политкорректность соотносится с вежливостью, в отличие от которой предполагает смену оптики взгляда, предлагая иное, альтернативное видение реальности. Политкорректность соотносится также с толерантностью, однако, при этом, основной своей задачей она ставит закрепление в сознании

человека толерантного отношения только к тем, кого идеологи политкорректности считают «своим».

Политкорректность нарушает принцип языковой экономии, загружая языковую систему новыми названиями объектов и понятий, ранее уже получивших в языке свое обозначение.

Социологические основания формирования политкорректности в политическом дискурсе обусловлены процессом развития самого общества. Исторические предпосылки формирования политкорректности в современном французском политическом дискурсе были заложены в XVII веке, когда в обществе возникло прециозное течение аристократии, очищавшей речь от простонародных слов и выражений и в так называемом «шаблонном языке» (*langue de bois* – букв.: деревянном языке), который появляется во Франции в XIX веке.

До появления термина «политическая корректность» в конце XX века во Франции в общественный обиход вводится выражение, передающее способ политкорректного мышления – *pensée unique* – как стремление к всеобщему единомыслию и согласию.

В конце XX века политической элитой Франции продвигается либеральная идеология мультикультурализма, которая декларирует необходимость учитывать интересы этнических и социальных меньшинств, представленных во французском обществе.

Манипулятивный, управляемый, технологический, политический властный дискурс конструирует в общественном сознании образ возможного мира, выступающего по отношению к реальности как альтернативно существующий, лучший мир, свободный от предрассудков и конфликтов.

Культурологические основания формирования политкорректности в политическом дискурсе заложены в релятивистской трактовке оппозиции «свой / чужой», действие которой проявляется в том, что, порождая и используя политкорректные языковые обозначения, политический дискурс

фиктивно, маркируя в качестве «своих» чужеродные, инокультурные группы людей, рекрутирует их на свою сторону, затушевывая, маскируя их фактическую чуждость для общества.

Гносеологические основания формирования политкорректности заложены в релятивистской трактовке оппозиции «истина / ложь», действие которой проявляется в том, что, порождая и используя политкорректные наименования, политический дискурс преподносит истинным то, что выгодно правящей элите.

Лингвистические основания формирования политкорректности базируются на релятивистской трактовке билатеральной природы языкового знака, осуществляющего важнейшую функцию означивания действительности. Две стороны языкового знака – означаемое и означающее – не связаны друг с другом прямолинейной, односторонней, принудительной зависимостью. Именно асимметрический дуализм языкового знака, произвольный характер связи означаемого и означающего позволяет идеологам политкорректности создавать разные наименования для одного и того же внеязыкового содержания – денотата, – который является, по тем или иным причинам, социально неприемлемым.

Ономасиологический подход к языковому знаку позволяет увидеть, как идеологи политкорректности, исходя из некоторого внеязыкового содержания, трансформируют язык. Политкорректность переобозначает те явления действительности, которые уже представлены в языке определенными номинациями. В силу того, что сами явления действительности обществом, по сути, отвергаются как социально неприемлемые, они подвергаются переименованию. При этом используются наименования с положительной или нейтральной коннотацией.

Архитектором современного политкорректного мироустройства является философия постмодернизма, предложившего релятивистскую концепцию знака-симулякра, которым оперирует политкорректный дискурс. Знак-симулякр создает видимость наличия реальности. Симулякризованный

политический дискурс выступает своеобразным языковым оружием, владение и использование которого позволяет власти реализовать свои цели.

Именно эту способность языка быть оружием присвоил себе властный политический дискурс, предполагающий скрытое управление, воздействие на человеческое сознание с помощью внедрения в него определенных смыслов. Этому внедрению способствует симулякризация политического дискурса, в частности, использование политкорректной лексики, создающей видимость наличия в обществе социального единства и гармонии.

ГЛАВА II МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Табуирование как первичный социально-культурный механизм формирования политкорректных наименований

Табу – это социально-культурный запрет на совершение определенных действий, на употребление некоторых слов или имен, использование предметов; проникновение в закрытые места и др. Нарушение табу влечет за собой религиозные санкции – кару сверхъестественных сил [Краткий философский словарь, 2000: 314]. В языковом отношении табу – это запрет на употребление тех или иных слов и выражений. Согласно Э. Дюркгейму, социальным последствием соблюдения табу является объединение социальной группы на основе общих ритуалов и чувств. Табу является символом членства в группе [Социологический словарь, 2004: 477]. Табу, присущие мифологической культуре, были распространены у очень многих народов мира на ранней стадии развития. Исторически табу возникло в архаическом, доцивилизованном периоде первобытнообщинного строя. Раньше людям было неизвестно и непонятно многое. Именно это неизвестное и непонятное вызывало у людей ужас и опасение, поэтому они уклонялись от произнесения названия данного предмета или феномена, и так появились запретные или табуированные слова [Чжан, 2012: 84].

На современном этапе табуирование проявляется в основном в избегании «определенных языковых выражений» при «затрагивании определенных тем общения в тех или иных коммуникативных ситуациях» [Стернин, 2000: 16].

В контексте политкорректности запрет направлен не столько на слово, сколько на стоящий за ним образ мыслей. Однако коррекция или исключение образа мыслей осуществляется при этом путем исключения слов и выражений, за которым скрывается «рабочая гипотеза» политкорректности:

корректируя язык, можно скорректировать образ мышления [Майба, 2013: 87].

Словарь политкорректности – это словарь, назначение которого заключается в замене одного (исключаемого) слова или выражения другим словом или выражением.

Приведем в качестве примера существительное *austérité*, синонимичное слову *rigueur* (жесткость), означающее такое управление экономикой, которое включает меры, тормозящие спрос, что зачастую достигается увеличением налогового бремени и приостановкой, блокированием роста доходов. Это отражается в толковом словаре (*gestion stricte de l'économie, comportant des mesures de freinage de la demande, le plus souvent par un recours à l'augmentation de la pression fiscale et, éventuellement, par un blocage des revenus = rigueur*) [Le Petit Robert, 2013: 181].

Слово *austerité* является своеобразным табу, оно не используется в выступлениях политиков, предпочитающих говорить не о жестком управлении экономикой в целом, а о частностях, отдельных шагах проводимой политики, употребляя при этом лишённые конкретики слова – книжное *réduction* (сокращение) или метафорически экспрессивное *gel* (замораживание). Заметим, что экономические понятия довольно часто подвергаются метафоризации [Бородулина, 2007: 94].

Так, в следующем высказывании речь идет о том, что премьер-министр Мануэль Вальс, как и его предшественники, отказывается использовать слово *austerité*, когда сообщает о своем плане экономии 50 миллиардов евро. Журналист, однако, ловит премьер-министра на слове, добавляя, что несколькими часами ранее Мануэль Вальс уточнил трехлетний план экономии бюджета как раз на эти 50 миллиардов евро, который будет происходить в условиях сокращения (*réduction*) государственного бюджета, при этом Вальс использовал метафору *gel* (заморозка), имея в виду приостановление социальных льгот:

(13) *Comme ses prédécesseurs, Manuel Valls a refusé d'employer le terme d'austérité lors de l'annonce de son plan d'économies de 50 milliards d'euros. "Il ne s'agit pas d'un plan d'austérité", a martelé Manuel Valls <...>. Quelques heures plus tôt, le Premier ministre a pourtant détaillé un plan d'économies budgétaires de 50 milliards d'euros sur trois ans, destiné à financer la réduction des déficits publics <...> et impliquant notamment le gel du montant de certaines prestations sociales [Le Nouvel Observateur].*

Слово *réduction*, используемое вместо *austérité*, было выбрано на том основании, что оно означает лишь сокращение – действие, которое предполагает уменьшение чего-либо. Это явствует из словарного толкования слова (*réduction* – action de rendre plus petit, plus faible, moins nombreux: son résultat – diminution) [Le Petit Robert, 2013: 2206]. Замораживание означает остановку, прекращение деятельности, экономического или финансового процесса, как следует из словарного толкования (*gel* – arrêt, blocage, interruption d'une activité, d'un processus économique ou financier) [Le Petit Robert, 2013: 1169].

Это значит, что, с лингвистической точки зрения, слова *réduction* и *gel* нельзя назвать ни языковыми синонимами, ни гипонимичными, видовыми понятиями по отношению к абстрактному существительному *austérité*, дающему характеристику (жесткость) всему комплексу экономических мер. Словарное толкование слов *austérité*, *réduction* и *gel*, указывающее на разный семный состав их значения, не позволяет трактовать их как близкие по семантике. Слово-табу (*austérité*), вызывающее резкое эмоциональное неприятие, заменяется на другие слова, обозначающие не столь отторгаемые обществом частичные экономические меры.

Политика жесткой экономии передается и другим существительным – синонимом *rigueur* (ригоризм, суровость), которое также редко используется политиками, в силу того, что оно со временем само стало словом-табу. В словаре этот термин толкуется как экономическая, бюджетная, денежная политика, имеющая своей целью установить нарушенное на какое-то

мгновение равновесие (politique économique, budgétaire, monétaire, tendant à rétablir un équilibre momentanément perturbé) [Le Petit Robert, 2013: 2307].

В следующем высказывании журналист замечает, что каждый раз, когда президент или премьер-министр объявляют о планировании бюджета, они подчеркивают, что речь не идет о плане жесткой экономии. Автор статьи называет такое поведение отрицанием реальности, фактически уличая политиков во лжи, поскольку жесткая экономия есть, а ее обозначения нет, оно подверглось табуированию. Интересно, что журналист использует два синонимичных слова-табу:

(14) Déni de réalité? Cette pratique est devenue habituelle pour l'exécutif depuis quelques années. A chaque fois qu'un président de la République ou un Premier ministre annonce un plan d'efforts budgétaires, il précise qu'il ne s'agit ni de "rigueur", ni "d'austérité" [Le Nouvel Observateur].

Лицемерие политиков, которые в определенных ситуациях все-таки вынуждены использовать слово-табу, показано на примере высказывания министра Франсуа Фийона, который замечает, что бюджет, рассчитанный для высшего образования, не будет подвергнут политике жесткой экономии. Журналист отмечает, что до некоторого времени политик вообще отказывался использовать крайне непопулярное у французов выражение «политика жесткой экономии»:

(15) Vantant les mesures d'austérité lancée par Paris, François Fillon a en effet assuré vendredi, devant un parterre d'hommes d'affaires japonais : "Nous sommes très attentifs à ne pas prendre des mesures qui viendraient stopper la croissance. (...). C'est la raison pour laquelle dans tous les budgets de l'Etat, le seul qui n'est pas soumis à la rigueur, c'est le budget de l'Enseignement supérieur et de la recherche". Jusqu'à présent, l'exécutif se refusait totalement à l'emploi de ce mot "rigueur", jugé trop impopulaire auprès des Français [Europe 1].

Во время избирательной кампании тексты соперников тщательно подготавливаются аналитиками и спичрайтерами, которые акцентируют внимание электората на сильных сторонах предвыборной политической

программы своего кандидата. Продвигая политика, избегая острых проблем и вопросов, команда обеспечивает более эффективную коммуникативную деятельность последнего [Домышева, 2011: 103].

Еще будучи кандидатом на пост президента Франции, Франсуа Олланд выступил со своей программой в Буржэ. Позже некоторые фрагменты из его речи были опубликованы в статье в журнале *Marianne* в 2012 году. Статья называется: *Cachez ces mots que je ne saurais prononcer* (Спрячьте слова, которые я не смог бы произнести). Автор статьи прямо обвиняет Франсуа Олланда в том, что он избегает острых тем, что он «культивирует» разного рода умолчания (*non-dits*) и табу (*tabous*). Табуированию подвергается имя главного соперника, которое не звучит ни во время выступления в Буржэ (*Bourget*), ни на съемочной площадке в передаче «Слова и действия» (*Des paroles et des actes*). Олланд только позволил себе на телеканале Франс 2 использовать перифразу, упомянув президента с истекающим сроком полномочий (*le président sortant*), намекая на то, что человек, о котором идет речь, то есть Николя Саркози, по его мнению, уйдет в отставку.

Намеренное умолчание имени тогда еще действующего президента Франции имеет, на наш взгляд, несколько целей. Во-первых, Франсуа Олланд пытается тем самым подчеркнуть, что для кандидата от партии социалистов этого человека не существует, ни как соперника, ни как оппонента. С другой стороны, можно сделать вывод о том, что он лишний раз не намерен делать рекламу Николя Саркози:

(16) François Hollande cultiverait-il les non-dits et les tabous quand Nicolas Sarkozy, lui, a fait du “dire tout haut ce que les Français pensent tout bas” sa marque de fabrique? Lors de son meeting du Bourget et sur le plateau de l’émission “Des paroles et des actes” François Hollande s’est astreint à ne jamais prononcer le nom de Nicolas Sarkozy. Tout juste s’est-il autorisé, sur France 2, à évoquer “le président sortant”, histoire probablement que le prononcé finisse par devenir réalité [Marianne].

Нельзя исключить и дремлющего в глубинах подсознания архаического страха перед соперником, некогда побудившего первобытного человека табуировать, исключать из вербальной коммуникации имя того, кто способен нанести ущерб.

Приведем отрывок из статьи, в которой журналист приводит в пример целый ряд слов-табу, которые не использовались Франсуа Олландом в предвыборной речи:

(17) Mais il est d'autres mots que le candidat n'utilise pas – c'est plus ennuyeux – dans son programme. Le mot “gauche” est, par exemple, introuvable dans les 42 pages du texte! Sans doute faut-il y voir sa volonté de parler à tous les français, sans exception. Tous? Pas vraiment. Ni le “peuple”, ni les “ouvriers”, ni même les “classes populaires” ne sont nommés. Du reste, le mot “classe”, peut-être trop marqué au fer...rouge, et porté disparu du projet présidentiel du candidat socialiste. Certes, François Hollande pourra toujours dire que, s'il ne nomme pas les “ouvriers” et les “classes populaires”, il ne les oublie pas dans les mesures qu'il avance [Marianne].

Журналист указывает на то, что Франсуа Олланд избегает использовать не просто отдельные слова, но именно такие, которые, казалось бы, вполне ожидаемы в речи кандидата от партии социалистов. На 42-х страницах текста невозможно найти слово gauche (левый). Явное исключение из речи слова, ключевого для левой партии, свидетельствует о намерении Франсуа Олланда говорить со всеми французами, расширив тем самым свой электорат.

Использование подобной тактики умолчания, сокрытия информации, невыгодной для политика, сужающей спектр возможных противников, можно отнести к особому рода политкорректности, не задевающей интересы электората, придерживающегося иных, не левых взглядов.

Ни слово peuple (народ), ни ouvriers (рабочие), а также classes populaires (простые люди) в анализируемой речи не упомянуты, хотя Франсуа Олланд, являясь председателем партии левых, в первую очередь, представляет интересы рабочего класса, малоимущих, безработных. Как отмечает

журналист в своей статье, слово “класс” может быть выжжено каленым железом и вообще исчезнуть из президентского проекта кандидата от социалистов: du reste, le mot “classe” peut-être trop marqué au fer...rouge, est porté disparu du projet présidentiel du candidat socialiste.

Интересный пример, это случай использования слова patrie (родина), которое не звучит в приветственных речах по случаю национального праздника дня взятия Бастилию. Вот что по этому поводу говорит журналист:

(18) «La patrie, ce mot qui a permis à des millions d'hommes de tenir dans les tranchées pendant quatre années terribles est devenu, un siècle plus tard, politiquement incorrect et soyons certains qu'il ne sera jamais prononcé dans les discours sirupeux dont nous allons être abreuvés» [Marianne].

Приведем перевод этого предложения:

Родина, это слово, позволившее миллионам мужчин продержаться в траншеях во время четырех ужасных лет, столетие спустя стало неполиткорректным, и будьте уверены, что оно никогда не будет произнесено в приторно-сладких речах, которыми нас будут кормить.

Из сказанного следует, что первичным механизмом действия политкорректности в области языка является исключение слов, которое направлено на исключение идей, обозначаемых этими словами.

Примером языкового табуирования является предлагаемое Франсуа Олландом устранение из языка и Конституции слова «раса», продиктованное стремлением привлечь на свою сторону африканских и арабских иммигрантов:

(19) "Il n'y a pas de place dans la République pour la race. Et c'est pourquoi je demanderai au lendemain de la présidentielle au Parlement de supprimer le mot 'race' de notre Constitution" [Le Monde].

Так слово-табу подвергается изгнанию, пусть лишь в избирательной речи, а не в реальности – на законодательном уровне. Нелишне напомнить в этой связи предостережение Ж. Делеза о будущем шизофреническом языке и его разделенной двойственности между означающим и означаемым,

расходящимися и никогда не встречающимися сторонами языкового знака. Желание устранить означающее, то есть форму знака, фактически не затрагивает, – а в данном случае и никогда не сможет этого сделать, – его содержательную основу. Ведь вмешательство человека в биологическое деление людей по расовому признаку с целью устранить расовое деление в принципе невозможно.

2.2. Эвфемия как языковая основа формирования политкорректных наименований. Динамический аспект функционирования политкорректных эвфемизмов

Лингвистической основой образования политкорректных обозначений, переименовывающих табуированный денотат, является эвфемия. Эвфемизмы называют «заменными словами», т. е. употребляемыми взамен других, табуированных слов, которые по каким-либо причинам считаются неприемлемыми в определенной речевой ситуации.

Эвфемизм (греч. «хорошо говорю») представляет собой «благородное, вежливое выражение (порой мнимо вежливое), смягчающее прямой смысл резкого, грубого или интимного высказывания» [Квятковский, 2000: 407]. На эвфемизмах построены эвфемистические перифразы [Хазагеров, 2009: 284]. Эвфемия ставит своей целью «смягчить, завуалировать, изящно «упаковать» предмет сообщения, оставив все-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чем идет речь» [Москвин, 2006: 357].

Среди характеристик, отличающих эвфемизмы от не-эвфемизмов называются следующие признаки: обозначение нежелательного денотата (характеризующегося негативной оценкой), семантическая неопределенность / редукция (в результате акцентирования смягчающих сопутствующих признаков вместо негативных доминантных), улучшение характера денотата (выбор наименования, имеющего по сравнению с заменяемым словом более положительный денотат), формальный характер улучшения денотата (что

позволяет, несмотря на эти замены, легко идентифицировать подразумеваемый предмет / явление) [Сеничкина, 2008: 4].

Последние исследования показывают, что эвфемистические номинации могут быть не только непрямыми / косвенными обозначениями (имена собственные в значении нарицательных, метафорический перенос, слова с обобщенной семантикой, слова-определители с «диффузной» семантикой, сокращенные словосочетания), но и прямыми обозначениями, к каким относятся, например, научные термины, иноязычная лексика, аббревиатуры [Серкова, 2015: 25].

Политкорректные термины, являющиеся частью политкорректной идеологии, строятся по принципу эвфемии, предполагающей смягчение восприятия ситуации при помощи другого наименования [Ботороева, 2011: 12 – 13]. Создание политкорректных эвфемизмов, отвечающих принципу положительной вежливости (по Браун / Левинскому), вовсе не обязательно свидетельствует о проявлении симпатии и интереса. Они преследуют манипулятивную цель «затушевывать, вуалировать явления, имеющие в общественном сознании заведомо негативную оценку» за счет создания обозначений, обладающих нейтральной или положительной коннотацией [Рубина, 2011: 38]. В научной литературе такие эвфемизмы, преследующие цель «искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 590], иногда называют политическими эвфемизмами [Москвин, 2006: 362].

Выбор номинаций в политическом дискурсе, определяемый прагматическими соображениями, находится под воздействием экстралингвистических и интралингвистических факторов. К экстралингвистическим факторам относятся политические интересы политических сил, которые стремятся «максимально повысить привлекательность своей политики»: интралингвистическим фактором является постепенное изменение эмоционально-оценочной коннотации, требующее постоянного «обновления и замены» политической лексики

[Павлова, 2003: 60 – 61]. К интралингвистическому фактору, определяющему появление новых политкорректных эвфемизмов, следует отнести деэвфемизацию – привыкание к новому обозначению, сопутствующее этому привыканию исчезновение позитивной коннотации и, наконец, полная потеря эвфемистической подоплеки, требующая образования нового политкорректного эвфемизма.

Политкорректность представляет собой динамическое явление, подчиняющееся закону развития и изменчивости. Динамический характер политкорректности ярко проявляется в процессе деэвфемизации, представляющего собой обратный процесс постепенной утраты эвфемии.

Эвфемизмам свойственна историческая изменчивость их статуса в языке и речи. Б.А. Ларин подметил, что «эвфемизмы не долговечны <...> как только подразумеваемое неудобоваримое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои «облагораживающие» свойства, так как переходит в разряд «прямых» наименований, и тогда требует новой подмены» [Ларин, 1961: 23].

Это особенно заметно в наиболее употребительных, частотных наименованиях, ведь частота использования эвфемизмов приводит к упрочению ассоциативных связей между новым наименованием и старым значением [Кацев, 1988: 41].

Таким образом, формирование политкорректных языковых единиц представляет собой динамичный процесс постоянной замены наименований, претерпевших процесс деэвфемизации. Эвфемизмы при этом утрачивают индивидуальное значение, что обычно свойственно французским синонимам, при употреблении которых различия «не реализуются, а нейтрализуются» [Гак, 2010: 144]. В речи подобная нейтрализация, при которой стираются смысловые различия слов, наблюдается и при употреблении политкорректных эвфемизмов, причем высокая узкая частотность ускоряет процесс нейтрализации, что требует образования новых эвфемизмов.

Рассмотрим процесс деэвфемизации на примере словосочетания *quartiers en difficulté*, представляющего собой именную конструкцию с предлогом (существительное + en + существительное), обозначающую предмет и его признак. Ядром данного именного словосочетания является существительное *quartiers*, которое определяется предложной группой *en difficulté*. Примерами использования этого выражения служат следующие предложения:

(20) *Il est indispensable d'aider les jeunes diplômés des **quartiers en difficulté** à trouver un emploi partout sur le territoire [L'Obs. Présidentielle 2012].*

(21) *Sur le marché de l'emploi, les jeunes issus des **quartiers en difficulté** souffrent d'abord de leurs origines sociales et de la qualité du système d'enseignement, non d'une stigmatisation liée au quartier [Observatoire des inégalités].*

Особый интерес вызывает второе высказывание, которое фактически содержит в имплицитном виде истинное отношение к иммигрантам как к рабам с выжженным клеймом, о чем свидетельствует существительное *stigmatisation* (стигматизация, клеймение). Политик сделал попытку сдвинуть это утверждение на второстепенное место, поставив на первое место другие причины отказа иммигрантам в работе, а именно, их социальное положение, качество образования, но противительная конструкция, противопоставительный контекст разрушили намерения политика и выдвинули более явное, вопиющее неравенство на первый план.

В целом, словосочетание *quartiers en difficulté* до 2006 г. являлось узуальным наименованием проблемных кварталов. Словарное толкование существительного *difficulté*, входящего в словосочетание, указывает на наличие в значении этого слова компонентов, свидетельствующих о проблемах, трудностях, затруднениях, сложностях: *mal, peine que l'on éprouve pour faire qqch [Larousse, 2013], caractère de ce qui est difficile; complication [Le Petit Robert, 2013].*

Указание на трудности придавало этому устойчивому словосочетанию негативную коннотацию, которую требовалось, в соответствии с политкорректной идеологией, устранить. Это и происходит во времена правления Николя Саркози в 2007-2012 г.г.: предложная группа *en difficulté* заменяется на прилагательное *sensible*. Заметим, что ядро словосочетания, его ведущее, стержневое слово, к которому подобрано другое определение, остается тем же самым – *quartiers*.

Созданный политкорректный эвфемизм *le quartier sensible*, заменивший наименование *le quartier en difficulté*, являет собой такую лексическую трансформацию, которая меняет не только «тело знака», то есть его форму, но и содержательную сторону. План выражения влечет за собой изменение плана содержания.

В такой трансформации не было бы ничего необычного, если бы перемена наименования, иначе говоря, замена знака была следствием изменения самого объекта обозначения, то есть денотата. Но этого как раз не происходит. Переименование преследует цель изменения прагматической составляющей языкового знака. И здесь возникают определенные сложности. В приведенном случае политкорректной эвфемизации мы вряд ли можем утверждать об изменении отношения французского общества к рассматриваемым кварталам, по-прежнему остающимися проблемными. Следовательно, прагматический потенциал слова *sensible* в данном случае входит в противоречие с реальной действительностью, с истинным восприятием и оценкой районов, населенных иммигрантами, пользующихся плохой репутацией.

Это означает не что иное, как преднамеренный отход от истины, то есть целенаправленную ложь, маскирующуюся под искреннее, сочувственное отношение к иммигрантам. Словарная дефиниция слова *sensible* в его основном, первичном значении (*qui est très facilement affecté par la moindre action ou agression extérieure*) [Larousse, 2013], *capable de sensation et de perception, capable de sentiment, d'une vie affective intense, qui réagit au contact,*

à de faibles variations [Le Petit Robert, 2013: 2406]) указывает на чувствительность, восприимчивость, мягкосердечие, неспособность противостоять силе [Ганшина, 1977]. Приведем пример использования словосочетания «чувствительные кварталы», послужившего политкорректной заменой первоначального словосочетания «проблемные кварталы».

(22) *Nicolas Sarkozy a choisi de faire une visite dans le quartier sensible de Clichy-sous-Bois [Le Monde].*

Использование прилагательного *sensible* позволяет политикам представить себя в роли защитников кварталов для бедных, которым приписываются черты, вызывающие к ним сочувствие. Акцент переносится с существующих в действительности проблем на эмоциональную характеристику людей, населяющих рассматриваемые кварталы. Их жители наделяются качеством, положительная оценка которого очевидна. Позитивно-коннотируемое прилагательное *sensible* служит целям замены существительного *difficulté* его мелиоративным псевдо-аналогом.

Сказанное означает, что обозначение *le quartier sensible* выступает в качестве политкорректного термина, который определяется как «эвфемизм, преобразовавшийся в современных условиях в разновидность не прямой коммуникации», являющийся частью политкорректной идеологии; в отличие от канонического эвфемизма политкорректный термин ведет человека «по ложному пути интерпретации проблемы, освещаемой в дискурсе» [Ботороева, 2011: 12 – 13].

С приходом к власти партии социалистов во главе с Франсуа Олландом, поддерживающим идеологию политкорректности, рассматриваемое словосочетание вновь претерпевает лексическую трансформацию. На этот раз замене подвергается ядро словосочетания, его ведущий компонент – определяемое слово *quartiers*. Существительное *quartier* (квартал) заменяется политиками и журналистами на существительное *zone* (зона). Но и этой заменой трансформация не исчерпывается. Выражения, содержащие в своей основе слово *zone*, аббревируются.

Приведем пример использования инициальных аббревиатур:

(23) L'ensemble des élèves, fréquentant les établissements scolaires, classés en ZEP (zones d'éducation prioritaires), dans des quartiers, classés en ZUS (zone urbaine sensible) qui vont subir la diminution du nombre de sorties scolaires, l'abandon de projets éducatifs qui nécessitent le soutien et l'accompagnement de l'ensemble des parents pour être mené à bien [L'Express].

В данном высказывании содержатся два сокращения инициального типа. Аббревиатура Les ZUS «des zones urbaines sensibles» (городские чувствительные зоны), относится к кварталам, населенным иммигрантами, аббревиатура Les ZEP «zones d'éducation prioritaires» (зоны приоритетного образования) обозначает школы для детей иммигрантов.

Трехсловные словосочетания des zones urbaines sensibles; zones d'éducation prioritaires, являющиеся политкорректными эвфемизмами, маскирующими социально-проблемные явления, заменяющими негативно-оцениваемые quartiers en difficulté; écoles pour les enfants des immigrés, впоследствии замещаются аббревиатурами, еще более затемняющими означаемые явления. В обоих исходных словосочетаниях, послуживших основой для аббревиатур, имеются прилагательные, содержащие в своей семантике позитивно-коннотируемый признак, а именно, sensible (щепетильный, восприимчивый, тонкий, чуткий), prioritaire (важный, нужный, первостепенный): qui tient la première place, qui doit passer avant tout [Ларусс], qui a la priorité, qui vient en premier par ordre d'importance, d'urgence [Le Petit Robert, 2013: 2072].

Спустя некоторое время после избрания Франсуа Олланда на пост президента, французскому обществу вновь предлагается убрать из активного словаря слова, противоречащие установкам политкорректной идеологии. Так, в одном из своих выступлений Франсуа Олланд, обещая покончить с «зонированием», предложил заменить введенное совсем недавно, считавшееся политкорректным, слово zone:

(24) Finis les ZUS, qui a envie de vivre dans une zone, d'appartenir à une zone? [Europe1].

Одним из последних указов действующего президента Франции является предложение приоритетными считать не только образовательные учреждения, но и собственно «проблемные кварталы»:

*(25) Un projet de loi sur **la cohésion urbaine** a été présenté en Conseil des ministres le 2 août 2013. Il prévoit le remplacement des **Cucs** (contrat urbain de cohésion sociale), **ZUS** (Zones Urbaines Sensibles), **ZRU** (Zones de Redynamisation Urbaine) et des **ZFU** (Zone Franche Urbaine) par un contrat unique, les «**quartiers prioritaires**» [Gouvernement.fr].*

Таким образом, можно проследить цепочку изменений формы словосочетания *quartiers en difficulté*. Первоначальная форма четко указывала на проблемность данных кварталов, последующая же замена существительного *difficulté* на прилагательное *sensible* смещает акцент в сторону чувствительности. Затем существительное *quartiers* (кварталы) уступает место слову *zone* (зона, полоса, район, область), что способствует семантическому выхолащиванию конкретного наименования, заменяемого на слово с бóльшим объемом и содержанием лексического значения. Обозначение *quartier* (квартал), в отличие от *zone* (зона), более конкретно по своему внутреннему содержанию. Например, *Quartier Latin* означает (латинский квартал), где живут люди искусства. *Quartier le Marais* (квартал ле Марэ) известен тем, что он является престижным и дорогим кварталом, доступным только для аристократии.

По истечении определенного времени, расстояние между денотатом и сигнификатом все более увеличивается, причиной чему служит использование аббревиатуры, затемняющей изначальный смысл.

Интересно использование в обозначениях проблемных кварталов существительного *cohésion*, придающего положительную коннотацию сочетаниям: *cohésion urbaine* (городское единство), *cohésion sociale* (социальное единство), в силу того, что в его семантике содержится идея

объединения, сплочения, открытости (*propriété d'un ensemble dont toutes les parties sont solidaires* [Larousse, 2013], *union, solidarité entre les membres d'un groupe, qui présente des caractères de pureté, de naturel* [Le Petit Robert, 2013: 465]).

Приведенная цепочка трансформаций языкового знака, обозначающего один и тот же денотат, но разные референты, подтверждает тезис Ч.У. Морриса о реляционном характере свойств знака, приобретаемых им в функциональном процессе семиозиса [Моррис, 2001: 48].

Благодаря последовательной цепочке лексических трансформаций, выразившихся в замене одного из компонентов двусловного словосочетания (*en difficulté – sensible – prioritaire; quartiers – zones*), достигается поставленная цель: проблемный квартал, оставаясь проблемным, объявляется приоритетным.

Обратимся к рассмотрению функционирования политкорректной лексики в определенном, конкретном контексте. Представляется интересным проследить, насколько соответствует политкорректный посыл используемого эвфемизма общему смыслу высказывания. Рассматривая созданную языковую единицу и текст, в котором она используется, мы отталкиваемся от положения, что «структура языка не предопределяет содержание высказывания, допуская в свои пределы широкую вариативность» [Лотман, 2001: 567].

Как показал анализ фактического материала, французский политкорректный дискурс демонстрирует в этом плане отсутствие односторонней, прямолинейной корреляции между значением политкорректной единицы и содержанием, смыслом высказывания. Это означает не что иное, как неустойчивое, неоднозначное, динамичное отношение между ними.

Динамический характер функционирования политкорректных эвфемизмов проявляется в их двойственной, контекстуальной реализации, осуществляемой двояким образом. В первом случае контекст высказывания

не противоречит политкорректности, заложенной в используемой языковой единице, что свидетельствует о наличии определенных – симметричных – отношений между политкорректным эвфемизмом и политкорректным смыслом высказывания.

Примером могут служить векторные антонимы [Степанов, 2009: 107], обозначающие один денотат, рассматриваемый с разных точек зрения, а именно, политкорректные эвфемизмы *intra-européens* и *extra-européens* – которые именуют, соответственно, резидентов, родившихся на территории европейских государств и за пределами этой территории.

Обозначение иммигрантов при помощи данных слов, обладающих достаточно широким объемом значения, освобождает говорящего от необходимости уточнять, кого конкретно он имеет в виду, а также позволяет избежать болезненных вопросов о расовой и национальной принадлежности. В следующем высказывании, выдержанном в политкорректном ключе, говорится о необходимости решать вопросы, касающиеся общеевропейской иммиграции и иммиграции в окружающих Европу странах:

(26) L'immigration choisie, nous devons en faire une doctrine au niveau européen en ce qui concerne la gestion des flux migratoires extra-européens. Et il faut en faire une interrogation dans un large débat sur la gestion, pays par pays, de l'immigration intra-européenne [Les Echos.fr].

Напротив, в следующем случае наблюдается явное расхождение между используемым в дискурсе политкорректным эвфемизмом и контекстом высказывания, несущим общий посыл иного рода, а именно, выражающим недовольство политикой, проводимой в сфере иммиграции. В этом высказывании Николя Саркози выступает против разрешения иностранцам, рожденным за пределами Европы, голосовать во Франции:

(27) Si les étrangers extra-européens pouvaient voter en France aujourd'hui, songeons comment risquerait d'évaluer le débat municipal dans telle ou telle commune: faut-il des cantines scolaires halal ? Des piscines réservées aux femmes? [Le Figaro].

Этот пример интересен не только тем, что в нем присутствует референция к объекту действительности, входящему в круг вопросов политической корректности (в данном случае расы, национальности, этноса). Дело в том, что в приведенном конкретном контексте иммигранты, рожденные за пределами европейских государств, обозначаемые политкорректным эвфемизмом *extra-européens*, упрекаются в том, что они могут потребовать создания школьных столовых, в которых будет подаваться мусульманская пища («халяль»), и открытия бассейнов, предназначенных только для женщин. Формально политкорректное слово на деле проводит четкую границу между «своими» и «чужими», между европейцами и не-европейцами, что в итоге превращает все высказывание в неполиткорректное утверждение, далекое от уважительного отношения к чужим нравам и обычаям.

Рассмотрим пример расхождения между политкорректным эвфемизмом и общим смыслом высказывания в социальной сфере, касающейся проблем наркомании:

(28) Ces endroits créent un effet “pot de miel”, note Joséphine Baxter, où les dealers se regroupent pour vendre leur drogue aux acheteurs qui entrent ensuite dans la salle d'injection [Le Figaro].

Несмотря на наличие политкорректных эвфемизмов *acheteurs* («покупатели» вместо «наркоманы»), *salle d'injection* («зал для введения инъекций» вместо «учреждение для введения наркотиков»), высказывание в целом не является политкорректным, поскольку оно не скрывает истинного положения вещей: в нем показано, что выделение помещения для введения наркотиков лишь усугубит проблему наркомании, превратив эти места в притон, политкорректно называемый эвфемизмом *pot de miel* («медовый горшок»), который будет притягивать наркоторговцев, продающих наркотики наркоманам с тем, чтобы они тут же смогли уколоться.

В обозначении секс-меньшинств идеологами политкорректности была введена инициально-буквенная аббревиатура, заимствованная из английского

языка, LSBTTIQ, полный прототип которой включает все виды полового извращения:

(29) *...une pétition contre “l’idéologie de l’arc-en-ciel” qui ne comporte aucune réflexion éthique sur les conséquences négatives qui accompagnent le style de vie des **LSBTTIQ** [lesbiennes, schwul (homos), bisexuels, transgenres, transsexuels, intersexuels et queers] tel que le risqué de suicide accru chez les jeunes homosexuels, un penchant plus élevé pour l’alcool et les drogues, le taux d’infection du sida significativement plus élevé chez les hommes homosexuels, (...) le risque important de maladies psychiques chez les hommes et les femmes homosexuels [Les Inrocks].*

Несмотря на наличие политкорректной лексики (LSBTTIQ, homos), фраза выражена явно в неpolitкорректном ключе, поскольку высказывание прямо указывает на действия девиантного характера, совершаемые сексуальными меньшинствами, и на последствия их неупорядоченной жизни. Следует также отметить использование так называемых иронических кавычек в обозначении образа жизни, которую ведут сексуальные меньшинства. Заключение выражения в кавычки (“l’idéologie de l’arc-en-ciel” («идеология радуги»)) принижает значение утверждаемого.

Приведем интересный пример неpolitкорректного использования слова friendly, заимствованного из английского языка, которое на языке политкорректности обозначает расположение, дружественное отношение к гомосексуалистам. Это отношение подвергается неpolitкорректному осмеянию в следующем предложении, где говорится о президенте Совета представителей ассоциации темнокожих граждан Франции, который утверждал, что Франсуа Олланд был избран исключительно благодаря голосам арабов, негров и гомосексуалистов:

(30) *Le président très **Gay Friendly** du Cran (Conseil représentatif des associations noires), Louis-Georges Tin a fait une déclaration que « Hollande a été élu grâce au vote maghrébin et noir» <...>; « l’élection de François Hollande*

est bien liée au vote communautariste des Magrébins, des Noirs et des homosexuels» [24 actu].

Имплицитно негативное отношение к президенту этого сообщества, который уж очень дружелюбно настроен к гомосексуалистам, выдает сочетание своего, французского слова *très* (весьма, слишком) и англицизма *gay friendly* (дружелюбного по отношению к гомосексуалистам), графически выделенного заглавными буквами. Отнюдь неслучайно в высказывании содержится макароническая речь. Напомним, что макароническая речь – это речь, содержащая механически переносимые из другого языка слова и выражения (макаронизмы), вследствие чего она приобретает гротескно-шуточный характер [Жеребило, 2010: 187; Скребнев, 1994: 149]. Макароническое вкрапление в приведенном высказывании носит явно гротескно-иронический характер, снижая статус «президентства».

2.3. Семантическое переосмысление как способ создания политкорректных эвфемизмов

Семасиологический подход к политкорректной лексике позволяет проанализировать изменение лексического значения, часто сопровождающее процесс эвфемистического переобозначения объектов и явлений, подвергшихся табуированию. Лексическое значение представляет собой содержание слова, отображаемое в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Лексическое значение слова, которое формируется в процессе активной деятельности говорящих, характеризуется подвижностью и изменчивостью [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 261 – 262]. В значении слова Р. Карнап различал экстенционал (объем значения) и интенционал (содержание знака) [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 263].

Лексическое значение слова различается также в денотативном и коннотативном отношении. Изменение лексического значения может

затрагивать как денотативную сторону, связанную с информацией о называемом фрагменте действительности, так и коннотативную сторону, связанную с функционально-стилистическим, оценочным, эмоциональным и экспрессивным компонентами [Телия, 1986]. Термины «денотация» и «коннотация» первоначально были введены в логику, где они характеризовали предметы и понятия о них: «всякое существительное денотирует некоторые предметы и коннотирует качества, относящиеся к этим предметам» [Женетт, 1998: 411].

Денотация связана с категоризацией действительности на основе типового представления об обозначаемом. Содержание денотативного аспекта значения составляет информация об объективной действительности, существующей независимо от человека. Коннотация рассматривается как скрытая, не выражаемая формально информация, которая дополняет денотативное содержание. Содержание коннотативного компонента значения включает «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян, 1995: 159].

Процесс изменения лексического значения носит название косвенной номинации, при которой происходит переосмысление прямого значения и развитие на его основе нового наименования. Косвенная номинация – «это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Серебренников, 1977: 129]. Семантическое переосмысление приводит к изменению семантической структуры лексической единицы, к появлению в ее составе новых и / или исчезновению старых сем, что не нарушает коммуникацию, поскольку новое значение понятно из контекста и обусловлено последним [Малафеев, 2008: 53].

Семантическое переосмысление как «семантическая деривация» [Зализняк, 2002: 393] может приводить к расширению / сужению денотативного значения и / или к мелиоративному / пейоративному развитию

коннотативного значения. В основе семантического переосмысления может лежать метафорический или метонимический перенос, основанный на сходстве или смежности связанных понятий.

Переобозначение по типу метафорического переноса можно увидеть, например, в политкорректном эвфемизме – переобозначении цыган как *gens de voyage*:

(31) *L'équipement, conçu pour accueillir jusqu'à 28 caravanes, sera réservé aux **gens du voyage** dont un proche est hospitalisé à Paris [Le Parisien].*

Метафорически называя цыган путешествующими людьми, политики и журналисты не столько акцентируют кочевой образ жизни, представляя его в позитивном свете, сколько, по сути, используют более широкое обозначение. Семантическое переосмысление по типу расширения базируется на включении цыган как этноса в более широкое наименование путешествующих людей, которые не ограничены какими-либо национальными и прочими характеристиками и которые могут вполне оказаться среди «своих» и никак не могут быть причислены к «чужим» на этом основании. Так реализуется манипулятивная дискурсивная стратегия «на повышение».

В качестве примера метонимического переобозначения приведем политкорректный эвфемизм – существительное *des jeunes*, образованное посредством субстантивации прилагательного, обозначающее молодых иммигрантов, создающих во Франции целый ряд проблем:

(32) *La bataille rangée (à la suite d'une tentative de contrôle d'identité) qui a opposé, samedi dernier, un groupe d'une cinquantaine de '**jeunes**' et des policiers [L'OBS].*

Переосмысление прямого значения основано на смежности связанных понятий: иммигрантов метонимически называют молодыми по одному из присущих им признаков – их молодости. Этот эвфемизм являет собой яркий пример сужения денотативного значения, связанного с уменьшением объема понятия [Гак, 2010: 30], когда более широкое понятие молодости соотносится

с отдельной группой людей. Прямая номинация заменяется косвенной, употребление политкорректного эвфемизма *des jeunes* позволяет избежать указания на этническую принадлежность, воспринимаемую как дискриминация по национальному признаку, и обозначить лишь юный возраст иммигрантов.

Еще одним примером метонимического обозначения служит существительное *Roms* (румыны), которым также называют цыган. Оно ассоциативно связано со страной, из которой они чаще всего эмигрируют. В следующем высказывании Манюэль Вальс заявляет, что считает возвращение цыган в Румынию или Болгарию их призванием:

(33) *Les Roms ont vocation à revenir en Roumanie ou en Bulgarie [Libération].*

Эвфемистичным является также выражение *avoir vocation*, поскольку внутренняя коннотация слова *vocation* (призвание, предназначение) взывает к благородным эмоциям, реализуя манипулятивную дискурсивную стратегию «на повышение». Данное существительное замещает отрицательный, но наиболее соответствующий истине смысл высказывания о том, что Франция не обязана принимать у себя всех цыган, желающих проживать на ее территории, на положительный смысл, который заключается в том, что у цыган есть «предназначение» вернуться на свою историческую родину.

Вследствие иммиграционных процессов на территории Франции приходится сосуществовать представителям разных национальностей, которые не всегда могут найти общий язык, что может служить причиной конфликтов.

Желание избежать межнациональных конфликтов приводит к возникновению ряда квази-синонимических политкорректных эвфемизмов, оттенки значений которых иной раз требуют комментария специалиста. Приведем в качестве примера вопрос журналиста и ответ на него социолога:

(34) «*“Issu de la diversité”, “issu de l’immigration”, “minorités visibles”, quelle est la distinction entre ces trois expressions? On utilisait l’appellation “issu*

de l'immigration” jusqu'au début des années 2000, mais il a fallu arrêter puisque les enfants nés de la troisième génération sont finalement des Français comme les autres. Est apparu alors le terme “diversité”, en vogue aux Etats-Unis et qui a le mérite de correspondre à notre culture où l'on n'utilise pas de critères ethniques établis. “Minorités visibles” est un terme qui a une définition beaucoup plus large puisqu'il intègre les handicapés par exemple, mais aussi et surtout les Français de l'outre-mer qui avant étaient exclus de toute définition alors qu'ils vivent les mêmes difficultés» [Le Monde].

Приведенный пример позволяет проследить эволюцию выражения issu de l'immigration (выходец из иммиграции), впоследствии замененное политкорректным эвфемизмом issu de la diversité (выходец из разнообразия), который уходит от прямого наименования, заменяя его косвенным и выделяя не основной, центральный признак явления, а второстепенный, периферийный компонент. Вместо иммиграции акцент делается на разнообразии, что свидетельствует о денотативной подмене.

Словосочетание minorités visibles (видимые меньшинства) приводится социологом как классический пример политической корректности, поскольку оно представляется как un terme qui a une définition beaucoup plus large (термин, который имеет наиболее широкое значение), что позволяет этому термину объединить представителей всех меньшинств.

Приведенный выше диалог между журналистом и социологом вызывает интерес еще по одной причине. Устойчивое выражение Français de l'outre-mer (Француз из заморской территории) как более широкое обозначение также имеет в своей основе объединяющую функцию, обусловленную его значением, и его употребление освобождает говорящего от необходимости называть страну, из которой прибыл иммигрант.

В вышеприведенной фразе в один ряд ставятся слова handicapés (инвалиды) и Français de l'outre-mer, которые объединены одним политкорректным обозначением minorités visibles, что свидетельствует о расширении понятия политической корректности, увязываемой не только с

переобозначением расовых, сексуальных и прочих меньшинств. Само по себе словосочетание Français de l'outre-mer нейтрально, оно, казалось бы, не несет негативных коннотаций, требующих эвфемизации слова. Жители бывших колоний ранее не включались в официально признанные дискриминируемые меньшинства, права которых надо защищать. Политкорректный термин *minorités visibles*, поставив в один ряд слова *handicapés* и Français de l'outre-mer, обозначил их лингвистическое существование как обозначений дискриминируемых, унижаемых, миноритарных социальных групп, нуждающихся, следовательно, в защите, которая выражается исключительно в политкорректной эвфемизации явления.

Приведем примеры семантического переосмысления, при котором происходит сужение изначально более широкого наименования. Оно представлено словосочетаниями, используемыми в сфере, связанной с проблемой наркомании: *salle d'injection* (зал для инъекций), *consommateurs de drogue* (потребители лекарственных средств) и словом *acheteurs* (покупатели). Во всех приведенных эвфемистических обозначениях произошло сужение лексического значения: имеются в виду не просто залы для инъекций, а места введения наркотиков, потребители не любых аптекарских товаров, а наркотических средств, не просто покупатели, а те, кто приобретает именно наркотики. В позитивную сторону изменяется и коннотация наименований, обозначающих негативно воспринимаемые явления (наркопритоны, наркоманы и т.д.), что свидетельствует о мелиоративном переобозначении:

*(35) L'objectif était de réduire la mortalité des toxicomanes, d'endiguer les infections ainsi que les troubles à l'ordre public. Vingt-six ans après l'ouverture, à Berne, de la première **salle d'injection**, il en existe aujourd'hui plus de quatre-vingts, dans une dizaine de pays, principalement en Europe. Mais le nombre de **consommateurs de drogue** a-t-il baissé pour autant? [Le Figaro].*

Мелиоративное изменение коннотации лежит в основе таких обозначений, как *grand frère* (старший брат), эвфемистически заменяющее

однословное наименование caïd (главарь, атаман); incivilité (невежливость), политкорректно именуемое вандализм, агрессию (vandalism, aggression), malentendant (плохо слышащий), используемое вместо слова sourd (глухой), folkloric (фольклорный), эвфемистически обозначающее вышедшее из моды (démodé).

Приведем еще один пример изменения коннотативного аспекта значения – мелиоративного, облагораживающего переименования, когда молодых преступников называют жертвами системы, снимая с них всякую вину и ответственность за беспорядки в Амьене, когда те стреляли в полицейских настоящими патронами:

(36) Dormez tranquilles, vous autres, toutes victimes de la maladresse et du manque de considération de nos forces de l'ordre: Je ne viens pas pour vous capturer. Je ne viens pas pour vous faire déférer ni en comparution immédiate ni plus tard [Riposte Laïque].

Данный пример интересен тем, что переименование преступников в жертв (victimes) с лингвистической точки зрения означает не просто изменение коннотации – мелиоративное, улучшающее, облагораживающее переименование, но и изменение денотации – конверсивное, векторное преобразование, когда антонимы меняются местами. «Минус» становится «плюсом» в зависимости от позиции, занимаемой говорящим. А это значит, что в данном случае попирается сама истина, которая предполагает во-первых, соответствие предмету, а во-вторых, отсутствие какого бы то ни было пристрастия и интереса. «Истина выше чьих бы то ни было интересов и пристрастий» [Современный философский словарь и хрестоматия, 1996: 145].

Манипулятивная стратегия, направленная на «повышение», становится здесь не просто изощренной, она буквально переворачивает оппозиции «хорошо / плохо»; «истина / ложь». Используя местоимение первого лица Je, премьер-министр Манюэль Вальс фактически уравнивает себя с аудиторией, что указывает на обоюдную ответственность. Это означает не что иное, как

применение манипулятивной «повышающей» стратегии, основанной на тактике присоединения, амальгамирования (“мы – дискурс”).

Примером манипулятивной дискурсивной стратегии «на повышение», в основе которой может парадоксальным образом быть заложено ухудшение, уничтожение коннотации, служат пейоративные наименования *congés d'automne, d'hiver, de détente et de printemps*. Они обозначают, согласно новому постановлению правительства, периоды школьных каникул в течение года и заменяют традиционные для французов названия, такие, как праздник всех святых (день поминовения) (Toussaint), рождество (Noël), карнавал (Carnaval) и пасхальные каникулы (Pâques).

Первые, более широкие наименования (осенние, зимние каникулы, небольшой отдых, весенние каникулы) заменяют названия с более узким объемом значения, а именно обозначением христианских праздников, отмечаемых в определенные дни христианского календаря. Переименование объяснялось желанием политиков «не травмировать» чувства иммигрантов-мусульман, проживающих во Франции, негативно воспринимающих христианскую религию. Семантическое переосмысление, помимо сужения денотативного значения, десакрализовало святой для всех верующих христианский смысл, сведя его к временам года:

(37) Un nouveau décret établit désormais une série de règles pour fixer les congés scolaires. Aussi, dans ce décret, les congés de Toussaint, de Noël, de Carnaval et de Pâques sont rebaptisés congés d'automne, d'hiver, de détente et de printemps [Le Soir].

Интересен пример семантического переосмысления прилагательного в словосочетании *commerce équitable*, относящегося к экономической сфере. Прилагательное *équitable* определяется в словаре как нечто справедливое, беспристрастное (*qui agit selon l'équité; juste, impartial. Conforme à l'équité, à la justice [Le Petit Robert, 2013: 934]*). Ставшее устойчивым словосочетание *commerce équitable* (справедливая торговля) не представляет собой прямого наименования, поскольку речь идет вовсе не о справедливости. Истина здесь

заключается не в справедливом, равноправном сотрудничестве. Словосочетание используется политиками, принуждающими европейских потребителей покупать товары, произведенные в бедных странах, как правило, в Африке и Южной Америке. Политкорректной эвфемизации подвергается фактическое принуждение к приобретению товаров низкого качества, объясняемого отсталой промышленностью бедных стран. Используя политкорректный эвфемизм, эксплуатируя добрые чувства людей, политики зарабатывают на этом политический капитал:

*(38) Mais pour cela, le **commerce équitable** doit relever un défi en France. Simplement pour que le **commerce équitable** devienne un geste simple et quotidien pour chaque Français [L'Express].*

Приведенное словосочетание примечательно тем, что в нем можно увидеть не только мелиорацию, но и замену точного наименования неточным обозначением, и лишь контекст позволяет уточнить, что конкретно имеется в виду. Неточные обозначения, как правило, сопровождаются расширением денотативного значения, что еще более затемняет связь между обозначаемым и обозначающим. Таковы политкорректные эвфемизмы: *esthétiquement différent* (эстетически отличительный), используемый вместо *laid* (уродливый); *mouvement social* (социальное движение), заменяющий прямое наименование *grève* (забастовка); *rendez-vous revendicatif* (воинственная встреча), избегающий слова *manifestation* (демонстрация) и проч.

Итак, семантическое переосмысление, сопровождающее политкорректное переобозначение явлений, затрагивает лексические единицы, прямое значение которых изменяется с последующим развитием на его основе метафорического (*gel, gens de voyage*), метонимического (*des jeunes, des Roms*) наименования, сужения (*salles d'injection, acheteurs, contribution*) и расширения (*minorités visibles*) значения, а также его мелиорации (*consommateurs des drogues, commerce équitable, victimes*) и пейорации (*congés d'automne, d'hiver, de détente et de printemps*).

2.4. Словообразовательные способы создания политкорректных эвфемизмов

При образовании политкорректных эвфемизмов во французском языке нередко задействуются ресурсы системы словообразования. Используются разные словообразовательные способы: аффиксация, словосложение, сокращение.

Политкорректные эвфемизмы, образованные посредством аффиксации, чаще всего представляют собой префиксальные производные.

Таковым, например, является существительное *contre-performance*, в основе которого лежит модель [contre- + существительное]:

(39) *Elections régionales: contre-performance pour Les Républicains au premier tour [Le Monde].*

Существительное *contre-performance*, буквальный перевод которого звучит как «контр-достижение», довольно часто используется политическими обозревателями, политиками и журналистами вместо слова *échec*, трактуемым в толковом словаре как «неуспех, провал проекта, предприятия» (*un insuccès, faillite d'un projet, d'une entreprise*) [Petit Robert, 2013: 821]. Наличие в политкорректном эвфемизме компонента *performance*, обозначающего деятельность и потому воспринимаемого позитивно, а также компонента *contre-*, настраивающего человека на противостояние, борьбу с чем-то, мешающим ему в его деятельности, в целом придает производному слову с этими непосредственно составляющими положительный смысл противодействия чему-то негативному.

Но если сам позитивный посыл, то есть коннотация слова, вполне ясны, то денотативное значение отнюдь не отличается ясностью и точностью. Слово *contre-performance* относится к так называемым туманным, неясным обозначениям [Ивин, 1999: 129], что позволяет отвлечься от его денотации и сосредоточиться на положительной коннотации. Это и делает его эвфемизмом, используемым в политкорректном дискурсе.

Так, в следующем предложении журналистом высказывается предположение о возможном крайнем недовольстве действиями премьер-министра в случае неудачи, которую он эвфемистично и непонятно называет «контр-достижение», заменяя прямую номинацию косвенной:

*(40) Il (Manuel Valls) prenait de fait le risque de radicaliser les commentaires en cas de **contre-performance**, mais le Premier ministre était tout tendu vers son objectif: prouver qu'il sait diriger la majorité [LesEchos].*

В следующем высказывании используются политкорректные префиксальные производные *contre-performant* и *contre-performance*, характеризующие Николя Саркози как президента-неудачника:

*(41) UMP: Sarkozy, le président **contre-performant**. Soixante-quatre pourcents. Le nouveau président de l'UMP s'appelle donc – c'est peu étonnant – Nicolas Sarkozy. Mais malgré l'absence de second tour, l'absence de contestations en interne, malgré le message martelé par Brice Hortefeux (un «score exceptionnel»), force est de reconnaître que Nicolas Sarkozy enregistre là une **contre-performance** [Marianne].*

Примерами префиксальных образований могут служить политкорректные эвфемизмы: *non-victoire*, заменяющее общепринятое *défaite* (поражение); *non-occupé* вместо *chomeur* (безработный); *sous-privilégié* заменяет слово *pauvre* (бедный).

Промахи полицейских (*bavures policières*) политкорректно называются словом, образованным префиксально-суффиксальным способом: *dysfonctionnement*.

Лексика, включенная в политкорректный словарь во французском языке, может создаваться не только посредством аффиксации (в основном префиксации), но и посредством словосложения.

Так, слово *phobe / phobie*, означающее «иррациональный, болезненный, чрезмерный страх перед некоторыми вещами, действиями, идеями» (*éléments, des comp. gr. crainte excessive, maladie et irraisonnée de certains objets, actes, situations ou idées [Le Petit Robert, 2013: 1931]*), получил во

французском языке широкое распространение, став компонентом сложных слов, активно используемых идеологами политкорректности *libertinophobe*, *islamophobe*, *xénophobie*.

Приведем пример с использованием слова *islamophobie*:

(42) *"Vu la montée du racisme anti-musulman, nous souhaitons une déclaration solennelle du président de la République", déclare le président de l'Observatoire de l'islamophobie [L'Obs. Politique].*

Сложные слова с компонентом *phobe / phobie*, изначально означавшие только страх перед чем-либо, претерпели семантическое изменение и стали обозначать нетерпимость и отвращение к другим национальностям, расам, идеологиям и т.д. Не являясь собственно эвфемизмами, эти слова входят в арсенал языковых средств, с помощью которых идеологи политкорректности клеймят тех, кто не разделяет их взгляды, и, таким образом, считаются «чужими», врагами.

Так, слово *islamophobie*, первоначально означавшее «страх перед исламом», стало означать «враждебность по отношению к мусульманам»: *hostilité envers l'islam, les musulmans [Le Petit Robert, 2013: 1407]*. В этом слове, помимо изменения в денотации, произошли изменения и в коннотации, испытавшей пейорацию значения.

Одним из продуктивных способов создания политкорректных наименований является сокращение и, в первую очередь, это аббревиация [Шаповалова, 2003]. Аббревиация, создающая цельнооформленное слово там, где раньше было описание понятия с помощью свободного словосочетания [Алексеева, 1983: 13-15], приобрела в условиях могущества политкорректной идеологии новое функциональное значение.

Аббревиация, как языковое средство создания политкорректных обозначений во французском политическом дискурсе, занимает существенное место в общем массиве политкорректной лексики. Она представляется наиболее эффективным способом увеличения расстояния между денотатом и сигнификатом. Х. Роусон объясняет причину

популярности аббревиации как способа эвфемизации, подчеркивая, что «плохие слова не так уж плохи, когда они аббревируются» [Rawson, 1981: 11].

Объяснение этому можно найти в значительном уменьшении «тела» знака, достигаемого за счет отсечения большей части слова как исходной единицы. В особенности это касается инициально-буквенной аббревиатуры, относящейся к алфавитизмам [Алексеева, 1983:77]. Сокращение до начальной буквы, нейтрализующее фонемный, слоговый, морфемный состав слова, приводит к устранению, аннигилированию прежней формы, а значит, к изменению и содержания слова. Языковая компрессия, преобразившая словосочетание в цельнооформленное слово, отдалила инициальную аббревиатуру от исходного, полного наименования-прототипа. Связанные с исходным обозначением негативные значения отступают на задний план или вовсе устраняются.

Приведем примеры использования аббревиатур инициального типа. С 1 декабря 2008 года во Франции на законодательном уровне были утверждены так называемые контракт о единой интеграции (*contrat unique d'insertion*) и договор о содействии в трудоустройстве (*contrat d'accompagnement dans l'emploi*), которые были направлены на то, чтобы облегчить процедуру трудоустройства безработным, испытывающим социальные и профессиональные трудности. Словосочетания сразу стали аббревиатурами CUI-CAE:

(43) Le CUI-CAE (Contrat Initiative Emploi - Contrat d'Accompagnement dans l'Emploi) a pour objet de faciliter l'insertion professionnelle des personnes sans emploi rencontrant des difficultés sociales et professionnelles particulières d'accès à l'emploi [Saintpierre-express.fr].

(44) Le CAE (contrat d'accompagnement dans l'emploi) est un contrat aidé dans le secteur non marchand qui facilite, grâce à une aide financière pour l'employeur, l'accès durable à l'emploi des personnes sans emploi rencontrant des difficultés sociales et professionnelles d'insertion [Ministère du Travail].

Интересно, что аббревиатуры используются в тексте совместно с полными прототипами, что свидетельствует об их узурпаторской незакрепленности. Это говорит также об их неустойчивости как языковых единиц, а значит, о том, что это, скорее, варианты слов, а не новые слова, и их языковой статус в полной мере не определен. Все эти образования, не вошедшие в основной словарный фонд, созданы *ad hoc*, *оказионально*, «на данный случай», в данный исторический период, который характеризуется навязываемой обществу и языку политкорректностью.

Для выражения социальной политкорректности в дискурсе политических деятелей часто встречается инициально-буквенная аббревиатура HLM (*une habitation à loyer modéré*), обозначающая «жилые дома среднего уровня (ЖСУ)», которые сдаются государственными органами или частными лицами по низким арендным ценам, чему способствует финансирование жилья государством. Эти дома, в которых живут малоимущие жители Франции, отличаются отнюдь не средним, а крайне низким качеством, что указывает на манипулятивную дискурсивную стратегию «повышения», задействованную в данном политкорректном наименовании:

(45) Il faut donc arrêter de considérer les HLM comme des logements de “pauvres” et les normaliser, en construire toujours plus, dans tous les quartiers, dans toutes les villes et pas que dans des «ghettos urbains» [20 minutes].

Президент Франции использует симулякриванное политкорректное обозначение, не соответствующее реальности, но имеющее положительную коннотацию, для того, чтобы заручиться поддержкой жителей таких домов. Данное выражение – это не что иное, как преднамеренный отход от истины, которая заключается в том, что Франция переживает экономический кризис, и у нее нет денег на строительство качественных и, следовательно, дорогих домов. Политкорректный эвфемизм HLM скрывает, вуалирует неприглядный характер таких убогих жилищ.

Инициальная аббревиатура HLM (ЖСУ), означающая социальное жилье, имеет неполиткорректный, но более правильный в денотативном отношении дисфемистический (заменяющий эмоционально и стилистически нейтральное слово более грубым [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 590]) вариант обозначения данных домов – *taudis* (*logement misérable, sale ou mal tenu*) [Le Petit Robert, 2013: 2570], который можно перевести как «лачуга», «конура», «трущоба».

Во французской прессе, в заголовках газетных статей часто можно встретить высказывания, передающие истинное состояние дел, характеризующие жизнь в таких домах как «ужас»; «кошмар»:

(46) *«J’habite HLM à Neuilly...et c’est l’horreur»; «Face à une réhabilitation «cauchemar», des locataires HLM saisissent la justice» [Le Monde].*

Алфавитизм HLM содержит в имплицитном виде негативное отношение к таким домам. Франсуа Олланд подчеркнул необходимость и важность строительства ЖСУ, однако журналистские публикации, содержащие высказывания с этой аббревиатурой, развенчивают миф о достоинстве такого жилья и выдвигают на первый план отрицательные качества ЖСУ, такие, как грязь, разруха и некачественный ремонт. Так общий контекст высказывания вступает в противоречие с политкорректным наименованием-сокращением.

Рассмотрим еще одно инициально-буквенное сокращение IVG, означающее добровольное прерывание беременности (*interruption volontaire de grossesse*). Истинным обозначением этого явления служит слово *avortement* (аборт), осуждаемый по этическим и религиозным основаниям как акт, обрывающий зародившуюся жизнь. Трехсловное словосочетание, являющееся эвфемизмом, маскирующим негативное явление, заменяет слово «аборт» на нейтральное «добровольное прерывание беременности», которое затем замещается аббревиатурой, еще более затемняющей означаемое явление. Заметим, что в приведенном исходном словосочетании,

послужившем основой для аббревиатуры, имеется прилагательное «добровольное» (*volontaire*), содержащее в своей семантике позитивно-коннотируемый признак (свободу, волю, самостоятельность в принятии решения). Эвфемизмом, замещающим обозначение аборта, является как собственно словосочетание, так и возникшее на его основе инициально-буквенное сокращение.

Приведем примеры использования аббревиатуры *IVG* во французском политическом дискурсе. В первом из приведенных ниже предложений речь идет о том, что депутаты проголосовали за поправку социалистической партии, дающей право женщине на добровольное прерывание беременности. Во втором предложении говорится о том, что премьер-министр Манюэль Вальс, выступая в Барселоне, защищал, по его словам, фундаментальную свободу добровольного прерывания беременности:

(47) Les députés ont voté en commission un amendement PS prévoyant qu'une femme puisse demander une IVG si elle "ne veut pas poursuivre une grossesse" [DirectMatin.fr].

(48) Le Premier ministre français Manuel Valls a défendu mercredi soir à Barcelone la "liberté fondamentale" de l'interruption volontaire de grossesse (IVG) [Le Point].

Инициально-буквенные аббревиатуры активно используются во французском политическом дискурсе. Обратимся к следующим алфавитизмам: *PMA* (*procréation médicalement assistée*): *GPA* (*gestation pour autrui*), которые означают «искусственное оплодотворение» и «суррогатное материнство». Эти две процедуры, о которых много говорят во Франции в связи с легализацией однополых браков, осуждаются обществом, что нашло свое отражение в их маскировке, обеспеченной политкорректными эвфемизмами-сокращениями, которые явно нуждаются в расшифровке. Франсуа Олланд, понимая настроения большинства, ведет двусмысленную политику, лавирует, выступая то «за», то «против» указанных процедур,

избегая называть вещи истинными именами и используя только сокращения, что явствует из следующих высказываний:

(49) *Oui, je l'ai dit [je suis favorable à la PMA] <...>. En revanche, je suis hostile à la GPA) [Le Monde].*

Журналист подчеркивает, что в реальности Франсуа Олланд недостаточно четко выражает свою позицию, и его речь по поводу искусственного оплодотворения меняется в зависимости от аудитории. Например, он пообещал ассоциации родителей-гомосексуалистов предоставить доступ к процедуре искусственного оплодотворения женщинам-лесбиянкам, состоящим в брачных отношениях, однако, отметил в интервью журналу «Либерасьон», что этот закон будет сложно принять:

(50) *En réalité, comme dans plusieurs autres domaines, François Hollande s'est montré assez flou. Comme le rappelait l'express.fr, son discours sur la PMA a varié selon les audiences. Ainsi, il avait promis à l'Association des parents gays et lesbiens d'ouvrir la PMA aux couples de femmes, mais souligné dans Libération la difficulté de faire passer ces textes de loi [Le Monde].*

Довольно распространенным способом создания политкорректных эвфемизмов является усечение. Так, образование политкорректной лексики, связанной с гомосексуальными отношениями, представлено сокращением по типу апокопы – отсечения финального компонента слова, а именно, части *sexuel*. При этом начальная часть слова из связанной морфемы – полу-аффикса – превращается в свободную, корневую морфему, претерпевая при этом субстантивацию – приобретение признаков существительного. Этот процесс имеет место при преобразовании прилагательных *homosexuel*, *hétérosexuel*, *transsexuel*, *bisexuel* в существительные *homo*, *hétéro*, *trans*, *bis*. В следующем примере депутат-мэр в начале декабря сообщает о своей гомосексуальности и высказывается в защиту браков и усыновления детей гомосексуальными парами:

(51) Franck Riester, député-maire de 38 ans, qui a fait début-décembre son coming-out et s'est prononcé en juin dernier à la tribune de l'Assemblée nationale pour l'ouverture du mariage et de l'adoption aux couples «homos» [Les Inrocks].

Отсечение финальной части, обозначающей сексуальные отношения, имеет эвфемистическую подоплеку, имплицитно указывая на нечто «неприличное», «постыдное», якобы коренящееся в самих отношениях между полами. Подобная эвфемизация вскрывает негативный, по сути, взгляд на нормальные человеческие отношения.

Таким образом, среди способов образования политкорректной эвфемистической лексики выделяются аффиксация (префиксация), словосложение, инициально-буквенная аббревиация, усечение по типу финального сокращения слова (апокопа) с последующей субстантивацией.

2.5. Заимствование как способ пополнения политкорректных эвфемизмов

Заимствование слов – естественный и необходимый процесс языкового развития. Лексическое заимствование обогащает язык и обычно не вредит его самобытности, так как при этом сохраняется основной, «свой» словарь, и, кроме того, неизменным остается присущий языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития.

Заимствованная лексическая единица, продвигаемая идеологами политкорректности, не просто выполняет номинативную функцию, но выступает при этом как оценочное наименование, несущее позитивную коннотацию. Заметная англизация политкорректного дискурса обусловлена не только фактором престижности заимствованного слова, но и особой ролью английского языка в современной межкультурной коммуникации. Заимствование «повышает в ранге» обозначающий объект, который становится, таким образом, более значительным и престижным [Крысин, 2002: 29]. Это и делает заимствование в сфере политкорректности

эвфемизмом, «облагораживающим» объект, негативно оцениваемый во французском обществе.

Так, французский политкорректный язык заимствовал из английского языка существительное coming-out, созданное на основе фразового глагола to come out, означающее признание в гомосексуальности. Приведем пример использования этого неассимилировавшегося англицизма совместно с другим английским заимствованием – словом gay (гей, гомосексуалист). В предложении говорится о том, что молчание укрепляет мысль о том, что быть геем стыдно, поэтому нужно признаться в своей гомосексуальности:

(52) Plus globalement, rester au placard renforce l'idée qu'il y a quelque chose de honteux à être gay. C'est pourquoi nous devons faire notre coming-out [les InRocks].

Интересно, что в английском языке слова coming-out, gay, а также queer, pride и др., связанные с обозначением гомосексуальных отношений, представляют собой метафорически-переосмысленные наименования. Их исходно-первичное значение таково: coming-out (выступление с разоблачением); gay (веселый), queer (странный), pride (гордость) [Мюллер, 2010: 221; 474; 980; 943]. Это означает не что иное, как замену прямого наименования косвенным, то есть, фактически, то же сокрытие, вуалирование, эвфемистическую маскировку истинного положения вещей – гомосексуализма.

Заимствование служит также источником пополнения политкорректной лексики во французском языке в других сферах деятельности. Приведем пример, относящийся к сфере экономики, в которой используется политкорректный эвфемизм shutdown, обозначающий закрытие предприятий, падение, упадок [Мюллер, 2010: 1140]. В следующем контексте это неассимилировавшееся английское слово употребляется журналистом вместо узувального французского слова chute (падение), что позволяет прежде всего затемнить смысл происходящего, а именно, негативного развития экономики и преуменьшить масштаб экономического спада. Непонятное английское

слово, которое не разъясняется автором статьи, вносит определенную долю неясности, что и является задачей политкорректного эвфемизма. Это слово, входящее в профессиональную лексику экономистов, для большинства французов является агнонимом (термин В.В. Морковкина [Морковкин, 1997], создающим «эффект информационной опустошенности в тексте» [Горбунова, 2011: 148] для одних и побуждающим декодировать представленную информацию других. Автор статьи стремится также, используя манипулятивную стратегию «на повышение», ориентированную на образованную аудиторию, произвести на нее впечатление, подняв свой престиж как знатока и экономики, и английского языка:

(53) Le Parlement européen a accepté, mardi 22 octobre, un versement en urgence de 2,7 milliards d'euros pour le budget 2013. L'Union européenne pourrait ainsi échapper à un "shutdown", comme le note Philippe Ricard, journaliste au bureau européen du Monde [Le Monde].

Особенно много заимствований в сфере обращения наркотиков, к которым большая часть французского общества относится крайне негативно. Интересным для анализа представляется политкорректный эвфемизм *salles de shoot*. Данное гибридное макароническое словосочетание состоит из французского слова *salle* (зал) и английского слова *shoot* (стрелять), используемого в переносном метафорическом значении (колоться) [Мюллер, 2010: 1133].

Устойчивое словосочетание *salles de shoot* является ярким примером косвенной номинации, в которой имело место семантическое переосмысление обоих компонентов: речь идет не о залах, а местах приема наркотиков, в этих местах не стреляют, а делают инъекции наркотических средств. Изменения касаются как денотации, так и коннотации. Последняя претерпевает мелиорацию. Все сказанное укладывается в стратегию «повышения», вуалирующую, маскирующую пороки французского общества.

В высказывании говорится о предлагаемом правительством проекте открытия специальных помещений для наркоманов, где они смогут на

легальных основаниях вводить себе наркотики. Переносное значение английского слова *shoot* (колоться), относящееся к сниженному разговорному стилю, легко распознается англичанином, но известно далеко не каждому французу. Именно это свойство англицизма, затемняющее, маскирующее негативный смысл иноязычного глагола придает словосочетанию *salles de shoot* эвфемистический характер и делает его политкорректным замещением обозначения легализованного притона:

(54) *C'est un sérieux coup de frein à ce projet polémique soutenu par le gouvernement. Le Conseil d'État a rendu mardi un avis négatif sur l'ouverture de salles de shoot, a révélé jeudi France Inter [Le Figaro].*

(55) *Le débat sur les "salles de shoot" avait été relancé cet été par le député socialiste et adjoint au maire de Paris Jean-Marie Le Guen, qui avait demandé au gouvernement d'autoriser la création de salles d'injection de drogues, notamment "face à l'augmentation de la consommation d'héroïne" [Libération].*

Встречаются высказывания, где, наряду с указанным словосочетанием, приводится его французский аналог *centre d'injection supervisée* (центр введения инъекций под наблюдением медиков), который сразу подвергается аббревиации – CIS. Это означает, что гибридное обозначение *salles de shoot*, ориентированное на молодежную аудиторию, знающую английский язык, ограничено сферой употребления, и оно носит ярко выраженный сниженный характер. Оно может быть неизвестно людям, далеким от этой сферы, поэтому понадобилось французское обозначение, выдающее себя за книжное, научное медицинское терминологическое словосочетание, что полностью укладывается в дискурсивную стратегию «на повышение»:

(56) *Dans un entretien accordé mercredi 29 août au Parisien, le parlementaire socialiste a une nouvelle fois plaidé en faveur de l'ouverture de "salles de shoot" ou centre d'injection supervisée (CIS) destinées à fournir au toxicomane un lieu où il peut se droguer "proprement" en limitant les risques de contamination au VIH et à l'hépatite C [Le Monde].*

Заметим, что относящиеся к политкорректной лексике заимствования во французском языке приходят только из английского языка.

Приведенная серия переобозначений (salle de shoot → centre d'injection supervisée → CIS) одного и того же негативного явления свидетельствует о процессе деэвфемизации и повторной эвфемизации наименования, в чем со всей очевидностью проявляется динамический характер, присущий политкорректным наименованиям.

2.6. Образование политкорректных эвфемизмов как результат процесса перехода перифрастических свободных словосочетаний в устойчивые языковые единицы

Под свободными словосочетаниями понимаются сочетания знаменательных слов, сохраняющих присущее им самостоятельное лексическое значение. Словосочетания служат средством номинации, обозначая предмет, явление, процесс, качество [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 469]. Компоненты свободного словосочетания могут замещаться словами соответствующей части речи.

Особое место в системе языка занимают несвободные устойчивые словосочетания в компонентах которых лексическая самостоятельность ослаблена или утрачена [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 469]. Устойчивые словосочетания обладают определенным набором характеристик, проявляющихся в своеобразии семантики, происхождения, особой смысловой нагрузке и проч. [Иванченко, 2013: 95].

Свободные словосочетания как фактор речи могут переходить в языковую систему в результате процесса лексикализации, в ходе которого происходит возникновение идиоматического устойчивого сочетания из сочетания свободного. Этот процесс иначе называется фразеологизацией [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 258], поскольку свободное словосочетание, преобразовываясь в лексическую, языковую единицу, приобретает статус фразеологической единицы. Политкорректные

эвфемизмы часто возникают в результате перехода перифрастических свободных словосочетаний в устойчивые языковые единицы.

Для примера лексикализации (фразеологизации), сопровождающей эвфемистическое переобозначение, возьмем обозначения кварталов для неимущих и иммигрантов. В словаре зафиксированы следующие устойчивые словосочетания, состоящие из существительных, связанных предложной связью:

(57) *Et je veux dire aux enfants des **quartiers en difficulté**, quelles que soient leurs origines, qu'ils sont tous les filles et les fils de la République [Le Monde].*

(58) *Les touristes, qui ne vont jamais dans ces **quartiers à problèmes**, l'ont bien compris: ils sont toujours aussi nombreux dans les palaces parisiens, au pied de la Tour Eiffel, dans les musées, les théâtres, et dans les fameux "grands magasins" [Assemblée nationale. fr].*

Со временем их сменили словосочетания с подчинительной атрибутивной связью компонентов *quartiers prioritaires*, *quartiers sensibles*, вначале являвшиеся перифразами [Туницкая, 2010], которые не называли, а описывали понятие [Клюев, 2001: 216], указывая лишь на его признаки, чаще всего, периферийные, второстепенные. Эти свободные словосочетания постепенно также приобрели черты устойчивости и регулярной воспроизводимости в политическом дискурсе, затрагивающем вопросы социального неравенства:

(59) *Aujourd'hui, 30 000 jeunes des **quartiers sensibles** sont déjà en contrat grâce aux emplois d'avenir et nous allons aller beaucoup plus loin [Gouvernement.fr].*

(60) *Le président de la République a visité l'entreprise de recyclage Paprec puis une pépinière d'entreprises de l'association La Miel pour parler développement économique et innovations dans les **quartiers prioritaires** de la politique de la ville [Le Monde].*

Многочисленные примеры использования этих словосочетаний свидетельствуют об их регулярной воспроизводимости в речи и

устойчивости. Это указывает на фактическое вхождение их в языковую систему на правах отдельных, узуальных, лексических единиц, имеющих фразеологический статус. Лексические единицы, как и приведенные ранее сочетания со словом *quartier*, можно отнести к традиционным фразеологическим сочетаниям, выделяемым на основании их устойчивости.

В качестве еще одного примера лексикализации словосочетания приведем регулярно воспроизводимое в СМИ эвфемистическое обозначение цыган, проживающих на территории Франции, ведущих кочевой образ жизни:

*(61) <...> une gendarmerie a été attaquée à la suite de la mort d'un jeune membre de la communauté des **gens du voyage** au cours d'une course poursuite [Le Monde].*

Называя цыган странствующими людьми, политики и журналисты не столько акцентируют кочевой образ жизни, представляя его в позитивном свете, сколько, по сути, используют более широкое наименование.

Лексикализации подверглись следующие перифрастические словосочетания, вошедшие в языковую систему и зарегистрированные в словарях эвфемизмов: *ouverture du capital* (приватизация), *forces de l'ordre* (полицейские), *immigration choisie* (квоты на иммиграцию), *préposé à la distribution du courrier* (человек, которому предлагается работа почтальона), *cessation anticipée d'activité* (ожидаемое снижение трудовой активности), *identités de quartier* (этнические особенности кварталов), *réajustement des prix* (повышение цен).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

В основе политкорректности во французском политическом дискурсе лежит, с одной стороны, социально-культурное табуирование, запрещающее именовать нежелательные для общества явления, с другой стороны, языковая эвфемизация, заменяющая табуированные, негативно коннотируемые лексические единицы другими, позитивно окрашенными наименованиями, опирающимися на несущественные, периферийные признаки объекта.

Политкорректность носит динамический характер, ярко проявляющийся в деэвфемизации, представляющей собой процесс постепенной утраты эвфемии.

Однажды возникнув, политкорректный эвфемизм не остается раз и навсегда заданной лексической единицей, обозначающей некое негативно-воспринимаемое явление, которое в результате переименования приобретает положительную эмоциональную окраску. Замена наименования не устраняет отрицательного отношения к объекту, что в дальнейшем приводит к появлению нового названия, именующего все тот же объект. Так рождается цепочка политкорректных единиц с различной степенью эвфемизации. Степень вуалирования, затушевывания негативных сторон объекта прямо коррелирует с новизной, свежестью политкорректного эвфемизма.

Динамический характер политкорректности проявляется также в отсутствии односторонней, прямолинейной, раз и навсегда заданной, устойчивой связи между политкорректным эвфемизмом и общим смыслом высказывания, которое может быть выдержано как в политкорректном, так и в неполиткорректном ключе.

Контекстная реализация политкорректных эвфемизмов допускает как симметричные, так и асимметричные отношения, складывающиеся между политкорректным обозначением и общим – политкорректным или неполиткорректным – смыслом высказывания.

Семасиологический подход, использованный в данной главе, позволил проанализировать изменение лексического значения, часто сопровождающее

процесс эвфемистического переобозначения объектов и явлений, подвергшихся табуированию. Изменение лексического значения – переосмысление прямого значения и развитие на его основе нового эвфемистического политкорректного наименования. может затрагивать как денотативную, так и коннотативную сторону. Семантическое переосмысление может приводить к расширению / сужению денотативного значения и / или к мелиоративному / пейоративному развитию коннотативного значения. В основе семантического переосмысления, приводящего к образованию политкорректного эвфемизма, может лежать метафорический / метонимический перенос, основанный на сходстве / смежности связанных понятий.

Подход с точки зрения системы словообразования, позволяющей создать новые лексические единицы с опорой на собственные языковые ресурсы, выявил такие способы образования политкорректных единиц, как аффиксация (префиксация), словосложение, сокращение по типу усечения (апокопа) или инициально-буквенной аббревиации. Обычно инициально-буквенные аббревиатуры используются в политкорректном дискурсе совместно с полными наименованиями-прототипами, что свидетельствует об их узуальной незакрепленности на данном историческом этапе.

Политкорректная лексика может также заимствоваться из другого языка. В современном французском политическом дискурсе источником-донором политкорректных эвфемизмов является английский язык, задолго до других языков освоивший сферу политкорректности. Нередко неассимилировавшиеся заимствования используются политиками наряду с собственными, исконными наименованиями.

Иногда наблюдается эффект гибридизации, макаронизации, когда политкорректные эвфемизмы строятся из компонентов, принадлежащих одновременно двум языкам – французскому и английскому. При этом исконное образование, представляющее собой словосочетание, может аббревироваться, что не наблюдается в случае иноязычных наименований.

Образование политкорректной лексики может быть результатом процесса лексикализации, заключающегося в переходе перифрастических свободных словосочетаний из речи в языковую систему. К таковым относятся словосочетания, которые приобрели черты устойчивости и регулярной воспроизводимости в политическом дискурсе, что позволило им войти в языковую систему на правах лексических единиц, имеющих фразеологический статус.

**ГЛАВА III ДИНАМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.
СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ОППОЗИЦИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ /
НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ**

**3.1. Понятие неpolitкорректности в ее соотносительности с
politкорректностью**

Изучение функционирования политкорректной лексики предполагает исследование сфер деятельности общества, подверженных влиянию политкорректной идеологии. Подобное изучение целесообразно осуществлять с позиции динамического подхода, предполагающего рассмотрение любого явления в аспекте его развития и изменчивости.

Современный этап развития политкорректности в западном обществе характеризуется новой, неожиданной для данной идеологии тенденцией к демонстративному отказу от нее и появлению явно неpolitкорректных дискурсов. Примечательно, что неpolitкорректность заявляет о себе в тех же сферах, где насаждается ее антипод – политкорректность. Это означает одно: неpolitкорректность представляет собой ответную реакцию на диктат тотального введения политкорректности. Прежде чем охарактеризовать сферы действия политкорректности и, соответственно, неpolitкорректности как противостоящей ей тенденции, рассмотрим подробнее феномен неpolitкорректности.

Анализ научной литературы показывает, что политкорректность все чаще трактуется расширительно – как явление, охватывающее разные стороны жизни, так или иначе связанные с политикой.

Исследователи фокусируют свое внимание в основном на политкорректном дискурсе, хотя и приводят те или иные примеры неpolitкорректности. В этой связи важной представляется работа Е.А. Вашуриной, в которой рассматриваются неpolitкорректные слова и словосочетания, выражающие дискриминацию по возрасту, расе, социальному статусу человека [Вашурина, 2011: 10]. Автор ввела в обиход

оппозицию «политическая корректность – политическая некорректность». В ее работе анализировалось, за счет чего содержание того или иного высказывания оказывается политкорректным или неpolitкорректным [Вашурина, 2011: 4; 9].

Отсутствие в работе Е.А. Вашуриной определения неpolitкорректности потребовало обратиться к этому феномену с тем, чтобы уточнить его границы. Определение неpolitкорректности можно дать, отталкиваясь от качественных характеристик собственно политкорректности, которые можно считать критериями политкорректности. При этом заданные критерии преобразовываются в свою противоположность. Лингвистическим средством такого преобразования может служить отрицательная приставка «не», которая, если следовать толковому словарю, показывает полную противоположность того, что выражает это слово без приставки [Кузнецов, 1998: 1326].

Опираясь на приведенное ранее общепринятое понимание политкорректности, попытаемся сформулировать рабочее определение неpolitкорректности как ее антипода. Неpolitкорректность не предпринимает усилий, обеспечивающих успешность коммуникации, не предполагает выбор языковых средств, актуализируемых в конкретных речевых ситуациях, не ориентируется на партнера. Неpolitкорректность опирается на понятие негативного лица участника общения, который не стремится быть одобренным окружающими. Неpolitкорректность не связана со стремлением уважать чувства и достоинство индивида, не направлена на соблюдение его прав во всех сферах жизни, включая языковую. Неpolitкорректный язык не избегает слов и выражений, которые могут обидеть или унижить человека, вызвать у него негативную реакцию. Лексические единицы, тем или иным образом его дискриминирующие, не заменяются на нейтральные или положительные эвфемизмы.

Если политкорректность предполагает запрет на дискриминацию людей или групп, то неpolitкорректность игнорирует этот запрет, неосознанно или

преднамеренно их дискриминирующий. Уважение уступает место пренебрежению, языковой такт – прямому оскорблению, дискредитации. Дискурсивная стратегия «на повышение» сменяется стратегией на понижение, реализуемой языковыми средствами выражения дискредитации, диффамации, инсультации (оскорбления). Неполиткорректность исходит из восприятия людей или групп как «чужих».

Политкорректному эвфемизму может быть противопоставлен неполиткорректный дисфемизм, в основе которого лежит замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 590].

3.2. Политкорректный и неполиткорректный дискурс во внутренней политике: сферы применения

Политика, как известно, бывает внутренней и внешней. И политкорректность, равно как и неполиткорректность, может относиться как к внутренней жизни страны, так и характеризовать межгосударственные отношения.

Политкорректность и неполиткорректность во внутривнутриполитическом дискурсе представлены несколькими сферами, к которым относятся социально-экономическая сфера, вопросы межэтнических отношений, религиозных верований, проблемы обеспечения правопорядка и безопасности в обществе и сфера, связанная с проблемой сексуальных меньшинств.

Политкорректный дискурс во внутренней политике можно проиллюстрировать с помощью политкорректного эвфемизма социальный план (plan social) – перифрастическом переобозначении понятия увольнения персонала (licenciement de personnel). Данное словосочетание является ярким примером «туманного обозначения» [Ивин, 1999: 243], поскольку его смысл не обеспечивает связь языка с действительностью:

*(62) Thomas Hollande prend de nouveau la défense de salariés concernés par le **plan social** [Le Figaro].*

Увольнение людей, на защиту которых становится сын действующего президента Тома Олланд, названо журналистом «социальным планом».

Неполиткорректный дискурс во внутренней политике можно показать на следующем примере. Так, во время сельскохозяйственной выставки в 2008 году один из присутствующих в толпе людей отказался пожать Николя Саркози руку, на что президент Франции отреагировал следующей фразой:

(63) Casse-toi alors pauvre con [YouTube]. (Отвали, идиот несчастный)

Николя Саркози позволил себе недопустимую вообще для человека, а тем более для президента грубость в отношении простого француза. Приведенная фраза есть ни что иное, как инсультация – непосредственно адресованная слушателю насмешливая, оскорбительная, издевательская речь [Хазагеров, 1999: 232], и в качестве таковой являет собой пример неполиткорректного дискурса, реализующего стратегию «на понижение».

В следующем высказывании министр юстиции Кристин Тобира, используя стратегию на «понижение», сравнивает газету «Фигаро» с советской газетой «Правда» за то, что автор статьи под названием «Вернется ли Франция к системе наказания за мыслепреступление» осмеливается критиковать французскую политику уголовных наказаний:

*(64) Christiane Taubira a comparé un article intitulé «Y a-t-il en France un retour du délit d'opinions ?» à la **Pravda** [Le Figaro].*

Так французская газета, вопреки истинному положению дел, переводится из «своих» в стан «чужих», становится идеологическим противником.

Приведенный пример пейоративного уподобления французской газеты советскому изданию передает явно неполиткорректное отношение к чужой прессе в целом и к России как стране, в частности. Автора неполиткорректного высказывания не заботит принцип вежливости и

толерантности по отношению к иным взглядам, поскольку речь идет о «чужих».

3.2.1. Политкорректный и непolitкорректный дискурс в социально-экономической сфере

Политкорректные эвфемизмы активно используются в политическом дискурсе, затрагивающем вопросы, относящиеся к социально-экономической жизни страны. В данной сфере распространены наименования, осуществляющие манипулятивную стратегию «на повышение», избегающие прямого, истинного именованья, например, бедности, бездомности, голода и проч.

Рассмотрим несколько политкорректных эвфемизмов, которые заменяют слова *pauvre* / *pauvreté* (бедный / бедность). Эти слова обозначают безденежье, отсутствие необходимого минимума средств, чтобы поддержать существование. Это отражается в толковом словаре (*qui manque du nécessaire; qui n'a pas suffisamment d'argent, de moyens pour subvenir à ses besoins; état d'une personne qui manque de moyens matériels, d'argent; insuffisance de ressources*) [Le Petit Robert, 2013: 1875 – 1876].

Журналисты периодических изданий всегда по-разному именуют бедность и бедных граждан Франции. Слова *pauvre* / *pauvreté*, ставшие табуированными наименованиями, обычно не используются, вместо них в СМИ представлены их политкорректные эвфемизмы. К ним относится, например, прилагательное *exclus* (исключенный), которое является квазисинонимом слову *pauvre* (бедный), поскольку его значение не совпадает с семантикой прилагательного *pauvre* (бедный), обозначая лишь исключение человека из какой-то группы и т.п.: *qui n'est pas accepté, pas admis (dans un groupe, une situation)* [Le Petit Robert 2013: 990]:

(65) *La pauvreté est une "humiliation" pour la République, a répliqué mardi à Clichy François Hollande, vivement interpellé par les associations caritatives sur la stigmatisation des exclus* [Le Point].

В этом предложении Франсуа Олланд, используя слово-табу *pauvreté*, признав наличие бедности, назвал ее унижением для Франции. Интересно то, что обозначение бедности как абстрактного понятия сосуществует в статье с конкретным, собирательным наименованием, маркирующим бедных людей как «исключенных». Иными словами, бедность (*pauvreté*) есть, а бедных людей (*pauvres*) нет. И благотворительные организации заботятся не о бедных, а о прослойке людей, исключенных непонятно из какого слоя, класса и проч. «Повышающая» стратегия, задействующая тактику вуалирования, затушевывания реальности, осуществляемая данным политкорректным эвфемизмом, имеет еще одну цель, а именно, представить бедных как «своих», как бы неправильно «исключенных» из единого общества всех французов.

Вместо слова-табу *pauvre* используется также политкорректный эвфемизм *défavorisé* (находящийся в неблагоприятном положении), семантика которого лишь частично совпадает со значением слова «бедный», указывая на финансовые проблемы человека: *déshérité, pauvre* [Le Petit Robert 2013: 654]:

(66) *Royal défend mieux que Sarkozy les défavorisés [L'Obs. Politique].*

Слово-табу *pauvreté* часто заменяется на словосочетания *fracture sociale* и *marginalisation économique*, которые обозначают глубокое социальное и экономическое расслоение между имущими и неимущими, что явствует из словарного толкования: *séparation sociale et économique profonde entre les nantis et les exclus* [Le Petit Robert 2013: 1119]; *marginalisation économique: exclusion économique* [Le Petit Robert 2013: 1572]:

(67) *Il y a sept ans, Jacques Chirac avait sauvé la droite en utilisant ces thèmes populaires, sinon populistes, comme la dénonciation de la fracture sociale, qu'il a oubliés très rapidement [Libération].*

(68) *La marginalisation économique qui frappe certaines parties du territoire, et notamment les zones urbaines sensibles, s'est aggravée depuis la crise financière. C'est pourquoi l'initiative économique doit permettre que la banlieue soit perçue comme pourvoyeuse de talents et source de dynamisme [L'Express].*

Указанные словосочетания, реализующие стратегию «на повышение», звучащие как научные, экономические термины, лишены в качестве таковых эмоционально-экспрессивной коннотации, присущей общеизвестному слову *paupreté*, что позволяет «приглушить» их воздействие на обычного француза, в первую очередь, того, кто знает, что значит быть бедным, но далеко не готов расшифровывать понятие экономической маргинализации и проч.

Продолжая рассматривать политкорректные эвфемизмы в социальной сфере, приведем существительные *sans-abri*, *sans-papiers*, образованные от предлога *sans* и имени существительного с написанием через дефис. Они являются политкорректными эвфемизмами, демонстрирующими явную манипулятивную стратегию «на повышение», предоставляя политикам возможность избежать стилистически маркированного слова *clochard*, негативная коннотация которого связана с обозначением бездомного, презренного, нищенского существования:

(69) *Un nouveau rassemblement à Lille a réuni environ 300 personnes samedi en soutien à des **sans-papiers** en grève de la faim depuis deux mois [Le Monde].*

(70) *Le Président assure qu'en période de grand froid, la totalité des demandes d'hébergement d'urgence des **sans-abri** reçoivent désormais une réponse positive [Libération].*

Иногда эти политкорректные эвфемизмы используются в качестве упрека обществу. В следующем примере журналист осуждает власти за то, что молодой девушке, обучающейся в лицее, совершившей героический поступок, не дали французского гражданства:

(71) *Lassana, lycéen **sans-papiers** devenu héros français et symbole international [Mediapart].*

Интересным примером использования политкорректного эвфемизма в социальной сфере служит замена слова «голод» на развернутую метафору «важный пищевой дисбаланс», которая затрудняет понимание общего

смысла высказывания, где говорится о человеке, не имеющем постоянного места жительства и найденным мертвым в Бордо:

(72) *Un **sans-abris** a été retrouvé mort à Bordeaux jeudi, vraisemblablement victime d'un **important déséquilibre alimentaire** aggravé par les premiers froids apparus dans la nuit de mercredi à jeudi [Libération].*

Политкорректность активно продвигается в социальной сфере там, где общество сталкивается с проблемами наркомании. Политики часто заменяют слово *toxicomane* словосочетанием *usagers des drogues*, и, таким образом, наркоманы повышаются в статусе и становятся «потребителями лекарств»:

(73) *Nathalie Rose est d'avis que le gouvernement devrait revoir les lois afin de ne plus mettre les **usagers de drogues** en situation de vulnérabilité [L'Express].*

Приведем еще один пример политкорректного эвфемизма, относящегося к социально-экономической сфере, укладывающегося в манипулятивную стратегию «на повышение». Книжное слово *contribution*, одно из значений которого несет позитивный эмоциональный заряд, означая добровольный вклад в общее дело, используется вместо слова *impôt* (налог) для обозначения обязательных выплат для лиц с высоким заработком:

(74) *Pendant son quinquennat, Nicolas Sarkozy avait créé un nouvel **impôt** visant les personnes aisées. Son nom? La **contribution** exceptionnelle sur les hauts revenus [Economie Matin].*

(75) *Le gouvernement a déposé mercredi à l'Assemblée nationale un amendement relevant de 837 millions d'euros la **contribution** de la France au budget de l'Union européenne, qui seront financés par des économies supplémentaires, a-t-on appris auprès de Bercy [Le Figaro].*

Нетрудно заметить метафорический перенос по сходству и использование слова с более широким денотативным значением в наименовании более узкого, конкретного понятия.

До сих пор речь шла о политкорректности, насаждаемой во внутриполитическом дискурсе, затрагивающем социально-экономические проблемы французской действительности. В сфере социально-экономической

политики можно встретить и высказывания, выраженные явно в неполиткорректном ключе. Неполиткорректным, например, является высказывание политика по отношению к бедному региону бывшей колонии Франции:

(76) *Mayotte, boulet de la République [Libération]*.

Метафора *boulet* (ярмо, бремя), обладающая явной пейоративной коннотацией, уничижительно характеризует Майотту, этот заморский, не свой, «чужой» департамент, который, по словам автора, будет тормозить развитие Франции. Неполиткорректное высказывание по отношению к жителям Майотты, реализующее стратегию на «понижение», характеризует Францию, в общем, и журналиста газеты, в частности, как негативное лицо участника общения, который отнюдь не ищет одобрения со стороны тех, кого он унижает.

3.2.2. Политкорректный и неполиткорректный дискурс в сфере межэтнических отношений

Весьма актуальными являются проблемы, связанные с иммиграцией в западных странах, в целом, и во Франции, в частности. Политики-социалисты, которые пользуются весомой поддержкой этнических меньшинств на выборах, стараются оправдать любые действия несовершеннолетних детей иммигрантов, склонных к совершению правонарушений, получивших название подростковой делинквентности [Социологический словарь, 2004: 114]. В следующей фразе премьер-министр Манюэль Вальс, адресуясь к несовершеннолетним преступникам, использует политкорректное обращение – эвфемизм *jeunes*. Fred Hailon дает следующее определение существительного: *des 'jeunes', c'est-à-dire des jeunes immigrés, des Arabes, des Noirs*. (Молодые, то есть молодые иммигранты, арабы, черные) [Hailon, 2011: 76].

Манюэль Вальс обещает не зачищать от молодых иммигрантов квартал могущим средством под высоким давлением (керхером), чем в свое время им

пригрозил бывший президент Франции Николя Саркози. Таким образом, Манюэль Вальс противопоставляет свою политику и свои действия бывшему президенту, ставя своего политического соперника в невыгодное положение:

(77) *Messieurs les «jeunes», messieurs les encapuchonnés, rassurez-vous : «je ne suis pas venu passer ce quartier au kärcher, je ne suis pas venu pour insulter» [Riposte Laïque].*

Мануэль Вальс использует стратегию на «повышение», реализуя ее с помощью тактики делигитимизации (разрушения образа оппонента) и формируя эмоциональный настрой адресата, чему служит уважительное обращение к аудитории (Messieurs...). Повтор лексический и синтаксический, представленный анафорой и параллелизмом конструкции (je ne suis pas venu...), направлен на суггестивное, гипнотическое воздействие на иммигрантов, которым «вбивается» в сознание одна мысль: министр специально пришел ради них, чтобы защитить их от преследований всякого рода.

Приведем еще один пример этого политкорректного эвфемизма:

(78) *Si les jeunes originaires des Zus étaient traités par les employeurs dans l'accès aux différents emplois comme le sont les autres jeunes, la structure de leurs emplois serait globalement inchangée » [Observatoire des inégalités].*

Данное высказывание интересно тем, что оно противопоставляет одних молодых (les jeunes originaires des Zus) другим (les autres jeunes). Пытаясь убедить аудиторию в том, что власть заботится о разных слоях населения, провластные СМИ противопоставляют молодых людей одного возраста, но разных по социальному статусу и этническому происхождению, подтверждая, что работодатели дискриминируют выходцев из так называемых «чувствительных зон», которые, по сути, являются для них «чужими», поскольку неохотно предоставляют им работу, не ограничивая в этом «свою», коренную, французскую молодежь.

В отличие от политкорректных высказываний, неполиткорректными можно считать все утверждения политиков, которые направлены против

идеологии политкорректности в отношении иммигрантов. Многие политики сходятся во мнении о том, что чрезмерное потакание этой идеологии приводит к внедрению в общественное сознание ценностей, не свойственных в целом Французской республике. Депутат от Союза за народное движение Лоран Вокез высказался о порядке, установленном иммигрантами во Франции:

(79) Face à ces revendications communautaires, on tolère trop souvent, par lâcheté, des choses inacceptables. Martine Aubry a toléré des ouvertures différenciées hommes et femmes dans les piscines, juste pour pouvoir acheter une paix sociale électoraliste...C'est quand on recule sur ce genre de choses que l'intégration échoue. Autre exemple: les hôpitaux. Il est inacceptable que quiconque demande à être soigné par une personne de même sexe: vous êtes soigné par un docteur, que ce soit un homme ou une femme, c'est comme ça; si vous n'acceptez pas ça, vous n'êtes pas soigné. Là-dessus, il n'y a pas non plus de négociation envisageable [L'Express].

Политик не скрывает своей озабоченности чрезмерными требованиями и желаниями иммигрантов, от которых страдает коренное население: on tolère trop souvent (мы слишком часто терпим), он указывает на опасность провала идеи интеграции в целом: C'est quand on recule sur ce genre de choses que l'intégration échoue (Именно когда мы отступаем перед такими вещами, интеграция кончается неудачей), говорит о неприемлемости заведения порядков, не свойственных Республике: Il est inacceptable que quiconque demande à être soigné par une personne de même sexe (Недопустимо, чтобы пациент требовал лечения только врачом того же пола). Негативное отношение показано в следующих модальных высказываниях: des choses inacceptables (недопустимые вещи), il est inacceptable (недопустимо).

Неполиткорректное отношение к иммигрантам часто высказывалось бывшим лидером партии «Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пенем. В одном из своих выступлений он заявил, что, если голосовать за социалистов, то велика вероятность того, что через десять, пятнадцать лет мэрией Марселя

будет руководить марокканец. При этом используется прямое обозначение *maghrébin*, а не политкорректный эвфемизм *extra-européen*, вуалирующий этническую принадлежность:

(80) Voter socialiste, cela signifie que d'ici dix à quinze ans la mairie de Marseille sera dirigée par un Maghrébin [L'Echo du Village].

На эксплицитном уровне в высказывании не содержится неполиткорректной лексики, но имплицитно неполиткорректность проявляется в недоверии к социалистам и к марокканцам. Политик опасается, что появление мэра-марокканца может привести к тому, что в стране утвердятся чуждые ценности мусульманского мира и будут ущемлены права своих – французов-католиков.

Журналисты нередко высказываются весьма неполиткорректно не только по отношению к арабам, но и к чернокожим французам, проживающим на территории Франции. В одном из своих интервью журналист и политический обозреватель Эрик Земмур, не приведя никаких доказательств, обвинил негров и чернокожих французов в том, что в большинстве случаев именно они являются наркоторговцами. При этом он прямо указывает на их расовую и этническую принадлежность:

(81) Parce que la plupart des trafiquants sont noirs et arabes, c'est comme ça c'est un fait [Youtube].

В том же интервью Эрик Земмур приводит в качестве примера тот факт, что все работодатели, без исключения, просят не присылать ни арабов, ни чернокожих на собеседование:

(82) Quand par exemple, certains employeurs s'adressent à des directeurs d'agence d'intérim et leur disent: "S'il vous plaît, je ne veux pas d'Arabes et de Noirs", c'est injuste, quand même, non? Reconnaissez-le [Youtube].

И то, что журналист, оглядываясь на правила политкорректности, признает, что это несправедливо, не может убедить нас в том, что так поступают со «своими». Некоренные французы по-прежнему «чужие» в этой

стране, и для работодателя, и для журналистов, и для политиков, маскирующих, вуалирующих этот факт политкорректностью.

Отрицательное отношение к иммиграции демонстрируется политиками, которые выступают против массового заселения Франции выходцами из стран Африканского континента. Мишель Рокард, исполнявший обязанности премьер-министра Франции с 1988 по 1991 год, в одном из интервью сказал, что Франция не может «принять всю нищету мира», презрительно отозвавшись о тех, кто не соответствует имущественному цензу. Министр подтвердил, что Франция должна остаться страной только для политических беженцев, согласно подписанной Женевской конвенции, в рамках которой предполагается давать убежище тем, чьи свободы нарушаются:

(83) Je pense que nous ne pouvons pas héberger toute la misère du monde, que la France doit rester ce qu'elle est, une terre d'asile politique. Nous sommes signataires de la convention de Genève, qui prévoit de donner accueil à tous ceux dont les libertés d'expression ou dont les opinions sont réprimées sur place, mais pas plus [SITAmnesty].

Политически некорректное, звучащее дисфемистически выражение *toute la misère du monde* (вся нищета мира), реализующее стратегию «на понижение», метонимически характеризую неимущих иммигрантов, поставив на них клеймо нищеты, является ярким примером дискриминации иммигрантов, как тех, кто проживает на территории Франции, так и тех, кто желает получить французское гражданство.

Выражение *misère du monde* часто используется специалистами в области политологии и социологии. В частности, в 1993-м году вышла книга о жизни рабочего класса, под названием “*La Misère du monde*” (“Нищета мира”).

Министр внутренних дел М. Вальс прибегает к этой одиозной фразе, выражая свое мнение по поводу иммиграции и соглашаясь с Рокардом в том, что Франция должна предоставлять убежище далеко не каждому:

(84) *Manuel Valls n'a pas hésité à citer son mentor vendredi au micro de France Info: "Nous ne pouvons pas accueillir toute la misère du monde, je reprends la phrase de Michel Rocard, même si la France prend sa part dans cet accueil", a déclaré le ministre de l'Intérieur [L'Express].*

В сфере межэтнических отношений неполиткорректность, реализующая стратегию «на понижение» – довольно частое явление, о чем свидетельствует следующий диалог, в котором в ответ на слова собеседницы министр внутренних дел Ортефе говорит, что всегда нужен только один араб, и когда он один, это не проблема, а вот когда их много, то начинаются проблемы:

(85) *C'est notre petit Arabe», s'amuse une militante, à laquelle Hortefeux répond: «Il en faut toujours un. Quand il y en a un ça va. C'est quand il y en a beaucoup qu'il y a des problèmes [Le Monde].*

Уничижительно звучит само по себе словосочетание *notre petit Arabe* (наш малыш-араб), которое показывает снисходительное отношение высокопоставленного политика к представителю этнического меньшинства. Высказывание политика, использующего «понижающую» стратегию, основанную на тактике умаления, тем более неполиткорректно, поскольку Ортефе открыто заявляет, что арабы являются источником проблем для Республики.

Негативно политики относятся также к цыганам, которые после 2007-го года получили официальную возможность легально передвигаться по территории Евросоюза. Дискриминационное отношение к цыганам как к чужому этносу звучит в следующем высказывании, в котором говорится, что цыган нигде не терпят, ни в их собственной стране, ни в других странах:

(86) *Personne ne les supporte, ni chez eux ni ici, il doit y avoir raison, - dit un policier de droite [Libération].*

Нетерпимому отношению к цыганам ищется и находится объяснение: *il doit y avoir raison*, что в целом нарушает принцип корректности, поскольку политкорректность заведомо утверждает приоритет всяких меньшинств, в том числе и связанных с национальной принадлежностью, без всяких на то

доказательств и оговорок, только по праву меньшинства. Несмотря на отсутствие эксплицитно выраженной политически некорректной лексики, высказывания подобного рода имплицитно неполиткорректны.

3.2.3. Политкорректный и неполиткорректный дискурс в сфере религиозных верований

До сих пор мы говорили об использовании политкорректных эвфемизмов в социальной сфере, в межэтнических отношениях. Политкорректная эвфемизация затронула также религиозную сторону жизни французского общества. Например, существительное *printemps* (весна) как более широкое наименование метонимически используется для обозначения более узкого, конкретного понятия пасхальных каникул, что означает десакрализацию понятия, отступление от истинного смысла христианского праздника:

(87) En 1981, la donne change avec la déchristianisation des vacances. Les vacances de Pâques sont ainsi rebaptisées «de printemps» [Le Figaro].

Политкорректный эвфемизм *printemps*, реализующий стратегию «на повышение», позволил завуалировать религиозный, обрядовый характер праздника, обозначив его как вообще празднество, происходящее весной, чтобы не раздражать представителей других конфессий, проживающих на территории Франции.

Лоран Вокез, министр по европейским делам, предупреждает об опасности отрицания своей культуры, своей идентичности. Политики, одержимые идеологией толерантности и политкорректности, боясь показаться расистами, отрицают тем самым свою собственную историю и происхождение.

Декларируя политкорректность в отношении другой религии, в частности, ислама, французский политический дискурс демонстрирует явное неприятие традиционных ценностей, к которым всегда относились религиозные верования, практикуемые в стране. Франция как государство

оформилось, прежде всего, как христианская (католическая) страна. И до сих пор многие коренные французы исповедуют христианскую веру. Тем более странным выглядит следующее, резко отрицательное отношение к основополагающей религии Франции, высказанное Бернаром Казеневом, министром внутренних дел и по делам религий. Он открыто говорит о том, что любое упоминание о христианских корнях французской религии является ложным и именно оно вызывает отвращение (*nauséabonde* – букв. «тошнотворное омерзение»), что является вопиющим проявлением неполиткорректности:

*(88) Evoquer les racines chrétiennes de la France, c'est faire une relecture historique frelatée qui a rendu la France peu à peu **nauséabonde** [Le Monde].*

В данном высказывании министр, который отвечает не за что иное, а именно, конфессиональную политику страны, использует манипулятивную стратегию «на понижение», дискредитирующую вверенную его ответственности, основополагающую для Франции, христианскую религию.

3.2.4. Политкорректный и неполиткорректный дискурс в сфере обеспечения правопорядка и безопасности в обществе

Политкорректные эвфемизмы затрагивают также сферу обеспечения правопорядка и безопасности в обществе. За последние годы во Франции заметно вырос уровень преступности. Для того, чтобы сгладить остроту проблем и преуменьшить, завуалировать ту опасность, которую представляют собой многие районы и пригороды больших городов Франции, населенные городской беднотой и иммигрантами, идеологи политкорректности ввели в обиход политкорректные эвфемизмы с более широким значением, в сравнении с номинируемым явлением. К ним относятся такие симулякризованные слова-знаки, как: *insécurité* (незащищенность), используемое вместо существительного *danger* (опасность); *délinquance* (девиантность, отклонение), заменяющее существительное *criminalité* (преступность):

(89) *84% des Français ont le sentiment que la **délinquance** a augmenté ou beaucoup augmenté au cours des derniers mois <...> **Le sentiment d'insécurité** est aujourd'hui plus fort encore dans l'opinion qu'en 2002 [Valeurs Actuelles].*

Несмотря на наличие политкорректных лексем, высказывание в целом негативно характеризует обстановку в стране, 84% населения которой, то есть коренные ее жители, не чувствуют себя в безопасности из-за все возрастающего уровня преступности.

Приведем пример непolitкорректной коммуникации, реализующей дискурсивную стратегию «на понижение», в которой используется заимствованное слово, обозначающее реалию, известную всем французам. Во времена правления Николя Саркози особую популярность приобрели промышленные пылесосы «Kärcher». Саркози пообещал вычистить неблагополучные пригороды, в которых проживают иммигранты, именно этим пылесосом:

(90) *Dès demain, on va **nettoyer au Kärcher** la cité. On y mettra les effectifs nécessaires et le temps qu'il faudra, mais ça sera nettoyé [Europe 1].*

Николя Саркози произносит это высказывание-угрозу после трагической гибели ребенка, погибшего в результате перестрелки между местными группировками. Используя образное метафорическое выражение, Саркози не скрывает своего презрительного отношения к иммигрантам, выходцам из Африки, которых он фактически считает «грязью», смываемую лишь мощным промышленным пылесосом.

Проблема малолетней преступности приобрела особую актуальность во Франции времен введения идеологии мультикультурализма. В следующем высказывании Жан-Пьер Шевенеман, министр внутренних дел в 1998-м году, прибегает к пейоративному наименованию, метафорически характеризуя детей иммигрантов «маленькими дикарями» (sauvageons), живущими в виртуальном мире, проводящими больше времени у телевизора, чем в школе:

(91) *Des petits **sauvageons** qui vivent dans le virtuel. Ils passent plus de temps à regarder la télévision que devant leur maître d'école. Ils ne savent pas que quand on tire avec un pistolet à la télévision, cela ne fait pas mal. Dans la réalité, vous pouvez tuer [L'Humanité.fr].*

Слово *sauvageon* (маленький дикий зверек) является суффиксальным производным диминутивом, образованным от прилагательного *sauvage* (дикий), по модели: [существительное + -on]. В производном сохраняется внутренняя форма, соотносящая это слово с таким свойством, как дикость.

Интересна заложенная в этом существительном негативная, уничижительная коннотация. Так, словарь *Le Petit Robert* определяет слово *sauvageon* как молодого преступника, нарушителя – *jeune délinquant dans le context de la violence urbaine* [*Le Petit Robert*, 2013: 2371]. Это значит, что в семантической структуре слова произошло перераспределение значений, и на первый план вышло обозначение подростка-преступника, а не маленького дикого зверька.

Встречаются выражения, в которых политики уничижительно называют цыган грязной расой, причем уподобление грязи (*sale*) становится уже своего рода постоянным, пейоративным, метафорическим эпитетом, дающим, в отличие от простого, различающего предмет определения, характеристику предмету [Клюев, 2001: 272], которая носит образный характер [Квятковский, 2000: 420 – 422]. Называя цыган грязной расой, политики прибегают к диффамации всего этноса. Напомним, что диффамация означает публичное распространение сведений, порочащих кого-либо [Ефремова, 2001]:

(92) ***Sale race** de Roms: Lionnel Luca (UMP) ne cautionne absolument pas ces propos [Le Post].*

(93) *On a droit de penser que les Roms sont une «**sale race**» (député UMP) [24 actu].*

В следующем высказывании местный политик выражает свое беспокойство по поводу близкого соседства с цыганами, в которых он видит не только чужих, поселившихся рядом, но и угрожающих всем французам, их

неприкосновенности, личной и имущественной. По сути, он обвиняет цыган, прямо называя их ворами (voleurs):

*(94) La menace causé par les **Roms** est un peu inquiétante, je l'avoue, c'est sûr que nous ne voulons pas de **voleurs** chez nous, déclare M. Dutil, sans, toutefois se montrer particulièrement nerveux [Le Figaro].*

Лидер правой партии «Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пен отказывается быть политкорректным, заявляя, что там, где речь идет о бандах из пригородов, нужно говорить об этнических бандах, и преступность является проблемой не французской молодежи, но молодежи из кварталов, населенных иммигрантами, поскольку борьба идет не с бандами, появившимися с Марса, а с прекрасно узнаваемыми этническими бандами:

*(95) Et l'on parle de «bande de banlieues» là où il faudrait parler de «bandes ethniques». Le problème de la «**délinquance**» n'est pas un problème de jeunes mais de «**jeunes**». On n'a pas affaire à des bandes organisées, tombée de Mars mais a des bandes ethniques parfaitement identifiées [Atlantico].*

В приведенном примере интересно то, что Жан-Мари Ле Пен не просто называет вещи своими именами, но фактически издевается над адептами политкорректности, используя присущие им косвенные наименования, саркастически разоблачая их, прибегая к противительной конструкции: «не банды из пригородов, но банды этнические и т.п.». Он мастерски применяет интонацию и акцентирование, что отражается на письме так называемыми “ироническими кавычками”: «проблема не молодежи, но “молодых”», особо выделяя последний эвфемизм, в который он вкладывает всю силу презрения, испытываемого им к лживой политкорректной идеологии.

Министр юстиции Франции Кристиан Тобира подверглась вербальной агрессии – нападкам подростков, участвующих в демонстрации Manif pour tous (Митинг для всех). Подростки не только обозвали ее обезьяной, но и предложили съесть банан, что является ничем иным, как инсультацией, то есть прямым оскорблением:

*(96) La **guenon**, mange ta banane [YouTube].*

Сказанное означает, что неpolitкорректность по отношению к чернокожей женщине-политику выражена не только дисфемистичным уничижительным сравнением ее с обезьяной, недопустимым в демократическом обществе, но и императивным побуждением к действию, характерному для этого животного. Следует отметить, что слово *guenon* (обезьяна) имеет ярко выраженную негативную коннотацию, наделяющую это животное такой характеристикой, как отсутствие пола. В разговорно-сниженном значении это слово обозначает очень некрасивую, старую, лишенную половых признаков женщину: *Vieux. Singe cercopithèque, sans distinction de sexe. Singe femelle de n'importe quelle espèce. Familier. Femme très laide* [Le Petit Robert, 2013: 1227].

В анализируемом материале не было найдено ни одного примера с неpolitкорректными высказываниями политиков в адрес коренных белых французов.

3.2.5. Политкорректный и неpolitкорректный дискурс в сфере интересов сексуальных меньшинств

Требование более терпимого отношения к секс-меньшинствам также входит в сферу интересов идеологов политкорректности. Чтобы предупредить так называемую “стигматизацию”, “заклеймение” сексуальных меньшинств, предлагается употреблять по отношению к ним такие термины, как *homosexuel, homo, gay* и другие.

В обозначении данных меньшинств используется инициальная аббревиатура, заимствованная из английского языка, проникшая не только во французский, но и в другие европейские языки, в частности, русский: *LGBT (lesbiennes, gays, bisexuels, transgenres)* (ЛГБТ):

*(97) Le philosophe Didier Eribon, spécialiste de Foucault et de la question gay, s’y inquiétait de voir qu’après avoir été la cible de ‘discours conservateurs et homophobes – de droite et de gauche’, le mouvement **LGBT** devenait ‘à nouveau la cible de toutes les dénonciations possibles et imaginables, mais cette fois au nom*

d'un regard qui se veut critique, radical et d'une politique qui se veut anti-oppressive' [Les Inrocks].

В высказывании говорится о том, что философ Дидье Эрибон, специалист по Фуко и по проблемам геев, обеспокоен тем, что после того, как движение ЛГБТ, некогда бывшее, как он выражается, мишенью «гомофобных и консервативных речей партии правых и левых», вновь становится, по его мнению, объектом всех возможных мыслимых обвинений. Эрибон обеспокоен тем, что это делается не только от имени тех, кто считает себя левыми, но, прежде всего, от имени политиков, которые ранее всегда выступали против всякого подавления.

Из сказанного явствует, что политкорректный эвфемизм не расходится с общим политкорректным смыслом высказывания: Эрибон явно поддерживает движение секс-меньшинств. Философ использует стратегию на «повышение» с использованием тактики эмоционального настроя, сочувственно описывая эту группу людей, которые якобы подвергаются всяческому подавлению.

Обратимся к антиподу политкорректности, а именно, к неполиткорректности в рассматриваемой сфере, затрагивающей интересы сексуальных меньшинств. Говоря о неполиткорректности, нельзя обойти вниманием социальное движение *Manif pour tous* (Митинг для всех), которое было создано как протест против легализации однополых браков во Франции. Люди и политики, сплоченные вокруг этого движения, выступают за традиционный вид брака.

Заметим, что выражение *Manif pour tous* обыгрывает и осмеивает лозунг гомосексуалистов *Marriage pour tous* (брак для всех). Усечение по типу апокопы, приведшее к сокращению слова *manifestation*, связанного, кстати, аллитерацией со словом *marriage*, придало выражению *Manif pour tous* ритмичность и динамичность. В следующем высказывании журналист говорит, что политики от партии “Союз за народное движение” выступили против закона о браке для всех:

*(98) A Paris, plusieurs élus UMP étaient présents à la **Manif pour tous**, ils avaient fortement pris position à l'Assemblée contre la loi sur le mariage pour tous [Le Monde].*

Церковь, которая также отстраняется от идеологии политкорректности в отношении секс-меньшинств, не приветствует однополые браки. Например, архиепископ Винченцо Палья осторожно высказался о том, что вопрос об однополых браках не должен стоять на повестке дня. Министр Ватикана по делам семьи Бенуа XVI весьма неpolitкорректно похвалил церковь Франции за ее борьбу с гомосексуальными браками, которые ведут общество в пропасть:

*(99) Président du Conseil pontifical pour la famille, l'archevêque Vincenzo Paglia a fait une - prudente - ouverture en direction des droits des couples **gay**. Certes, il n'est pas question de reconnaître le mariage pour tous. Et le "ministre de la Famille" de Benoît XVI a félicité l'Église de France pour son combat contre les noces **gay**, "qui portent la société sur le bord de l'abysse" [Le Point].*

Из сказанного явствует, что политкорректности во внутриполитическом дискурсе противодействуют определенные силы в обществе, выражающие свое мнение неpolitкорректно, нередко скатываясь к грубости, дискредитации. Здесь речь идет как о прямом назывании вещей своими именами, так и об оскорблениях, обвинениях, диффамации.

Вместе с тем, приведенные примеры проявления неpolitкорректности во внутриполитическом дискурсе в отношении определенных социальных групп не означают, что эта тенденция охватила все общество. Неpolitкорректность ни в коей мере нельзя считать, подобно политкорректности, современной западной идеологией либерализма, поскольку она не продвигается провластными СМИ, не закреплена в государственных документах. Неpolitкорректный дискурс, даже если в нем участвуют политики, является всего лишь тенденцией, реакцией на тотальный диктат политкорректности, ущемляющий права большинства членов французского общества.

3.3. Политкорректный и неполиткорректный дискурс во внешней политике

Широкое понимание политкорректности, не сводимое к внутренней политике западных стран, которые привязывают этот феномен только к проблемам меньшинств, предполагает обращение к внешней политике государства. Внешнеполитический дискурс также может строиться на политкорректной основе, предполагающей, если не искреннее, то хотя бы демонстративно уважительное отношение к участникам политического процесса. Такая политкорректность со стороны французских СМИ наблюдается в отношении Украины, ведущей войну с собственным народом на Донбассе.

В качестве примера политкорректности приведем существительное *opération* с широким значением, определяемым как действие власти, функции или органа, который производит какое-либо действие по своей природе: *action d'un pouvoir, d'une fonction, d'un organe qui produit un effet selon sa nature* [Le Petit Robert, 2013: 1785]:

(100) C'est l'escalade militaire en Ukraine. Les forces de sécurité ukrainiennes ont lancé, dimanche au matin, une «opération antiterroriste» à Slaviansk, ville de l'est contrôlée en partie depuis la veille par des séparatistes pro-russes [Le Parisien].

Во французском внешнеполитическом дискурсе действия украинской власти характеризуются как неопределенная операция, которая ведется против донбасских ополченцев, называемых пророссийскими сепаратистами.

В данном случае налицо применение «повышающей» дискурсивной стратегии, задействующей тактику маскировки, то есть сокрытия, искажения истины. Объективная реальность как таковая предстает иной в угоду ложным представлениям о событиях на Украине, удобным и выгодным для западных политиков. Нелишне напомнить в этой связи о таком существенном признаке лжи, о котором говорил русский философ В.С. Соловьев, а именно, о бытии лжи только в субъекте, а не вне его, о зависимости лжи от субъекта, а не от

реального предмета. Проводником этой лжи является слово *opération*, скрывающее истинную картину – убийство мирных жителей Донбасса украинскими вооруженными формированиями.

Приведем следующий пример политкорректного эвфемизма, относящегося к внешней политике, а именно, к замене существительного *indépendance* (независимость) на словосочетание *autonomie stratégique* (стратегия автономии / стратегическая автономия). Данное словосочетание используется, когда речь идет о позиции Франции в вопросах внешней политики:

*(101) C'est cette **autonomie stratégique** qui nous permet de parler d'une voie forte sur le dossier syrien, de dialoguer avec les Etats-Unis dès la conception et la planification de l'action et peut-être d'intervenir demain», a encore plaidé le ministre, en faisant référence à une éventuelle opération militaire contre le régime de Bachar el-Assad [Zone Militaire].*

*(102) Et M. Le Drian de préciser : «Être autonome ne veut pas dire agir seul» car le «principe **d'autonomie stratégique** ne s'oppose pas à l'action en coalition; c'est au contraire l'une de ses conditions primordiales » étant donné que «l'action en coalition appelle en effet des acteurs responsables, capables d'anticiper, de faire des propositions et de prendre l'initiative lorsque c'est nécessaire». Pour le ministre, «c'est le sens de la relation stratégique qui existe entre la France et les Etats-Unis. Et c'est le sens de **l'autonomie stratégique** à laquelle nous attendons tant de prix» [Zone Militaire].*

Любой эвфемизм основан на «преуменьшении степени отрицательного признака или на переключении оценочного знака с отрицательного на положительный» [Шейгал, 2000: 236]. В предложенных контекстах прослеживается стремление политиков нейтрализовать возможное негативное восприятие реального отсутствия независимой политики Франции как европейской страны. В данных примерах мы видим явное вуалирование, нежелание прямо говорить о независимости, которой фактически нет. В целом, страны ЕС делегировали множество своих прав Евросоюзу, поэтому

«красивое», но туманное выражение «стратегическая автономия» не отражает реального состояния дел.

Автономия представляет собой самоуправление, то есть право самостоятельного осуществления государственной власти или управления, предоставленное конституцией какой-нибудь части государства [Ожегов, 2012]. Это отнюдь не означает полной независимости государства, даже если к слову добавить определение «стратегический». Стратегия же представляет собой искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах [Ожегов, 2012].

Иными словами, созданный политкорректный эвфемизм «стратегическая автономия» с его нечетко определенным денотатом представляет собой «неясное» понятие [Ивин, 1999: 129], которое полностью отвечает манипулятивной стратегии на «повышение», реализуемой с помощью дискурсивной тактики мистификации, маскировки, направленной на сокрытие истины.

Представляет интерес также мелиоративное использование существительного *alliée* (союзник), являющегося политкорректным эвфемизмом, реализующим стратегию «на повышение». Согласно толковому словарю, союзником является человек, который оказывает поддержку другому, принимает его позицию: *personne qui apporte à une autre son appui, prend son parti* [Le Petit Robert, 2013: 69]. В настоящее время это слово приобрело другой оттенок, а именно, оно скрывает фактические отношения зависимости, подчинения Франции Соединенным Штатам Америки.

Учитывая современную геополитическую ситуацию в мире, Франция никак не может считаться истинным, полноправным партнером США. В следующем высказывании Франсуа Олланд заверяет, что на сегодняшний день, несмотря на сложности, связанные с некоторыми проблемами, Франция и США всегда действуют вместе, Франция является союзником США, как и США являются союзником Франции:

(103) *Aujourd'hui, nous sommes dans une autre période où nous avons à relever d'autres défis. Mais ce qui est saisissant depuis ces dernières années, c'est que nous agissons toujours ensemble, la France et les Etats-Unis. La France est l'alliée des Etats-Unis et les Etats-Unis sont les alliés de la France [Elysée.fr].*

Неполиткорректный дискурс во внешнеполитической деятельности можно увидеть на примере оценки действий России, которая рассматривается как чужая, враждебная страна, несущая угрозу Франции. Россия всячески дискредитируется во французских СМИ, поводом чему служит конфликт на востоке Украины. Приведем пример прямой дискредитации, использующей инвективную, обвинительную лексику [Домашевич, 2010] в отношении России:

(104) *Les rebelles n'ont pas besoin de la paix, ils exécutent les ordres du Kremlin pour une escalade de la situation dans le Donbass [Le Parisien].*

В утверждении речь идет о том, что донбасским ополченцам якобы не нужен мир, поскольку они будто бы выполняют приказы Кремля по эскалации ситуации на востоке Украины. Негативно оценивается не только Россия, метонимически представленная одним Кремлем, то есть властью, которая якобы разжигает конфликт. Резко отрицательно характеризуются и ополченцы, уничижительно называемые «бунтовщиками» (*rebelles*), которым помогает Россия. Иными словами, высказывание строится на основе «понижающей» стратегии, предполагающей конструирование образа врага. И Россия, и Донбасс представлены в образе «чужих», врагов, в отношении которых политкорректность неуместна.

Эту же стратегию, направленную на создание образа врага, видим в следующей статье, в которой приводится цитата из речи Арсения Яценюка, безосновательно, вопреки истинному положению дел, называющего Россию агрессором, угрожающим Украине, Европе и мировой безопасности. При этом бывший премьер-министр Украины воспринимается французскими журналистами как «свой», словам которого можно доверять без всяких сомнений и доказательств:

(105) À Kiev, le Premier ministre Arseni Iatseniouk a exigé la convocation d'une réunion d'urgence du Conseil de sécurité de l'ONU. Il a appelé la communauté internationale à "arrêter l'agresseur russe qui menace l'Ukraine, l'Europe et la sécurité mondiale"[Franceinfo].

Не считаясь с истиной, прибегая в прямой лжи, ведущая газета Франции «Ле Монд» называет “спонсором войны” на Востоке Украины российского президента, тем самым оскорбляя и его, и избравшую его страну:

*(106) Voilà les premières concessions faites aux chancelleries occidentales par les séparatistes de l'Est ukrainien et leur **sponsor** officieux, le président russe Vladimir Poutine [Le Monde].*

В данном предложении российскому президенту инкриминируется реальное преступление, которое заключается в том, что он якобы финансирует военные действия, “спонсируя” донбасских ополченцев. Это обвинение представляет собой акт вербальной дискредитации президента России, не обеспеченный никакими фактами и доказательствами. Диффамация используется журналистом с целью очернить российского президента перед французскими читателями, не владеющими истинной информацией, что и делает их объектом манипуляции.

Интересным представляется пример неполиткорректного внешнеполитического дискурса, в котором «джихад», сравниваемый с коммунизмом, обязательно будет, как утверждается в газете, повержен и побежден, как и коммунизм, обществом потребления:

*(107) Le **djihad** ensanglante une partie de la planète. Il enrôlera les âmes en perdition, y compris sur notre sol. Mais comme le **communisme**, il sera vaincu par le consumérisme mondialisé [Valeurs actuelles].*

Налицо прямая дискредитация Советского Союза, сравнение его с варварским режимом, объявившим войну – джихад – против «иноверцев». В газете говорится о том, что джихад буквально залил всю планету кровью, причем это фактически переносится на Россию, которая, между тем, противостоит джихадистам и террористам на территории Сирии.

Следующее высказывание продолжает серию неpolitкорректных исторических аллюзий, нацеленных как на дискриминацию (ограничение в правах) социалистов, так и дискредитацию (вызывание недоверия и умаление авторитета) России:

*(108) Si vous voulez mettre un socialiste français en colère, accusez-le de dérive "social-libéral". Effet garanti. Il se sentira plus insulté que si vous l'aviez traité de **stalinien** [La Voix de l'opposition de gauche].*

Приведем перевод этого предложения:

*Если вы хотите вызвать гнев у француза-социалиста, назовите его «социал-либералом». Успех гарантирован, он почувствует себя более оскорбленным, чем, если бы вы его назвали **Сталиным**.*

По сути, высказывание презрительно характеризует социалистов как якобы сторонников политики Сталина. При этом высмеивается негативное отношение социалистов к либералам, которые, судя по статье, являются образцом для ее автора.

Неpolitкорректность в отношении России громко заявляет о себе в статьях, касающихся сексуальных меньшинств. Адепты политкорректности, демонстрируемой в отношении секс-меньшинств, отнюдь не проявляют таковой, если речь идет о традиционных моральных ценностях. Так, Россию судят лишь за то, что Москва не приемлет гей-парадов. Стране приписывается атмосфера насилия по отношению к меньшинствам, а закон, принятый Госдумой, называется проявлением гомофобии:

*(109) Moscou veut bannir la **Gay Pride**. Dans un climat de violence anti-minorités, la Douma examine une loi homophobe [Le Monde].*

Приведенное высказывание свидетельствует о применении манипулятивной стратегии «на понижение» с использованием тактики вербального нападения и агитационной тактики, направленных на привлечение вероятных, скрытых сторонников защиты секс-меньшинств. В одном предложении, характеризующем Россию в лице ее столицы, изобилующем словами с негативной коннотацией (*violence, anti-minorités,*

homophobe) нашлось лишь одно обозначение с положительной коннотацией, относящееся к гей-параду – Gay Pride, включающее слово gay, отсылающее к исходному значению «радостный», «веселый» и слово pride (гордость), паронимически созвучное слову parade (парад). В данном предложении мы также наблюдаем макароническую речь – смесь французского с английским.

Следует отметить, что даже по такому вопросу, как легализация однополых браков, с одной стороны, и сохранение традиционной семьи, с другой, французские СМИ выражаются неоднозначно. Так, в публикациях, появившихся в начале июля 2015-го года, французские СМИ обвиняют Россию в том, что рисунок на флаге, изображающий традиционную семью с двумя детьми и являющийся своеобразным символом французских борцов Республики с однополыми браками, был скопирован русскими без согласия со стороны Франции:

(110) Le drapeau de la Manif pour tous brandi en Russie sans l'accord du collectif [Le Figaro].

В подтверждение того, что организаторы движения Manif pour tous не знали о том, что их рисунком воспользуются другие страны, приводится следующая фраза, в которой выражается несогласие с тем, чтобы «Единая Россия», которую они называют «партией Путина», использовала их рисунок для своего флага:

(111) La Manif pour tous nie avoir autorisé le parti de Poutine à faire de son logo un “drapeau hétéro” [Le Parisien].

(112) Russie: le parti de Poutine s'inspire de la Manif pour Tous pour son “drapeau des hétéros” [BFM TV].

Российский аналог флага борцов за традиционную семью уничижительно называется «флагом для гетеросексуалов» (drapeau des hétéros), при этом само выражение берется журналистом в иронические кавычки, чтобы подчеркнуть отрицательное отношение к поступку российской стороны.

Несогласие с политикой защиты традиционных ценностей, проводимой Россией, показано в интервью, которое дала Людовин де ля Рошель, организатор движения *Manif pour Tous*. Она заявила, что для того, чтобы иметь право использовать подобный логотип, нужно подписать определенный устав, который в целом осуждает гомофобию. Председатель движения подчеркнула, что их послание не касается сексуальной ориентации людей, оно имеет отношение к вопросам родства и семьи. Их флаг пропагандирует права ребенка на семью, а не на гетеросексуальность:

(113) Pour avoir le droit de reprendre notre logo, il faut signer une charte qui demande notamment d'être non partisan, aconfessionnel, et de condamner l'homophobie", a affirmé la présidente du mouvement pour qui "la question n'est pas celle de l'orientation sexuelle des personnes, mais de la filiation. Notre drapeau est celui des droits de l'enfant, pas de l'hétérosexualité [Franceinfo].

Партия «Единая Россия», осуждающая однополые браки, так же, как и активисты указанного движения, показана как «чужая», несмотря на то, что она придерживается того же принципа – защиты прав ребенка. Россия обвиняется не только в заимствовании идеи флага и логотипа, но прежде всего в том, что она искажает изначальное послание членов французского общества о том, что они не осуждают гомосексуалистов, а выступают лишь за право ребенка иметь отца и мать.

Разное отношение к гомосексуалистам показано в следующей фразе, где в качестве негативного примера приводится высказывание депутата Госдумы Алексея Лисовенко, обеспокоенного нарастанием «гейской лихорадки», которую надо остановить, чтобы защитить традиционные ценности:

(114) Nous devons mettre en garde contre la montée de la fièvre gay chez nous, et maintenir nos valeurs traditionnelles [BFM TV].

Таким образом, Россия в целом показана как государство, нетерпимое к гомосексуалистам, хотя и стоящее на страже интересов традиционной семьи. Для Франции такие идеи оказываются неприемлемыми, поскольку они

рассматриваются через призму «своих» законов. Действия России неполиткорректно преподносятся как якобы влекущие за собой конфликт и нетерпимость друг к другу, и поэтому в вопросе о гомосексуальных отношениях Россия показана как «чужая», а французы, которые борются с «гомофобией», показаны как «свои».

Подытоживая рассмотрение сфер действия политкорректности и неполиткорректности, следует заметить, что обе тенденции, как крайности, всегда отдаляют от истины. Создаваемая политиками политкорректная картина мира уводит политиков от реальности, они теряют точку опоры. В результате при появлении конфликта, который неспособна разрешить политкорректность, они бросаются в другую сторону – неполиткорректность. Истинная же свобода слова – это когда «вещи называются своими именами» [Киселев, 2015], именно в этом случае мы делаем шаг в направлении истины, представляющей собой «правильное, адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом» [Философский энциклопедический словарь: 2001: 189]. Политкорректность не ищет истину. Она базируется на ценностях, а те – всегда субъективны: то, что для одного имеет большую ценность, для другого – малую или вообще никакой [Философский энциклопедический словарь, 2001: 507].

3.4. Градуированный характер политкорректности / неполиткорректности

Представляется интересным также проследить феномен политкорректности / неполиткорректности в аспекте его градуированности, с учетом разных степеней проявления, варьирующихся от вполне разумных до чрезмерных пределов. Крайними точками шкалы являются гипер-политкорректность как проявление высшей степени этого явления и гипер-неполиткорректность в ее крайнем проявлении, которым можно считать прямое оскорбление (инсультацию).

В основе шкалы политкорректности лежит степень сокрытия истинного, действительного состояния дел. Иными словами, одним из критериев считается денотативный аспект значения, учитывающий степень отступления от реальности. Принимается во внимание также коннотативный аспект значения политкорректных единиц, предполагающий эмоционально-экспрессивное отношение к объекту переименования: его неодобрение, неприятие и проч.

Шкала градуированности, о которой идет речь, предполагает наличие переходных ступеней. Эта скалярная трактовка имеет, скорее, количественный характер. Но политкорректность / непolitкорректность может иметь и разные степени качественного проявления, а именно, быть эксплицитно выраженной в высказывании или имплицитно заложенной в нем.

Распределение лексических единиц по степени выраженности политкорректности можно представить в виде двух скалярных последовательностей. Одна линия представляет шкалу в направлении повышения степени выраженности признака: *политкорректность – гипер-политкорректность*. Другая – в направлении ее понижения: *неполиткорректность – гипер-неполиткорректность*. Отдельное место занимает *псевдо-политкорректность*.

Шкалу градуированности политкорректных эвфемизмов удобно рассматривать на примере лексических единиц, связанных со сферой обеспечения правопорядка и безопасности. Прямым обозначением может служить слово *criminalité* (преступность). Гипер-политкорректным обозначением, далеко стоящим от соотнесенности с реальным денотатом, является существительное *incivilité* (невежливость, неучтивость).

Проведем цепочку существительных, обозначающих преступность: *criminalité – délinquance – insécurité – incivilité*.

Очевидно, что между крайними точками шкалы (прямое обозначение *criminalité* и гипер-политкорректное *incivilité*) находятся переходные случаи

délinquance (преступность) и insécurité (небезопасность), последовательно увеличивающие градус эвфемизации: от признания преступности, до провозглашения преступных действий просто невежливыми. Однако, несмотря на гипер-политкорректное существительное, обозначающее преступные действия, встречаются высказывания, где данное слово закавычивается, чтобы подчеркнуть неуместность его использования.

Так, в следующем примере говорится о том, что молодые иммигранты не просто допускают «невежливые поступки» (это далеко не так), их варварские деяния умножаются с каждым днем: от них не дождаться толерантности:

(115) Il n'y a qu'une réponse à ces jeunes qui, loin de commettre des «incivilités» multiplient des actes de barbarie: la tolérance zero [Riposte Laïque].

Наличие гипер-политкорректности признается и французским обществом. Так, в одном из интервью Лоран Вокез, министр по европейским делам, приводит пример гипер-корректности, переполнившей, по его словам, чашу терпения, когда был издан европейский календарь с датами праздников всех религий, кроме христианских:

(116) Pour moi, la goutte d'eau qui a fait déborder le vase, c'est le fameux agenda européen, où les fêtes de toutes les religions étaient mentionnées, sauf les chrétiennes: rien à Noël, rien à Pâques! [MPFID].

Министр убедительно говорит о невозможности построить будущее на отрицании прошлого, настоятельно подчеркивает исторический характер христианской религии как опоры французской идентичности:

(117) On ne construit pas son avenir sur la négation de son passé. Cette identité chrétienne, c'est notre histoire [MPFID].

Приведем пример гипер-неполиткорректности. Представитель муниципалитета в Марселе бездоказательно обвиняет цыган в самых разных преступлениях: поджоге кабеля, кражах металла и проч. В завершение статьи приводится фраза чиновника, содержащая крайне грубое, презрительное сравнение цыган с крысами, что свидетельствует об абсолютной неполиткорректности высказывания, о его гипер-неполиткорректности:

(118) Ils faisaient brûler des câbles pour sortir le métal, il y avait le bruit, les grosses voitures. Il était temps que la police bouge. Sinon ça tournait mal! S'il y avait eu une seule famille, ça allait. Mais ils sont venus de plus en plus nombreux, ils se sont agglutinés comme des rats [Le Point].

Особого внимания заслуживает феномен, который можно назвать квази-политкорректностью. В отличие от политкорректности, предполагающей замену одних языковых выражений на другие для устранения болезненных моментов, унижающих человека, квази-, или псевдо-политкорректность используется для того, чтобы в политкорректной форме очернить оппонента, того, кого политик считает «чужим»:

*(119) Est-ce aussi pour ne pas “stigmatiser” les jeunes issus de l’immigration que leurs noms sont remplacés par des patronymes européens quand ils sont mis en cause? L’an dernier, le Monde avait rebaptisé **Vladimir** le jeune Souleymane, un mineur d’origine tchétchène mis en examen pour le meurtre de Killian [Valeurs Actuelles].*

Для того, чтобы соблюсти политкорректность и не оскорбить выходцев с Кавказа, преступник наделяется русским, а не своим, чеченским именем. Это становится возможным, потому что Чечня является частью России. Вместо конкретного, реального имени чеченца «Сулейман» звучит русское имя «Владимир», приобретающее обобщенное значение, не имеющее в данном конкретном случае референта. Будучи весьма распространенным именем у русских, оно хорошо известно и за пределами России. Имя «Владимир» не только прочно ассоциируется с русскими, но и, учитывая сегодняшние политические реалии, оно вызывает известные ассоциации, связанные с именем президента России.

Подмена имени в приведенном контексте нарушает обусловленную самим процессом номинации языковую закономерность, из которой проистекает и особенность узуса, то есть употребления. Имена собственные как единицы языковой системы обладают свойством уникальной референции: «Употребляя собственное имя», – пишет Дж. Милль, – «мы позволяем

слушателю идентифицировать индивидуума и связать его с той информацией, которой он располагал ранее» [Mill, 1970: 55]. Подмена имени нарушает еще одну важную закономерность словоупотребления: собственное имя не характеризует объект, не сообщает о нем ничего истинного или ложного. И, наконец, имя собственное «не переводится и не перифразируется» [Арутюнова, 1999: 2]. Здесь же абсолютно произвольно одно имя заменяется – переводится – другим.

Использование этого имени служит – невольно или преднамеренно – разжиганию русофобии, нагнетанию национальной розни, так как преступление одного человека (чеченца), по сути, приписывается целой нации (русским), которые позиционируются как «чужие». Так, «политкорректно» ограждая один народ от ксенофобии, ее неполиткорректно переносят на другой народ. Такую двойственность можно оценить как игру в политкорректность, с нарушением самих правил игры, приводящих к псевдо-политкорректности.

Рассуждая о политкорректности и ее градуированном характере, отмечая также существование особого феномена – квази-политкорректности, вернемся еще раз к рассмотренному выше феномену неполиткорректности, который является реакцией на диктат политкорректности в западном политическом дискурсе.

Журналисты еженедельника Figaro часто используют упоминавшееся выше слово *sauvageon* (маленький дикарь), которое приобретает в разных контекстах разное референциальное, в том числе и контекстуальное значение. В следующем предложении слову приписывается отсутствующее в словарном толковании окказиональное значение «фашист» в отношении детей иммигрантов:

*(120) C'est en oubliant qu'une démocratie se laisse mourir. Entre celui qui fait régner la terreur – qu'il ait le visage de Ben Laden ou d'un « **sauvageon** » - et celui qui cherche à s'en protéger quel est le plus **fasciste**? [L'OBS].*

Чудовищно то, что дети иммигрантов уподобляются Бен Ладену и утверждается, что неизвестно, кто из них – эти дети или всемирно известный безжалостный террорист – большой фашист. Получается, что это в равной мере чужие, крайне враждебные для Франции существа-нелюди. Большого оскорбления в отношении детей иммигрантов, которые официально декларируются как граждане Франции, как «свои», трудно найти. Нелишне напомнить в этой связи о том, что политкорректность направлена на создание таких языковых выражений, которые стремятся не задеть чувство достоинства ущемленных меньшинств. В приведенном же утверждении эти принципы грубо нарушаются, что говорит о гипер-неполиткорректности в отношении не просто иммигрантов, то есть, по сути, «чужих», но, в первую очередь, детей.

Интересно заметить, как выстраивается скалярная последовательность наименований иммигрантской молодежи, представляющая собой своеобразную нисходящую шкалу градации. Крайние точки шкалы представляют политкорректный эвфемизм и гипер-неполиткорректное оскорбление: *jeunes – délinquants – sauvages – fascistes*.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Неполиткорректность во французском политическом дискурсе не предпринимает усилий, обеспечивающих успешность коммуникации, не предполагает выбор языковых средств и не ориентируется на партнера. Неполиткорректность опирается на понятие негативного лица участника общения, она не связана со стремлением уважать чувства и достоинство индивида, не направлена на соблюдение его прав во всех сферах жизни, включая языковую. Неполиткорректный язык не избегает слов и выражений, которые могут обидеть или унижить человека. Лексические единицы, тем или иным образом его дискриминирующие, не заменяются на нейтральные или положительные эвфемизмы.

Неполиткорректность игнорирует запрет на дискриминацию людей или групп. Уважение уступает место пренебрежению, языковой такт – прямому оскорблению, дискредитации. Дискурсивная стратегия «на повышение» сменяется стратегией на понижение, реализуемой языковыми средствами выражения дискредитации, диффамации, инсультации (оскорбления). Неполиткорректность исходит из восприятия людей или групп как «чужих».

Анализ современной дискурсивной периодики показывает, что действие политкорректности распространяется как на внутренний так и на внешнеполитический дискурс. Во внутривнутриполитическом дискурсе политкорректность затрагивает сферы, связанные с социально-экономическими проблемами, с вопросами иммиграции и межэтнических отношений, с религиозными верованиями, с обеспечением правопорядка и безопасности в обществе и вопросами, относящимися к сексуальным меньшинствам.

Политкорректные эвфемизмы в социально-экономической сфере нацелены на сокрытие существования во Франции целых слоев, лишенных важнейших социальных прав, позволяя избежать прямого именованья бедности, бездомности, голода. Эвфемизации подвергаются также

обозначения, связанные с налогами, с наличием социальных пороков (наркомании).

Примером политкорректных эвфемизмов, функционирующих в сфере межэтнических отношений, чему могут служить косвенные обозначения иммигрантов из стран Магриба, Африки и цыган из Румынии. Метафорические и метонимические обозначения широкой семантики, реализующие манипулятивную стратегию «на повышение», позволяют избежать указания на этническую принадлежность, воспринимаемую как дискриминация по национальному признаку.

Этническая неоднородность французского общества маскируется политкорректными эвфемизмами, указывающими на так называемое «разнообразие», что позволяет сместить акцент с негативно воспринимаемого признака на положительный псевдо-аналог. Политкорректность, активно продвигаемая властной элитой, не устраняет противоречий между коренными французами и иммигрантами, которые по-прежнему остаются друг для друга «чужими».

Политкорректность затрагивает также сферу религиозных верований, что проявляется в переобозначении христианских праздников, которые либо получают «светское», нейтральное наименование, либо не упоминаются вовсе. Подобная манипулятивная стратегия «на понижение» сакральных явлений отвечает интересам прибывающих во Францию мусульман.

Политкорректные эвфемизмы активно применяются в сфере обеспечения правопорядка и безопасности в обществе. Переобозначения в этой области представлены метафорическими и метонимическими словами широкой семантики, затемняющими истинный смысл, который передавался прямым наименованием, обладающим негативной коннотацией.

Политкорректные эвфемизмы, которые используются для обозначения сексуальных меньшинств, представляют собой, главным образом, иноязычные, английские заимствования, которые часто подвергаются

аббревиации, позволяющей «приглушить», «затемнить» истинный смысл явления, негативно оцениваемого большей частью французского общества.

Во внешней политике сферы действия политкорректности представлены отношениями с Западом (Евросоюзом, США) и последними событиями на Украине, показывающими позицию Франции по отношению к тем, кого правящая элита считает своими союзниками. Политкорректные эвфемизмы направлены на ложное представление положения дел, чему содействует использование слов широкой или денотативно неопределенной, неясной семантики.

Идеологический диктат политкорректности порождает ответную реакцию – неполиткорректность, которая, не являясь собственно идеологией, продвигаемой властью, противостоит политкорректности, ущемляющей права большинства. Неполиткорректный дискурс как антипод политкорректной коммуникации, демонстративно нарушает все налагаемые политкорректностью запреты: на дискриминацию меньшинств, на проявление неуважения к ним, на игнорирование их прав и проч.

Дискурсивная стратегия «на повышение» сменяется стратегией на понижение, реализуемой языковыми средствами выражения дискредитации, диффамации, инсультации (оскорбления). Неполиткорректность исходит из неприятия людей или групп как «чужих».

Неполиткорректный дискурс в сфере межэтнических отношений выражает негативное отношение к иммигрантам из стран Африки и Ближнего Востока, а также к цыганам, которые являются «чужими» для Франции.

Неполиткорректность в отношении расовых и сексуальных меньшинств, проживающих на территории Франции, выражается значительно реже, что доказывает факт того, что, в основном, французские политики и журналисты относятся к ним, как к «своим».

Внешняя политика Франции характеризуется неполиткорректностью в отношении отдельных стран, в частности, России, в адрес которой французские СМИ применяют «понижающую» агитационную стратегию

вербальной агрессии и высказывания, содержащие акты прямой дискредитации, уничижительного сравнения и явных оскорблений.

Политкорректность / неpolitкорректность имеет градуированный характер. Это явление может быть представлено в виде двух скалярных последовательностей, распределяющих лексические единицы по степени выраженности политкорректности / неpolitкорректности. Одна линия представляет градуированную шкалу в направлении повышения степени выраженности политкорректности, крайними пределами которой являются: *политкорректность* – *гипер-политкорректность*. Другая линия представляет градацию, направленную на понижение, на этой шкале крайними точками являются: *неpolitкорректность* – *гипер-неpolitкорректность*. Особое место занимает *квази-*, или *псевдо-политкорректность*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблемы политкорректности в современном политическом дискурсе, предпринятое в настоящей диссертации, опиралось на теоретические основания, разработанные в рамках *частных лингвистических дисциплин*, с учетом *дискурсивного, семиотического, ономаσιологического, семасиологического и функционального подходов*.

Определяющим признаком политического дискурса является интенция борьбы за власть, которая исключает из своего рассмотрения равноправный кооперативный диалог, предполагая лишь монологический дискурс и пропагандистское воздействие власти на общество.

Современное западное общество в лице его правящей элиты разработало идеологию политкорректности, декларирующую запрет на языковую дискриминацию существующих в обществе миноритарных групп.

Политический властный дискурс характеризуется манипулятивностью, что является необходимым условием для создания управляемого общественного мнения. В осуществлении манипуляции используются особые технологии.

Властный политический технологический дискурс использует стратегии и тактики для достижения, сохранения и удержания власти политической элитой. Ведущими в политическом дискурсе являются манипулятивные стратегии «на повышение» и «на понижение», использующие тактики со знаком «плюс» и, соответственно, со знаком «минус».

В данной работе предлагается и обосновывается широкая трактовка политкорректности, под которой понимается либеральная идеология мультикультурного западного общества, регламентирующая дискурсивную деятельность членов общества, внедряющая в него с помощью манипулятивных дискурсивных технологий особый язык, направленный на создание в массовом сознании конструкта ирреального, возможного мира

социальной бесконфликтности и согласия, чему служит позитивное переобозначение отвергаемых обществом явлений.

Политкорректность, увязываемая с такими смежными понятиями, как вежливость и толерантность, отличается от них альтернативным видением реальности и проявлением данных качеств в отношении тех, кого выгодно на данный момент считать «своими».

Политкорректность нарушает принцип языковой экономии, поскольку, помимо усложнения понимания и выхолащивания конкретики из переобозначенных понятий, политкорректность загружает языковую систему новыми названиями объектов и понятий, ранее уже получивших в языке свое наименование.

Подход к феномену политкорректности *с общетеоретических позиций*, ставящий вопрос об основаниях формирования политкорректности, позволил установить *социологические, культурологические, гносеологические и лингвистические основания* возникновения и закрепления *политкорректности* в западном либеральном политическом дискурсе.

Социологические основания формирования политкорректности в современном французском политическом дискурсе коренятся в развитии самого общества. Исторической предпосылкой политкорректности является прециозное течение женщин-аристократок, очищавших речь от простонародных слов и выражений, что способствовало углублению непонимания между простым народом и элитой, демонстрировавшей свое превосходство над бедным населением.

Другим социологическим основанием является потребность в социальной гармонии в мультикультурном, социально и этнически разнородном обществе, разрываемом противоречиями, что и было уловлено идеологами политкорректности, разработавшими политкорректный язык, направленный на формирование в общественном сознании представления об их мире как о мире социальной бесконфликтности и всеобщего согласия.

В основе политкорректности заложены культурологическая оппозиция «свой / чужой» и гносеологическая оппозиция «истина / ложь». Противопоставленные члены этих бинарных оппозиций трактуются как относительные понятия, позволяющие маркировать инокультурные, чужеродные группы как «своих», замаскировать негативные явления действительности, представив ложную картину истинного состояния дел, в целях сохранения и удержания власти правящими кругами.

Лингвистическим основанием формирования политкорректности являются особенности языка как результата деятельности человека по означиванию внеязыковой действительности. Политкорректность базируется на произвольном характере языкового знака, стороны которого – означаемое и означающее – не связаны друг с другом прямолинейной, односторонней, принудительной зависимостью. Политкорректность опирается на асимметричность означающего и означаемого, что позволяет идеологам политкорректности создавать разные наименования для одного и того же денотата, который является по тем или иным причинам социально неприемлемым.

Ономасиологический подход к языковому знаку позволяет увидеть, как идеологи политкорректности трансформируют язык с целью изменения его содержательной стороны путем эвфемистической подмены денотата и придания словам и выражениям нового, положительно коннотируемого смысла.

Семасиологический подход позволяет проанализировать изменения в лексическом значении языковой единицы, приводящие к ее переосмыслению, преобразовывающему ее в политкорректный эвфемизм.

Архитектором политкорректного мироустройства является философское течение постмодернизма, провозгласившее отказ от универсализма, центра, традиции, предложившее релятивистскую трактовку истины, разработавшее релятивистскую концепцию знака. Постмодернистский отказ от универсализма в применении к политкорректности означает признание

дискурсивного плюрализма, языкового конструирования разных видов реальности.

Современный политический дискурс носит ярко выраженный симулякризованный характер. Политкорректные единицы, функционирующие в политическом дискурсе, являются знаками-симулякрами, маскирующими неприглядные явления современного общества: социальное расслоение, наличие социальной депривации (бедности, бездомности, отсутствия доступа к образованию и проч.), этническую преступность и проч.

Социально-культурной основой формирования политкорректных языковых единиц является табуирование, предписывающее запрет как на употребление слова, так и на выражение стоящего за ним образа мыслей.

Языковой основой формирования политкорректных лексических единиц является процесс эвфемизации. Механизм формирования и функционирования политкорректных обозначений носит динамический характер. Это находит свое проявление в деэвфемизации как обратном процессе постепенной утраты эвфемии и в повторной эвфемизации, приводящей к появлению новых политкорректных эвфемистических обозначений. Динамический характер функционирования политкорректного языка проявляется также в симметрии / асимметрии, выражающейся в соответствии / несоответствии политкорректных наименований контексту их употребления, который носит либо политкорректный, либо явно неполиткорректный смысл.

Политкорректные эвфемизмы во французском языке чаще всего создаются на базе собственных языковых ресурсов. Одним из способов образования политкорректных эвфемизмов является семантическое переосмысление лексических единиц, которое может приводить к расширению / сужению денотативного значения и / или к мелиоративному / пейоративному развитию коннотативного значения. Семантическое переосмысление может осуществляться по типу метафорического или метонимического переноса.

Политкорректные эвфемизмы во французском языке образуются посредством аффиксации, словосложения, сокращения по типу аббревиации инициально-буквенного типа и по типу финального усечения (апокопы). Политкорректные эвфемизмы могут создаваться в результате процесса субстантивации, который претерпевает имя прилагательное.

Особое место во французском политическом дискурсе занимают политкорректные эвфемизмы, появившиеся в результате процесса лексикализации перифрастических свободных словосочетаний, устойчивость которых и их постоянная воспроизводимость в речи привели к тому, что они приобрели статус языковых единиц фразеологического характера.

Источником пополнения политкорректной лексики во французском языке являются также заимствования из английского языка.

Политкорректные эвфемизмы во французском внутривнутриполитическом дискурсе встречаются в самых разных сферах жизнедеятельности общества: в социально-экономической области, в сферах, относящихся к иммиграции, межэтническим отношениям, к религиозным верованиям, к обеспечению правопорядка и безопасности в обществе, к обозначениям сексуальных меньшинств. Политкорректные эвфемизмы во внешнеполитическом дискурсе затрагивают главным образом проблему отношений Франции с Евросоюзом и США.

Анализ современного французского политического дискурса выявил наметившуюся тенденцию к появлению неполиткорректности, возникающей как ответная реакция на тотальный диктат политкорректности. Французский неполиткорректный дискурс строится на нарушении основных правил политкорректности, к которым относятся вежливость, толерантность, запрет на дискриминацию определенных членов общества. Неполиткорректность, для которой характерны нетерпимость, пренебрежение личностью собеседника, его интересов, представлена в политическом дискурсе языковыми выражениями, направленными на дискредитацию, диффамацию, инсультацию (оскорбление) оппонента.

Французский неполиткорректный дискурс обнаруживается в тех же сферах, где диктует свои правила политкорректность, а именно, в социально-экономической сфере, в сфере иммиграции и межэтнических отношений, в области религиозных верований, в вопросах обеспечения правопорядка и безопасности в обществе, в отношении к сексуальным меньшинствам.

Внешнеполитический французский неполиткорректный дискурс направлен главным образом против России, при этом он строится на основе манипулятивной стратегии «на понижение» с помощью дискурсивной тактики конструирования образа «чужого», врага. Во французском политическом дискурсе Россия представлена в виде агрессора, нарушающего права других стран.

Французский политкорректный / неполиткорректный дискурс поддается скалярной трактовке вследствие градуированного характера политкорректности / неполиткорректности. Распределение лексических единиц по степени выраженности политкорректности / неполиткорректности можно представить в виде двух скалярных последовательностей. Одна линия представляет шкалу в направлении степени «повышения» политкорректности: *политкорректность – гипер-политкорректность*, другая – в направлении ее «понижения»: *неполиткорректность – гипер-неполиткорректность*. Особое место занимает *псевдо-политкорректность*.

В основе шкалы политкорректности лежит степень отступления от истины, сокрытия действительного состояния дел.

В основе шкалы неполиткорректности лежит степень дискредитации, диффамации оппонента, варьирующейся от лживого, отступающего от истинного, утверждения до прямого оскорбления (инсультации).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин. Христианская наука / Августин. – СПб.: Библиополис, 2006. – С. 21 – 228.
2. Алексеева, Н.Н. Типология сокращенных лексических единиц в современном английском языке: дис. ...канд. филол. наук / Н.Н. Алексеева. – М.:МГПИИЯ им. М. Тереза, 1983. – 153 с.
3. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – №4. – С. 122 – 134.
4. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян // Избр. труды. – М., 1995. – Т. 1. – 472 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С.136 - 137.
6. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова // Языки русской культуры. – М., 1999. – 895 с.
7. Асеева, Ж. В. Лексические средства выражения политической корректности в современном английском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ж. В. Асеева. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. – 18 с.
8. Асмус, В. Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/asmus/5-2.htm> (дата обращения: 12.01.2014)
9. Бажалкина, Н. С. Роль афористики в политическом дискурсе / Н. С. Бажалкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия “Лингвистика”. – 2009. – № 3. – С. 63 – 66.
10. Базылев, В. Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса / В.Н. Базылев // Политический дискурс в России - 2 : материалы раб. совещ. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 6 – 8.
11. Базылев, В. Н. Языковые императивы «политической корректности» / В.Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2007. – №3(23). – С. 8 – 10.
12. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 394 с.

13. Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): дис. ...канд. филол. наук / Ю.С. Баскова // Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 23 с.
14. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.
15. Бокмельдер, Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Бокмельдер. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. — 210 с.
16. Блумфилд, Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
17. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр: пер. с фр. Любарской и Е. Марковской – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
18. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. / Ж. Бодрийяр. – М.: «Добросвет», 2006. –387 с.
19. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр: пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
20. Бородулина, Н.Ю. Метафорическая репрезентация экономических понятий как объект семиотического анализа / Н.Ю. Бородулина. – Томбов: Грамота, 2007. – 184 с.
21. Ботороева, Ю. С. Лингвoseмиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры (на материале английского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ю. С. Ботороева. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 20 с.
22. Брушлинский, А. В. Культурно-историческая теория мышления / А.В. Брушлинский. – М.: Высшая школа, 1968. – 104 с.
23. Быков, И. А. Политкорректность и толерантность как принципы современной политической коммуникации. – URL: http://bykov.socionet.ru/public/Bykov_PolitCorrekt.html (дата обращения: 30.05.2014)

24. Васильев, Л. С. Мы и Они. Конформизм и образ "другого" / Л.С. Васильев / Отв. ред. Л. С. Васильев; ред. – сост. А. Л. Рябинин. – М.: КДУ, 2007. – 224 с.
25. Вашурина, Е.А. Политкорректность как коммуникативная категория современного английского языка (на материале художественных и публицистических текстов): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.А. Вашурина. – Самара, 2011. – 21 с.
26. Викулова, Л.Г. Семиметрия ценностно ориентированных функциональных сфер жизни общества. Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества / Л. Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова, О.А. Кулагина // Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография / Отв. редактор Л.Г. Викулова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 196 – 230.
27. Викулова, Л.Г. Семиметрия ценностных параметров текстовой феноменологии / Л. Г. Викулова, И.В. Чернигова // Этносемиметрия ценностных смыслов // коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Серебренниковой, Л.Г. Викуловой, С.Н. Плотниковой, Т.И. Семеновой, А.И Шарунова. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 186 – 232.
28. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн: пер. с нем. — М.: Наука, 1958 (2009). – 133 с.
29. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
30. Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р.Водак // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 286 – 291.
31. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988. – 704 с.
32. Гаджиев, К. С. Политическая философия / К.С. Гаджиев. – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. – 606 с.
33. Гаджиев, К. С. Введение в политическую науку: учеб. для высш. учеб. заведений / К.С. Гаджиев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – 544 с.

34. Гайкова, О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: (на материале английского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук / О.В. Гайкова. – Волгоград, 2003. — 19 с.
35. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языка / В.Г. Гак. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 264 с.
36. Герасименко, Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе / Н.А. Герасименко // Политический дискурс в России – 2 / под ред. Ю. А. Сорокина и В.Н.Базылева. – М., 1998. – С. 20 – 23.
37. Горбунова, И.В. Функциональная систематика англицизмов в русскоязычном сегменте сети Интернет / И.В. Горбунова // Вестник ИГЛУ. – Серия «Филология» 2011. - №3 (15). – С. 141 – 149.
38. Горский Д.П. Роль языка в познании / Д.П. Горский // Мышление и язык. – М., 1957. – 360 с.
39. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск 16: Лингвистическая грамматика. – М., 1985. – 500 с.
40. Грачев, Г.В. Манипулирование личностью / Г.В. Грачев. – ИФРАН., 1999. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Grach/ (дата обращения: 23.05.2014)
41. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая. В.Д. Попков. АЛ. Садохин // Учебник для вузов. – Под ред. А.П. Садохина. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
42. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. / В. фон Гумбольдт. – М., 1984. – 352 с.
43. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М., 1985. – 450 с.
44. Гурочкина, А.Г. Политкорректная сказка как трансформированный комический текст / А.Г. Гурочкина // Горизонты современной

- лингвистики. Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 856 с.
45. Гусаров, Д.А. Проблема номинации и обозначения в языке и речи: сопоставительный аспект / Д.А. Гусаров, А.Л. Семенов // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика»: - 2012. - №4. – С. 14 – 19.
46. Даниленко, В. П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С.108–131.
47. Даниленко, В.П. Ономаσιологическая сущность концепции функциональной грамматики Вилема Матезиуса / В. П. Даниленко // Филологические науки. – 1986. – №1. – С.62–66.
48. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 412 с.
49. Дейк, ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк: пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
50. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica.txt> (дата обращения:19.05.2014)
51. Демьянков, В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 39–77.
52. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С.32 – 43.
53. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст: сб. к 70–летию Т.М. Николаевой // Ин-т славяноведения РАН / Отв. ред. проф. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры, 2005. –С.34–55.

54. Деррида, Ж. О грамматиологии / Ж.Деррида – М.: ad Marginem, 2000. – 540 с.
55. Домышева, С. А. Технология создания общего разделяемого знания в политическом дискурсе реагирования / С.А. Домышева // Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / Под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 320 с.
56. Дьяченко, И. А. Симулятивные знаки политической корректности в англо-американском манипуляционном дискурсе: дис. ...канд. филол. наук / И. А. Дьяченко. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 146 с.
57. Дюпра, Ж. Ложь: пер. с фр. / Ж. Дюпра. – Саратов, 1905. – 91 с.
58. Женетт, Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 2 / Ж, Женетт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.
59. Зайцев, А.В. Лингвополитология vs политическая лингвистика: возможен ли диалог? / А.В. Зайцев // Филологические исследования – № 1– 2012. – URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_150.html (дата обращения: 13.05.2014)
60. Зализняк А. А. "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А.А. Зализняк. – М.: "Языки славянской культуры", 2002. – 760 с.
61. Занин, С. В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII века / С.В. Занин — СПб.: Мирь, 2007. — 535 с.
62. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – М.: МГУ, 1973. – 247 с.
63. Зенкин, С.Н. Введение в литературоведение: Теория литературы / С.Н. Зенкин – М., 2000. URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/diskurs.htm> (дата обращения: 15.05.2014)
64. Иванова, М.Б. Языковая вариативность при выражении толерантности в немецкоязычном миграционном дискурсе / М.Б. Иванова // Инновационные подходы к исследованию языковой вариативности: сб.

- науч. тр. по матер. российско-германской науч.-практ. конф. (Иркутск, 20-24 сентября 2010 г.) / Отв. ред. С. А. Хахалова, С. Эльспас. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 288 с.
65. Иванченко, Н.В. О специфике устойчивых языковых единиц китайского языка / Н.В. Иванченко // Вестник Челябинского государственного университета. – № 24 (315). – 2013. – С. 94 – 97.
66. Ивин, А.А. Логика: учеб. для гуманитар. фак-тов / А.А. Ивин. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 1999. – 320 с.
67. Ильин, И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. Ильин. – М., 1996. – ULR: <http://iph.ras.ru/elib/3645.html> (дата обращения: 05.01.2014)
68. Ионин, Л. Политкорректность: дивный новый мир / Л. Ионин. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 112 с.
69. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
70. Калмыков, А.А. Четвертая политическая сила / А.А. Калмыков // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. – №1. 2012. – С. 21 – 28.
71. Каплуненко, А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках / А.М. Каплуненко // Аргументация vs манипуляция. – Вестник ИГЛУ. Серия «Коммуникативистика и коммуникациология». – Иркутск: ИГЛУ. – 2007. – №5. – С. 312
72. Каплуненко, А. М. Здравый смысл как оправдание манипуляции сознанием / А.М. Каплуненко // Аргументация vs манипуляция. – Вестник ИГЛУ. Серия «Коммуникативистика и коммуникациология». – Иркутск: ИГЛУ. – 2009. – №2. – С. 319.
73. Каплуненко, А. М. Аргументация vs. Манипуляция: место здравого смысла в диалектике двух стратегий критической дискуссии / А. М. Каплуненко // Аргументация vs. Манипуляция: сб. науч. трудов / Отв. ред. проф. А.М. Каплуненко. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – С. 3 – 18.

74. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
75. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
76. Карпухина, Е. А. Специфика политического дискурса / Е.А. Карпухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 4 (11). – С. 88 – 90.
77. Карпухина Т. П. Лингвоэстетическая игра морфемного повтора: теоретическая модель анализа феномена частичной итерации в художественном тексте (на материале англоязычной художественной прозы) дис. ... д-ра филол. наук / Т.П. Карпухина. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – 458 с.
78. Карпухина, Т.П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры / Т.П. Карпухина. – Хабаровск: ДВГГУ, 2006. – 392 с.
79. Карпухина, Т.П. Способы образования окказиональных слов в одноморфемных текстовых цепочках в английской художественной прозе / Т.П. Карпухина // Вестник Чувашского университета. – 2006а. – № 1. –С. 196 – 207.
80. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М, 1965. – 4. II. – М.: 1965. – URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html> (дата обращения: 06.01.2014)
81. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу / А.М. Кацев. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
82. Кашей, Н. А. Современная риторика в социально – политическом взаимодействии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Н. А. Кашей – Великий Новгород, 2005. – URL:

<http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-ritorika-v-sotsialno-politicheskom-vzaimodeistvii> (дата обращения: 20.05.2014)

83. Киселева, Т. В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира / Т.В. Киселева // Языковая семантика и образ мира: матер. междунар. науч. конф. 7 – 10 октября 1997 г. – Казань: Казанский гос. ун–тет, 1998. – Т. – 1. – С. 115. URL: http://www.ken.ru/lat_ru/science/news/lingv_97/n62.html. (дата обращения: 01.11.2013).
84. Ключев, Е. В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция: учеб. пособие / Е.В. Ключев. – М.: Приор, 2001. – 272 с.
85. Колаковская, А. Интеллектуальные истоки политкорректности / А.Колаковская. – URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=200> (дата обращения: 04.04.2014)
86. Колосов, С.А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти / С.А. Колосов // Критика и семиотика. – Вып. 7. – Новосибирск, 2004. – С. 248–256.
87. Копелев, Л. З. Чужие / Л.З. Копелев // Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. — М.: Наука, 1994. —336 с.
88. Корти, М. Столкновение культур и политическая корректность / М.Корти // Независимая газета, 24.03.2003. – URL: http://www.ng.ru/courier/2003-03-24/14_islam.html (дата обращения: 30.05.2014)
89. Костюшкина, Г.М. Современные направления во французской лингвистике/ Г.М. Костюшкина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 304 с.
90. Кравцов, В.В. Инновационная политика и власть в современном медийном пространстве: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / В.В. Кравцов. – М., 2012.
91. Краснов, Б. И. Власть как явление общественной жизни / Б.И. Краснов // Социально-политические науки. — 1991. — № 11. — С. 13 – 31.

92. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В.В. Красных. – М., 2003. – 375 с.
93. Кристева, Ю. Семиотика / Ю. Кристева. – Екатеринбург, 1999. – 176 с.
94. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. – 1994. – № 1. – С. 28 – 49.
95. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002 - №6. – С. 27 – 34.
96. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания // Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
97. Ларин, Б.А. Об эвфемизмах / Б.А. Ларин // Проблемы языкознания. –Л., 1961. – С. 23 – 48.
98. Латынов В.В. Политическая коммуникация / В.В. Латынов // Политическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; рук. проекта Г.Ю. Семигин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – Т 1. – М.: Мысль, 1999. –С. 172–173.
99. Лейбниц, Г. В. Сочинения [Текст]: в 4 т. / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1983. – Т. 1. Философское наследие. – 636 с.
100. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
101. Лисихина, М.А. Прагмалингвистическое исследование явления дискредитации в американской речевой культуре / автореф. дис. ...канд. филол. наук / М.А. Лисихина. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – 22 с.
102. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. – 846 с.
103. Лотман, Ю.М. Карамзин. «Сотворение Карамзина». Заметки и рецензии / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство СПб», 1997. – 832 с.

104. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Язык русской культуры, 1999. – 464 с.
105. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю.М. Лотман. – – СПб.: «Искусство СПб», 2001. – 848 с.
106. Майба, В. В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре / В. В. Майба. – Ростов-на-Дону, 2013. – 166 с.
107. Майба, В.В. Рецепция политкорректности в русской лингвокультуре / В.В. Майба // Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность: тр. 2-й междунар.науч.конф. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – С. 202 – 207.
108. Макаров, М. Основы теории дискурса / М. Макаров — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.— 280 с.
109. Маклакова, Е.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография / Е.А. Маклакова, Стернин И.А. – Воронеж: «Истоки», 2013. – 277 с.
110. Малафеев, А. Ю. Механизмы семантического переосмысления лексики как частного средства познания мира в художественном тексте / А.Ю. Малафеев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 3. – С –53 – 56.
111. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – Вып 3. –М.: Прогресс, 1963. – 568 с.
112. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – Вып. 1 (24). – Екатеринбург. – 2008. – С 43 – 48.
113. Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М.: Либроком, 2009 – 256 с.

114. Можейко, М. А. Идиографизм / М. А. Можейко // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.
115. Морен, М.К. Стилистика современного французского языка: учеб.пособие / М.К. Морен, Н.Н.Тетеревникова – М, 1960. – 298 с.
116. Морковкин, В.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В.В. Морковкин. – М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1997. – 414 с.
117. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 110 с.
118. Москвин, В.П. Стилистика русского языка: теоретический курс / В.П. Москвин. – Ростов – на – Дону: Феникс, 2006. – 630 с.
119. Нестерова, М. В. Неклассическая онтология французского постмодернизма: концепция Жака Деррида: дис. ... канд. филос. наук / М.В. Нестерова. – Хабаровск: ДВГУПС, 2006. – 181с.
120. Новоселов, В.Г. Философское понимание и онтология знака: дис. ...канд. филос. наук / В.Г. Новоселов. – Новосибирск, 2009. – 194 с.
121. Осипова, Н. О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания / Н. О. Осипова. – Культурологический журнал, 2011. – URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/79.html&j_id=7 (дата обращения: 15.05. 2014).
122. Островская, Т. В. Дихотомия Aggression vs Tolerance в русском и английском коммуникативном поведении / Т. В. Островская // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – №1. – С. 198 –201.
123. Павлова, Е.К. Некоторые особенности номинации в языке политики США начала третьего тысячелетия / Е.К. Павлова // Вестник Московского ун-та. – 2003. - №4. – С. 60 – 68 с.
124. Панин, В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: дис. ...канд. филол. наук / В.В. Панин. – Тюмень: ТГУ, 2004. – 217 с.

125. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О.Н. Паршина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
126. Переслегин, С. «Умные танки» в обороне и наступлении. Послесловие / С. Переслегин // Фабрика мысли / С. Переслегин. – М.: АСТ, 2004. – С. 488- 505.
127. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
128. Платон. Сочинения: В 4 т / Общ. ред. А.Ф. Loseва, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М., 1990 – 1994. – URL: <http://platoniki.ru/sites/default/files/library.pdf> (дата обращения: 19.03. 2014).
129. Плахотная, Ю. И. Речевое воздействие в диалогическом политическом дискурсе/ Ю.И. Плахотная // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 121 – 124.
130. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 244 с.
131. Плотникова, С.Н. Борьба против идентичности: ненависть в свете теории множественных миров / С.Н. Плотникова // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 97 – 115.
132. Плотникова, С.Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи / С.Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 6 – 43
133. Поварнин, С. Спор. О теории и практике спора / С. Поварнин. – URL: <http://www.orator.biz/library/books/spor/> (дата обращения: 23.05.2014)
134. Потенбня А. А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потенбня. Т. 1— 2. — 1958. – 536 с.

135. Рабардель, П. Люди и технологии (когнитивный подход к анализу современных инструментов) / П. Рабардель. – М.: Ин-т психологии РАН, 1999. – 264 с.
136. Романова, Н.Н. Стилистика и стили / Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. – М.: Флинта: МПСК, 2009 – 416 с.
137. Рубина, Н.Б. «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке / Н.Б. Рубина // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2011. - №4. – С. 35 – 41.
138. Руднев, Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка / Ю. Руднев. 2001. – URL: http://zheltydom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm (дата обращения: 15.05.2014)
139. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О.В. Русакова., В.М. Русаков // Екатеринбург. УрО РАН, Институт международных связей, 2008. – 340 с.
140. Рыбакина, А.В. Проблемы политического дискурса / А.В. Рыбакина. 2009.–URL:http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/II/uch_2009_II_00039.pdf (дата обращения: 20.05.2014)
141. Савелова, Е.В. Семиотика: словарь и хрестоматия: учебно-метод. Пособие / Е.В. Савелова, А.А. Шунейко. – Хабаровск: ДВГГУ, 2005. – 260 с.
142. Самарина, И.В. Коммуникативные стратегии «создания круга чужих» и «создания круга своих» в политической коммуникации: автореф. дис. канд. филол. наук / И.В. Самарина. – Ростов – на – Дону, 2006. – 21 с.
143. Серебренников, Б.А. Языковая номинация. Виды наименований / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – 357 с.
144. Серебренников, Б.А. Языковая номинация. Общие вопросы / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – 358 с.

145. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ЩФЩ ИГ Прогресс, 1990. – С. 12 – 54.
146. Серкова, Н. И. Политкорректные эвфемизмы русского и английского языков в современной лексикографической практике / Н. И. Серкова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 23-31.
147. Скокова, Т.Н. Множество применений термина "дискурс" / Т.Н. Скокова // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. ст. / Отв. ред.: Е.А. Огнева, Е.А. Карабутова. – Белгород: НИУ БелГУ, 2013. – С. 113-116.
148. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка: учеб. для ин-тов и фак-тов. ин. яз / Ю.М. Скребнев – М.: Высшая школа, 1999. – 240 с. (на англ.яз).
149. Скуратов, И. В. Типологические характеристики неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистические и социальные аспекты / И.В. Скуратов. – М.: МГОУ, 2006. – 272 с.
150. Соловьев, А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А. И. Соловьев // Полис, 2002. – № 3. – С. 5 – 18.
151. Соловьев, В.С. Сочинения. В 2 – х.т. – Т. 1 / В.С. Соловьев. – М., 1988.
152. Соссюр, Ф. де. Избранные произведения / Ф. де Соссюр. – М., 1988. – 367 с.
153. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – 695 с.
154. Спенсер, Г. Сочинения. – Т. II / Г. Спенсер. – СПб., 1900. – 698 с.
155. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М.: РАН, 1995. – С. 35–73.

156. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М., 1975. – 243 с.
157. Степанов, Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русским) / Ю. С. Степанов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 360 с.
158. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
159. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 264 с.
160. Тертычный, А.А. Расследовательская журналистика: учеб. пособие для Вузов / А.А. Тертычный. – М., 2002. – 384 с.
161. Туницкая, Е.П. Перифразирование в лингвопрагматическом аспекте на материале французского дискурса / Е.П. Туницкая. – М, 2010. – 247 с.
162. Тургаев, А. С. Политология: учеб. пособие / А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2005. – 560 с.
163. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. — М., 1960. — Вып. 1. – С. 112 – 324.
164. Филинский, А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 – 2000 г.г.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Филинский. – Тверь, 2002. – 163 с.
165. Фрейденберг, О. М. Античные теории языка и стиля / О.М. Фрейденберг. – М. – Л., 1936. – 344 с.
166. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с фр / М. Фуко. – М., 1996. – 448 с.
167. Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1974 в 1974 – 1975 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2004. – 432 с.
168. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб., 1994.

169. Фуре, В. В. Симулякры и Симуляция / В. В. Фуре // Постмодернизм. Энциклопедия / Отв. ред. А. И. Мерцалова. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. – 2001. – С. 729 – 735.
170. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем / Ю.Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. С. 320–325
171. Хазагеров Т. Г. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов/ Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина – Ростов н / Д: Феникс, 1999. – 320 с
172. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: Прогресс, 1980.
173. Цурикова, Л. В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен / Л. В. Цурикова // Эссе о социальной власти / Под общ. ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 94 – 102.
174. Цыбова, И.А. Словообразование в современном французском языке / И.А. Цыбова. – М.: Высш. шк., 2008. – 128 с.
175. Чжан, Ч. Соотношение понятий табу и эвфемизм (на примере русского и китайского языков) / Ч. Чжан // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – № 6. – 2012. – С. 83 – 87.
176. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
177. Шанский, Н.М. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов // Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1987. — 256 с.
178. Шапинская, Е. Н. Дискурсивный подход / Е.Н. Шапинская // Вопросы социальной теории. – 2008. – Том II. – Выпуск 1(2). Социальная реальность: концепции и методология исследований / Ин-т философии РАН; Под ред. Ю.М. Резника. – М.: Ин-т философии РАН; Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. – 500 с.

179. Шаповалова, А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике / А.П. Шаповалова. – Ростов – на – Дону: РГПУ, 2003. – 350 с.
180. Шварценберг, Р. Ж. Политическая социология. В 3-х ч. / Р.Ж. Шварценберг. – Ч.1. – М., 1992. – 330 с.
181. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис....д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 326 с.
182. Шляпентох, В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал / В.Э. Шляпентох. – М.: ЦСП, 2006. – 664 с.
183. Шляхтина, Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах: дис. ...канд. филол. наук / Е. В. Шляхтина. – Ярославль, 2009. – 174 с.
184. Шопенгауэр, А. Собрание сочинений: в 6 т. / А. Шопенгауэр. – М.: Терра Книжный клуб; Республика, 2001. – 560 с.
185. Шульгин, Н. Н. За горизонтами политкорректности / Н. Н. Шульгин // Вопросы философии. – 2003. – №6. – С. 54 – 68.
186. Эко, У. Миграции, терпимость и нестерпимое // У. Эко. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2003. – С. 141.
187. Эко, У. О политкорректности // У. Эко. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 167–181.
188. Юрковская, Е. А. Манипуляции в дискурсе редакторской статьи: косвенная директивность / Е. А. Юрковская // Аргументация vs. Манипуляция: сб. науч. трудов / Отв.ред.проф. А. М. Каплуненко. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – С. 144 –156.
189. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р.В. Якобсон // Семиотика. М., 1983.
190. Almond, G.A. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G.A. Almond, Verba. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1963.

191. Andrews, E. Cultural Sensivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming / E. Andrews // *American Speech: A Quarterly of Linguistic Usage*, 1996. – P. 389 – 404.
192. Balzac, H. *La Mode*, 22 mai 1830. Cité par P. Merle, 2009, p.19.
193. Bayley, P. *Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches // Campaign Language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984* / P. Bayley. – Bologna: Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. – P.77 – 174.
194. Bolinger, D. *Language – the Loaded Weapon: the Use and the Abuse of Language Today* / D. Bolinger. – Lnd.; N.-Y: Longman, 1980. – 214 p.
195. Brown, P. *Politeness: Some Universals in Language Usage* / P.Brown, S. C. Levinson – N.-Y. – Cambridge, 1987. – 358 p.
196. Burkhardt, A. *Politische Sprache. Grundbegriffe und Analysenmethoden* / A. Burkhardt / *Die Deutsche Literatur*. Herausgegeben von der Gesellschaft für Germanistik der Katsai-Universität-Osaka. – Osaka, 2001. – S. 1 – 32.
197. Buysens E. *Les langages et le discours* / E. Buysens. –Bruxelles, 1943. – 98 p.
198. Buysens E. *Truth as a Semiotic Concept* / E. Buysens // *Semiotica*. 1984. – Vol. 49. 1/2. – P. 1– 5.
199. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis* / N. Fairclough // Boston: Addison Wesley Publishing Company, 1995. – 266 p.
200. Fairclough, N. *Technologisation of Discourse* / N. Fairclough // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis* / Ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. – N.Y.: Routledge, 1996. – P. 143 – 159.
201. Hailon, Fred. *Idéologie par voix de presse* / F. Hailon. – Paris: L’Harmattan, 2011. – 298 p.
202. Jakobson, R. *Selected Writings. V.II: Word and Language* / R. Jakobson. – The Hague – Paris, 1971. – 565 p.
203. Klein, J. *Politik Kommunikation – Sprachwissenschaftliche Perspektiven* / J. Klein // O. Jarren, U. Sarcinelli, U. Saxer (Hrsg.). *Politische Kommunikation in*

- der Demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch mit Lexikonteil. – Opladen / Wiesbaden, 1998. – S. 186 – 210.
204. Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society. The Communication of Ideas / H.Lasswell, L. Bryson – N.Y., 1948.
205. Lebouc, G. Parlez-vous le politiquement correct ? / G. Lebouc. – Bruxelles : Éditions Racine, 2007. – 125 p.
206. Leech, G. Principles of Pragmatics. – Lnd. 1983. – 250 p.
207. Lewis, D. On the Plurality of Worlds / D. Lewis. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 276 p.
208. Mann, M. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis / M. Mann, A. Thompson // Discourse Description. – Amsterdam: Benjamins, 1992. – P. 39 – 78.
209. Masmеjean, J. De la manœuvre des mœurs et du silence des mots dans le lexique français. Itinéraire d'une bienséance langagière inédite: le Politiquement Correct, entre splendeur et trahison. – URL: http://www.freelang.com/publications/memoires/julie_masmejean/Le_politiquement_correct.htm (дата обращения: 02. 07. 2014)
210. Mercier, A. La communication politique / A.Mercier. – Paris : CNRS ÉDITIONS, 2008. – 161 p.
211. Merle, P. Précis de français précieux au XXIème siècle / P.Merle. –Paris: Paroles D'aube, 2002. – 208 p.
212. Merle, P. Le dico du Français branché / Merle, P. – Paris: Seuil, 1999.
213. Mill, J.St. of names / J. Mill //Theory of Meaning. – Prentice Hall, 1970.
214. Morris, S. Political Correctness. / S. Morris. – New Haven: Yale Univ. Press, 1999. – 39 p.
215. Oulahbib, L.-S. Le politiquement correct français. Épistémologie d'une crypto-religion / Lucien-Samir Oulahbib. – Paris : L'Harmattan, 2012. – 150 p.

216. Perloff, R. M. The Political Communication: Politics, Press, and Public in America / R.M. Perloff. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – 492 p.
217. Perry, R. A Short History of the Term 'Politically Correct'/ R. Perry // Beyond PC: Toward a Politics of Understanding, by Patricia Aufderheide, 1992. – 84 p.
218. Pommier, F. Paroles, paroles. Formules de nos politiques / F. Pommier // Éditions du Seuil, février 2012. – 206 p.
219. Quême, Ph. Vertus et perversions françaises du discours politique...Plaidoyer pour un discours «vrai» / Ph.Quême. – Paris : L'Harmattan, 2008. – 256 p.
220. Taylor, J. Are You Politically Correct / J. Taylor// Are You Politically Correct? : Debating America's Cultural Standards. – Buffalo, NY: Prometheus Books, 1993. – P. 15 – 33.
221. Voiture, V. La Belle Matineuse. – URL: <http://www.eclaircement.com/La-Belle-Matineuse-Vincent-Voiture> (дата обращения: 02. 07. 2014)
222. Wilson, J. 1995. The Myth of Political Correctness: The Conservative Attack on High Education / J. Wilson. – Durham, North Carolina: Duke Univ. Press. 26 p.
223. L. Wittgenstein. Tractatus logico-philosophicus, 1921: <http://philosophy.ru/library/witt/01/01.html> (дата обращения: 23.05.2014).

СЛОВАРИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

224. Аверьянов, Ю.И. Политология: Энциклопедический словарь / Ю.И. Аверьянов. – М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993. – 431с.
225. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК,2003.– 672 с.
226. Всемирная энциклопедия. Философия / Гл.ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест. Современный литератор, 2001. – 1312 с.
227. Ганшина, К.А. Французско-русский словарь: 51000 слов. – 7-е изд., стереотип. Москва: Рус. яз., 1977. – 911 с.

228. Гак, В.Г. Французско-русский словарь активного типа / Под. ред. В.Г. Гака, Ж. Триомфа. – Москва: Издательство «Русский язык», 1998. – 1056 с.
229. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов) / В. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=29133> (дата обращения: 23.07.2015)
230. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., стер. –Т. 2: П – Я. –М.: Русский язык, 2001. – 1084 с.
231. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В, Жеребило. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
232. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 632 с.
233. Квятковский, А.П. Школьный поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Дрофа. – 464 с.
234. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев.– М.:Эксмо-пресс,1999. – URL: [http:// www.inslov.ru/html-komlev/p/politi4eska8-korrektnost5-politkorrektnost5.html](http://www.inslov.ru/html-komlev/p/politi4eska8-korrektnost5-politkorrektnost5.html) (дата обращения: 25.10.2013)
235. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М., 2006. – 672 с.
236. Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексеева. – М.: Проспект, 2000. – 400 с.
237. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Русский язык, 2001. – 483 с.
238. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб., 1998. – 1536 с.
239. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

240. Мюллер, В.К. Большой англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер, А.Б. Шевнин, М.Ю. Бродский. АСТ: Екатеринбург: У – фабрика, 2010. – 1536 с.
241. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.- науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – М.: 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. URL <http://iph.ras.ru/elib/3028.html> (дата обращения: 03.09.2015)
242. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – М.: Сов. Энциклопедия, 1973. – 846 с.
243. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28 е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. – 1376 с
244. Политология. Краткий словарь основных терминов и понятий / Под ред. Пусько В.С. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. – 112 с.
245. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, 1907 / М. Попов. – URL: <http://enc-dic.com/fwords/Strategija-34907.html> (дата обращения: 24.07. 2015)
246. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
247. Словарь иностранных слов. – М.: Дрофа: Русский язык. Медиа, 2009. – 820 с.
248. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. М.И. Мещеряковой. – М.: Айрис-пресс: Рольф, 2000. – 133 с.
249. Современная философия: словарь и хрестоматия / Отв. ред. Кохановский В.П. – Ростов н /Д. 1996. – 511 с.
250. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.
251. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. –Т. 1. – М., 1935; – Т. 2. – М., 1938; – Т. 3. – М., 1939; – Т. 4, – М., 1940 / Д.Н.

- Ушаков. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1076310> (дата обращения: 24.07. 2015)
252. Философский энциклопедический словарь / Ред. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко: ИНФРА – М., 2001. – 576 с.
253. Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики / Под ред. А.А. Ивина. – М, 2004. – 1072 с.
254. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь / Г.Г. Хазагеров. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
255. Чернов, Г.В. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / Г.В. Чернов. – Смоленск.: Полиграмма – С, 1996. – 1208 с.
256. Чудинов, А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1910 / Чудинов. – URL: <http://enc-dic.com/fwords/Strategija-34907.html> (дата обращения: 24. 07.2015)
257. Larousse. Dictionnaire français en ligne, 2013 / Larousse. – URL : <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 04. 09.2013)
258. Holder, R.W. How not to Say What you Mean. A Dictionary of Euphemisms / R.W. Holder. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – 501 p.
259. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. – Paris, 2003. – 2950 p.
260. ODNW – The Oxford Dictionary of New Words. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 357 p.
261. RHWD – Random House Webster's Dictionary – Random House, Inc,1993. – 792 p.
262. Rawson, H.A. Dictionary of Euphemisms and other Doublespeak / H.A. Rawson. – NY.: Crown Publishers Inc., 1981. – 463 p.
263. Furetière, A. Dictionnaire Universel de Antoine Furetière, 1690. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b/f3.image> (04. 07. 2014).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

(в порядке цитирования)

264. Договор о Европейском союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) – URL: http://base.garant.ru/2566557/1/#block_1000 (дата обращения: 17.01.2016).
265. Le Monde. La déclaration de Jacques Chirac [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/societe/article/2005/11/14/la-declaration-de-jacques-chirac_710206_3224.html (дата обращения: 18.09.2014)
266. Le Monde. Le gouvernement veut encourager l'égalité femmes-hommes [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/politique/article/2012/08/24/le-gouvernement-veut-encourager-l-egalite-femmes-hommes_1750964_823448.html (дата обращения: 21.10.2014)
267. Franceinfo. François Hollande évoque l'égalité réelle avec les Outre-mer, lors de sa conférence de presse [Электронный ресурс] / Franceinfo: <http://la1ere.francetvinfo.fr/polynesie/tahiti/francois-hollande-souhaite-un-plan-pour-l-egalite-dans-tous-les-outremers-285033.html> (дата обращения: 06.12.2014)
268. Le Monde. La difficile ascension sociale des diplômés issus de l'immigration [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/vous/article/2002/06/03/la-difficile-ascension-sociale-des-diplomes-issus-de-l-immigration_278500_3238.html (дата обращения: 28.03.2014)
269. Constitution de la République française [Электронный ресурс] / Constitution de la République française: <http://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp> (дата обращения: 23.09.2015)
270. La Croix. François Hollande définit la laïcité comme « un principe et de liberté et de cohésion » [Электронный ресурс] / La Croix: <http://www.la-croix.com/France/Francois-Hollande-definit-la-laicite-comme-un-principe-et-de-liberte-et-de-cohesion-2013-04-08-930279> (дата обращения: 13.06.2015)

271. Le Monde. Polémique après les dérapages du journaliste Philippe Tesson sur les musulmans [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/societe/article/2015/01/16/philippe-tesson-serait-vise-par-une-plainte-apres-ses-propos-sur-les-musulmans_4558129_3224.html#rDbdKre6k77rU59L.99 (дата обращения: 28.03.2014)
272. Valeurs Actuelles. Dossier : mensonges à tous les étages [Электронный ресурс] / Valeurs Actuelles: <http://www.valeursactuelles.com/societe/dossier-mensonges-a-tous-les-etages-40407> (дата обращения: 14.08.2014)
273. Le Point. La guerre des Roms [Электронный ресурс] / Le Point: http://www.lepoint.fr/societe/la-guerre-des-roms-20-10-2011-1389941_23.php (дата обращения: 19.02.2015)
274. Le Monde. "Même si Nicolas Hulot se lance, je continue" [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/societe/article/2007/01/18/dominique-voynet-meme-si-nicolas-hulot-se-lance-je-continue_856856_3224.html (дата обращения: 19.02.2015)
275. Europe 1. Banlieues : Hollande veut "ramener la République" [Электронный ресурс] / Europe 1: <http://www.europe1.fr/politique/banlieues-hollande-veut-ramener-la-republique-990371> (дата обращения: 29.02.2015)
276. Andrieu, G. Cachez ces mots que je ne saurais prononcer / G. Andrieu // Marianne. – 2012. – № 772. – P. 28
277. Le Nouvel Observateur. Comment les mots rigueur et austérité sont devenus tabous [Электронный ресурс] / Le Nouvel Observateur: <http://tempsreel.nouvelobs.com/economie/20140417.OBS4361/comment-les-mots-rigueur-et-austerite-sont-devenus-tabous.html> (дата обращения: 05.09.2013)
278. Europe 1. Fillon prononce le mot tabou [Электронный ресурс] / Europe 1: <http://www.europe1.fr/politique/fillon-prononce-le-mot-tabou-235964> (дата обращения: 11.03.2016)

279. Andrieu, G. Cachez ces mots que je ne saurais prononcer / G. Andrieu // Marianne. – 2012. – № 772. – P. 28
280. François D'O. Au nom de la Patrie ! / D'O. François // Marianne. – 2013. - № 832. – P. 2
281. Le Monde. Hollande propose de supprimer le mot "race" dans la Constitution [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2012/03/11/hollande-propose-de-supprimer-le-mot-race-dans-la-constitution_1656110_1471069.html (дата обращения: 23.03.2014)
282. L'Obs. Présidentielle 2012. L'intégralité du discours de François Hollande au Bourget [Электронный ресурс] / L'Obs. Présidentielle 2012: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/election-presidentielle-2012/sources-brutes/20120122.OBS9488/l-integralite-du-discours-de-francois-hollande-au-bourget.html> (дата обращения: 02.10.2014)
283. Observatoire des inégalités. Emploi : de quoi souffrent les jeunes des quartiers en difficulté? [Электронный ресурс] / Observatoire des inégalités: <http://www.injep.fr/article/emploi-de-quoi-souffrent-les-jeunes-des-quartiers-en-difficulte-2012.html> (дата обращения: 06.03.2014)
284. Le Monde. Hollande à Clichy-sous-Bois : pourquoi ma cité craque toujours [Электронный ресурс] / Le Monde: <http://www.huffingtonpost.fr/2013/07/31/hollande-a-clichy-sous-bois-pourquoi-ma-cite-craque-toujours/> (дата обращения: 19.05.2014)
285. L'Express 11 janvier 2012. – Page 27.
286. Europe 1. A Marseille, Hollande parle aux banlieues [Электронный ресурс] / Europe 1: <http://www.europe1.fr/politique/a-marseille-hollande-parle-aux-banlieues-990439> (дата обращения: 08.04.2013)
287. Gouvernement.fr. La nouvelle géographie prioritaire [Электронный ресурс] / Gouvernement.fr: <http://www.gouvernement.fr/action/la-nouvelle-geographie-prioritaire> (дата обращения: 15.09.2014)

288. LesEchos.fr. Ce que l'Europe doit faire en matière d'immigration [Электронный ресурс] / LesEchos.fr: http://www.lesechos.fr/04/03/2014/LesEchos/21639-044-ECH_ce-que-l-europe-doit-faire-en-matiere-d-immigration.htm (дата обращения: 03.09.2015)
289. Le Figaro. Les pays où les étrangers non-européens peuvent voter [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://elections.lefigaro.fr/presidentielle-2012/2012/04/25/01039-20120425ARTFIG00554-les-pays-o-les-etrangers-non-europeens-peuvent-voter.php> (дата обращения: 24.09.2014)
290. Le Figaro. «Salles de shoot»: un bilan mondial plutôt négatif [Электронный ресурс] / LeFigaro: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2012/10/22/01016-20121022ARTFIG00594-salles-de-shoot-un-bilan-mondial-contraste.php> (дата обращения: 17.03.2015)
291. LesInRocks. Faut-il outer les gays réacs? [Электронный ресурс] / lesInRock: <http://www.lesinrocks.com/2012/01/15/actualite/faut-il-outer-les-gays-reacs-114196/> (дата обращения: 25.08.2014)
292. 24 actu. Communautarisme : Hollande « élu grâce au vote magrébin et noir » [Электронный ресурс] / 24 actu: <http://24heuresactu.com/2014/03/20/communautarisme-hollande-elu-grace-au-vote-magrebin-et-noir/> (дата обращения: 07.02.2015)
293. Le Parisien. Ce sera la première aire pour gens du voyage de Paris [Электронный ресурс] / Le Parisien: <http://www.leparisien.fr/paris-75/paris-75012/ce-sera-la-premiere-aire-pour-gens-du-voyage-de-paris-11-11-2015-5267383.php> (дата обращения: 11.02.2016)
294. L' OBS. Contrôle d'identité à Trappes : ces 2 thèses qui s'affrontent [Электронный ресурс] / L'OBS: <http://tempsreel.nouvelobs.com/societe/20130725.OBS1030/controle-d-identite-a-trappes-ces-2-theses-qui-s-affrontent.html> (дата обращения: 05.07.2014)
295. Libération. Société. Pour Valls, «les Roms ont vocation à rentrer en Roumanie ou en Bulgarie» [Электронный ресурс] / Libération. Société:

- http://www.liberation.fr/societe/2013/09/24/pour-valls-seule-une-minorite-de-roms-veulent-s-integrer-en-france_934265 (дата обращения: 13.12.2014)
296. Le Monde. "Les électeurs sont prêts à élire des personnes issues de la diversité" [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/politique/article/2011/08/11/les-electeurs-sont-prets-a-elire-des-personnes-issues-de-la-diversite_1557998_823448.html (дата обращения: 13.12.2014)
297. Le Figaro. «Salles de shoot»: un bilan mondial plutôt négatif [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2012/10/22/01016-20121022ARTFIG00594-salles-de-shoot-un-bilan-mondial-contraste.php> (дата обращения: 24.10.2015)
298. Riposte Laïque. Résumé du discours de Valls aux émeutiers: «Messieurs les jeunes, je vous ai compris» [Электронный ресурс] / Riposte Laïque: <http://ripostelaique.com/resume-du-discours-de-valls-aux-emeutiers-messieurs-les-jeunes-je-vous-ai-compris.html> (дата обращения: 19.02.2015)
299. Le Soir. Polémique... à retardement sur les vacances scolaires [Электронный ресурс] / Le Soir: <http://www.lesoir.be/214606/article/actualite/belgique/2013-03-26/polemique-retardement-sur-vacances-scolaires> (дата обращения: 13.11.2016)
300. L'Express. "Le commerce équitable doit devenir un geste simple et quotidien" [Электронный ресурс] / L'Express: http://www.lexpress.fr/emploi/business-et-sens/le-commerce-equitable-doit-devenir-un-geste-simple-et-quotidien_1302898.html (дата обращения: 04.09.2014).
301. Le Monde. Elections régionales : contre-performance pour Les Républicains au premier tour [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/elections-regionales-2015/article/2015/12/06/regionales-contre-performance-pour-les-republicains-au-premier-tour_4825661_4640869.html (дата обращения: 25.09.2014)

302. LesEchos. Rigueur: Valls approuvé ric-rac par la gauche [Электронный ресурс] / LesEchos: http://m.lesechos.fr/redirect_article.php?id=0203469606426 (дата обращения: 03.02.2014)
303. Marianne. UMP : Sarkozy, le président contre-performant [Электронный ресурс] / Marianne: http://www.marianne.net/UMP-Sarkozy-le-president-contre-performant_a243057.html (дата обращения: 23.06.2014).
304. L'Obs. Politique. Le CFCM veut mobiliser Hollande contre l'islamophobie [Электронный ресурс] / L'Obs. Politique: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20121109.OBS8746/le-cfcm-veut-mobiliser-hollande-contre-l-islamophobie.html> (дата обращения: 12.06.2014)
305. Saintpierre-express.fr. Contrat unique d'insertion, contrat d'accompagnement dans l'emploi, et aussi précarisation du travail [Электронный ресурс] / <http://www.saintpierre-express.fr/conseil-municipal-du-26-aout-2013-ccas-tarifs-cantine-intercommunalite-decisions-modificatives-pas-questions-diverses/2/> (дата обращения: 12.04.2014)
306. Ministère du travail. Le contrat unique d'insertion – contrat d'accompagnement dans l'emploi (CUI-CAE) [Электронный ресурс] / Ministère du travail: <http://travail-emploi.gouv.fr/emploi/insertion-dans-l-emploi/contrats-aides/cui-cae> (дата обращения: 28.09.2014)
307. 20 minutes. «Il faut arrêter de considérer les HLM comme des logements de “pauvres” et en construire toujours plus» [Электронный ресурс] / 20 minutes: <http://www.20minutes.fr/elections/865306-20120123-il-faut-arreter-considerer-hlm-comme-logements-pauvres-construire-toujours-plus> (дата обращения: 13.11.2015)
308. Le Monde. Face à une réhabilitation « cauchemar », des locataires HLM saisissent la justice [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/immobilier/article/2013/12/26/face-a-une-rehabilitation-cauchemar-des-locataires-hlm-saisissent-la-justice_4340235_1306281.html (дата обращения: 07.12.2015)

309. DirectMatin.fr. L'Assemblée rouvre le brûlant débat de l'avortement [Электронный ресурс] / DirectMatin.fr: <http://www.directmatin.fr/politique/2014-01-20/lassemblee-rouvre-le-brulant-debat-de-lavortement-650728> (дата обращения: 24.08.2014).
310. Le Point. Européennes : en Espagne, Valls défend la "liberté fondamentale" de l'IVG [Электронный ресурс] / Le Point: http://www.lepoint.fr/europeennes-2014/europeennes-en-espagne-valls-defend-la-liberte-fondamentale-de-l-ivg-21-05-2014-1826569_2095.php (дата обращения: 08.12.2014).
311. Le Monde. La PMA, victime de l'opposition au mariage homosexuel ? [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/politique/article/2013/04/25/la-pma-victime-de-l-opposition-au-mariage-homosexuel_3165394_823448.html (дата обращения: 12.08.2014).
312. LesInRocks. Droit au mariage et à l'adoption pour les couples homos: l'UMP tiraillée [Электронный ресурс] / LesInRocks <http://www.lesinrocks.com/2012/01/13/actualite/droit-au-mariage-et-a-ladoption-pour-les-couples-homos-lump-tiraillee-114228/> (дата обращения: 17.08.2016)
313. Le Monde. L'Union européenne évite de justesse une cessation de paiement [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/europe/article/2013/10/22/l-union-europeenne-evite-de-justesse-une-cessation-de-paiement_3501178_3214.html (дата обращения: 17.03.2014)
314. Le Figaro. Le Conseil d'État dit non aux «salles de shoot» [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2013/10/10/01016-20131010ARTFIG00345-le-conseil-d-etat-dit-non-aux-salles-de-shoot.php> (дата обращения: 13.11.2015)
315. Libération. La polémique sur les «salles de shoot» est relancée [Электронный ресурс] / Libération:

- http://www.liberation.fr/societe/2012/08/29/jean-marie-le-guen-reliance-l-appel-au-salles-de-shoot_842526 (дата обращения: 07.06.2015)
316. Le Monde. Engagement de campagne de Hollande, l'expérimentation des "salles de shoot" fait à nouveau débat [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/sante/article/2012/08/30/engagement-de-campagne-de-hollande-l-experimentation-des-salles-de-shoot-fait-a-nouveau-debat_1753462_1651302.html (дата обращения: 15.01.2015)
317. Le Monde. La déclaration de Jacques Chirac [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/societe/article/2005/11/14/la-declaration-de-jacques-chirac_710206_3224.html (дата обращения: 03.09.2014)
318. Assemblée nationale.fr. Deuxième séance du vendredi 13 février 2015 [Электронный ресурс] / Assemblée nationale.fr.: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/cri/2014-2015/20150150.asp> (дата обращения: 07.09.2015)
319. Gouvernement.fr. Les emplois d'avenir [Электронный ресурс] / Gouvernement.fr: <http://www.gouvernement.fr/action/les-emplois-d-avenir> (дата обращения: 11.12.2015)
320. Le Monde. Opération de charme à La Courneuve pour François Hollande [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/politique/article/2015/10/20/operation-de-charme-a-la-courneuve-pour-francois-hollande_4793058_823448.html (дата обращения: 04.08.2014)
321. Le Monde. L'annonce d'une réunion à l'Élysée sur les gens du voyage déclenche la colère des associations [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/societe/article/2010/07/26/l-annonce-d-une-reunion-a-l-elysee-sur-les-gens-du-voyage-declenche-la-colere-des-associations_1392347_3224.html (дата обращения: 12.04.2014)
322. Le Figaro. Thomas Hollande prend de nouveau la défense de salariés licenciés d'un laboratoire [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://www.lefigaro.fr/societes/2016/11/24/20005-20161124ARTFIG00157->

[thomas-hollande-prend-de-nouveau-la-defense-de-salaries-licencies-d-un-laboratoire.php](#) (дата обращения: 18.07.2014)

323. YouTube. Casse toi pauv' con ! Nicolas Sarkozy [Электронный ресурс] / YouTube: https://www.youtube.com/watch?v=Eau5_Gi3icQ (дата обращения: 19.02.2015)

324. Le Figaro. Clash Taubira - Reynié: l'indignation creuse du ministre de la justice [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://www.lefigaro.fr/voix/politique/2015/05/18/31001-20150518ARTFIG00334-clash-taubira-reynie-le-bourdonnement-embrouille-du-ministre-de-la-justice.php> (дата обращения: 12.09.2014)

325. Le Point. François Hollande : "La pauvreté, une humiliation pour la République" [Электронный ресурс] / Le Point: http://www.lepoint.fr/politique/francois-hollande-la-pauvrete-une-humiliation-pour-la-republique-14-10-2014-1872276_20.php (дата обращения: 06.02.2014)

326. L'Obs. Politique. Royal défend mieux que Sarkozy les défavorisés [Электронный ресурс] / L'Obs. Politique: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/elections-2007/20061212.OBS2535/royal-defend-mieux-que-sarkozy-les-defavorises.html> (дата обращения: 18.07.2014)

327. Libération. Pourquoi tous ces populistes? [Электронный ресурс] / Libération: http://www.liberation.fr/debats/2016/11/16/pourquoi-tous-ces-populistes_1528861 (дата обращения: 25.03.2014)

328. L'Express. Banlieues: "L'enjeu clef doit être l'inclusion économique des jeunes" [Электронный ресурс] / L'Express: http://www.lexpress.fr/emploi/business-et-sens/plus-d-economie-dans-les-quartiers-pour-plus-de-social_1650105.html (дата обращения: 17.07.2015)

329. Le Monde. La mairie de Lille occupée en soutien aux sans-papiers grévistes de la faim [Электронный ресурс] / Le Monde: <http://www.lemonde.fr/societe/article/2013/01/11/la-mairie-de-lille-occupee->

- [en-soutien-aux-sans-papiers-grevistes-de-la-faim_1815928_3224.html](http://www.liberation.fr/france/2011/01/05/sans-abri-les-voeux-pieux-de-sarkozy_704875) (дата обращения: 22.09.2015)
330. Libération. Sans-abri : les vœux pieux de Sarkozy [Электронный ресурс] / Libération: http://www.liberation.fr/france/2011/01/05/sans-abri-les-voeux-pieux-de-sarkozy_704875 (дата обращения: 13.09.2014)
331. Mediapart. Lassana, lycéen sans-papiers devenu héros français et symbole international [Электронный ресурс] / Mediapart: <https://blogs.mediapart.fr/resf/blog/200115/lassana-lyceen-sans-papiers-devenu-heros-francais-et-symbole-international> (дата обращения: 19.12.2015)
332. Libération. A Bordeaux, un SDF meurt de faim et froid [Электронный ресурс] / Libération: http://www.liberation.fr/france-archiv/1996/11/16/a-bordeaux-un-sdf-meurt-de-faim-et-froid_188340 (дата обращения: 13.04.2015)
333. L'Express. Nathalie Rose (CUT) : « Ne pas rendre davantage vulnérables les usagers de drogues [Электронный ресурс] / L'Express: <https://www.lexpress.mu/article/nathalie-rose-cut-%C2%AB-ne-pas-rendre-davantage-vuln%C3%A9rables-les-usagers-de-drogues> (дата обращения: 07.02.2015)
334. Economie Matin. Une contribution bien plus rentable qu'estimé [Электронный ресурс] / Economie Matin: <http://www.economiematin.fr/news-contribution-exceptionnelle-hauts-revenus-rentable> (дата обращения: 18.06.2015)
335. Le Figaro. Hausse de la contribution française à l'UE [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://www.lefigaro.fr/flash-eco/2012/12/12/97002-20121212FILWWW00803-hausse-de-la-contribution-francaise-a-l-ue.php> (дата обращения: 05.12.2015)
336. Libération. Des affrontements éclatent à Mayotte, les expulsions se poursuivent [Электронный ресурс] / Libération: [http://www.liberation.fr/france/2016/05/30/des-affrontements-eclatent-a-](http://www.liberation.fr/france/2016/05/30/des-affrontements-eclatent-a)

- [mayotte-les-expulsions-se-poursuivent_1454554](#) (дата обращения: 13.11.2015)
337. Riposte Laïque. Résumé du discours de Valls aux émeutiers : «Messieurs les jeunes, je vous ai compris» [Электронный ресурс] / Riposte Laïque: <https://ripostelaique.com/resume-du-discours-de-valls-aux-emeutiers-messieurs-les-jeunes-je-vous-ai-compris.html> (дата обращения: 28.12.2015)
338. Observatoire des inégalités. Emploi : de quoi souffrent les jeunes des quartiers en difficulté ? [Электронный ресурс] / Observatoire des inégalités: <http://www.discriminations.inegalites.fr/spip.php?article159&lang=fr> (дата обращения: 08.12.2015)
339. L'Express. A Lille, Aubry a-t-elle vraiment réservé des créneaux de piscine à des musulmanes? [Электронный ресурс] / L'Express: http://www.lexpress.fr/actualite/politique/aubry-a-t-elle-vraiment-reservee-des-creneaux-de-piscine-a-des-musulmanes_1098551.html (дата обращения: 01.10.2015)
340. L'Echo du village. Le vrai visage de Jean-Marie Le Pen et du FN [Электронный ресурс] / L'Echo du village: <http://echo.levillage.org/189/3206.cbb> (дата обращения: 09.10.2015)
341. Youtube. Zemmour: "La plupart des trafiquants sont noirs et arabes !" [Электронный ресурс] / Youtube: <https://www.youtube.com/watch?v=UmsLJo3-Ju0> (дата обращения: 12.03.2015)
342. SITAmnesty. Michel Rocard et l'accueil de la misère du monde... [Электронный ресурс] / SITAmnesty: <https://sitamnesty.wordpress.com/accueil-de-la-misere/> (дата обращения: 09.07.2015)
343. L'Express. Pour Manuel Valls, la France ne peut pas "accueillir toute la misère du monde" [Электронный ресурс] / L'Express: <http://www.lexpress.fr/actualite/politique/pour-manuel-valls-la-france-ne-peut->

- [pas-accueillir-toute-la-misere-du-monde_1185320.html](http://www.lemonde.fr/pas-accueillir-toute-la-misere-du-monde_1185320.html) (дата обращения: 03.04.2014)
344. Le Monde. Ce que Brice Hortefeux a vraiment dit [Электронный ресурс] / LE Monde: http://www.lemonde.fr/politique/article/2009/09/11/qu-a-vraiment-dit-brice-hortefeux_1238863_823448.html (дата обращения: 11.09.2015)
345. Libération. L'essentiel de l'actu à la mi-journée [Электронный ресурс] / Libération: <http://www.liberation.fr/direct/> (дата обращения: 19.10.2014)
346. Le Figaro. L'histoire mouvementée des vacances scolaires [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2012/06/14/01016-20120614ARTFIG00608-l-histoire-mouvementee-des-vacances-scolaires.php> (дата обращения: 12.11.2014)
347. Le Monde. Les fausses citations de Bernard Cazeneuve sur les « racines chrétiennes » et le djihad [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2016/05/03/les-fausses-citations-de-bernard-cazeneuve-sur-les-racines-chretiennes-et-le-djihad_4913085_4355770.html (дата обращения: 09.10.2014)
348. Valeurs Actuelles. Réforme pénale: le profond scepticisme des Français [Электронный ресурс] / Valeurs Actuelles: <http://www.valeursactuelles.com/politique/reforme-penale-le-profond-scepticisme-des-francais-41261> (дата обращения: 08.11.2014)
349. Europe 1. "On va nettoyer au Karcher la cité" [Электронный ресурс] / Europe 1: <http://www.europe1.fr/politique/on-va-nettoyer-au-karcher-la-cite-273835> (дата обращения: 15.12.2014)
350. L'Humanité.fr. Des mots aux maux [Электронный ресурс] / L'Humanité.fr: <http://www.humanite.fr/node/249616> (дата обращения: 27.11.2015)
351. Le Poste. "Sale race de Roms": Lionnel Luca (UMP) "ne cautionne absolument pas ces propos" [Электронный ресурс] / Le Poste: http://archives-lepost.huffingtonpost.fr/article/2010/09/13/2217073_sale-race-de-roms-lionnel-

- luca-ump-ne-cautionne-absolument-pas-ces-propos.html (дата обращения: 12.04.2014)
352. 24 actu. On a droit de penser que les Roms sont une « sale race » (député UMP) [Электронный ресурс] / 24 actu: <http://24heuresactu.com/2010/09/13/on-a-droit-de-penser-que-les-roms-sont-une-sale-race-depute-ump/> (дата обращения: 04.10.2015)
353. Le Figaro. Roms: au cœur d'un trafic d'enfants [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2012/09/21/01016-20120921ARTFIG00673-roms-au-c339ur-d-un-traffic-d-enfants.php> (дата обращения: 12.04.2015)
354. Atlantico. Les bandes : un phénomène plus territorial qu'ethnique [Электронный ресурс] / Atlantico: <http://www.atlantico.fr/decryptage/delinquance-bandes-territoriales-non-ethniques-meme-quartier-eric-delbecque-325783.html> (дата обращения: 19.02.2015)
355. Youtube. Racisme: Christiane Taubira au JT de France 2 [Электронный ресурс] / Youtube: <https://www.youtube.com/watch?v=4NZv2EuxrWU> (дата обращения: 05.11.2015)
356. LesInRocks. Les gays sont-ils passés à droite? [Электронный ресурс] / LesInRocks: <http://www.lesinrocks.com/2012/01/17/actualite/les-gays-sont-ils-passes-a-droite-114209/> (дата обращения: 12.10.2015)
357. Le Monde. Manif pour tous : au moins 70 000 personnes dans les rues de Paris [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/societe/article/2014/10/05/la-manif-pour-tous-a-nouveau-dans-la-rue_4500742_3224.html (дата обращения: 05.03.2015)
358. Le Point. Le Vatican reconnaît le droit des couples gay [Электронный ресурс] / Le Point: http://www.lepoint.fr/monde/le-vatican-reconnait-le-droit-des-couples-gay-05-02-2013-1623969_24.php (дата обращения: 11.09.2014)
359. Le Parisien. L'est de l'Ukraine plonge dans la violence, l'Occident s'inquiète [Электронный ресурс] / Le Parisien:

- <http://www.leparisien.fr/international/en-direct-ukraine-premiers-morts-dans-les-combats-entre-l-armee-et-les-pro-russes-13-04-2014-3764811.php> (дата обращения: 05.02.2014)
360. Zone Militaire. Le ministre de la Défense précise la notion d'autonomie stratégique [Электронный ресурс] / Zone Militaire: <http://www.opex360.com/2013/09/11/le-ministre-de-la-defense-precise-la-notion-dautonomie-strategique/> (дата обращения: 05.07.2015)
361. Elysée.fr. Toast lors du déjeuner au Département d'Etat [Электронный ресурс] / Elysée.fr: <http://www.elysee.fr/declarations/article/toast-lors-du-dejeuner-au-departement-d-etat/> (дата обращения: 19.01.2015)
362. Le Parisien. Ukraine : offensive prorusse sur le port de Marioupol, au moins 30 morts [Электронный ресурс] / Le Parisien: <http://www.leparisien.fr/international/ukraine-au-moins-10-morts-dans-des-bombardements-a-marioupol-24-01-2015-4475225.php> (дата обращения: 12.08.2015)
363. Franceinfo. Ukraine : une offensive des séparatistes prorusses fait 30 morts à Marioupol [Электронный ресурс] / Franceinfo: http://www.francetvinfo.fr/monde/europe/ukraine-une-offensive-des-separatistes-prorusses-fait-30-morts-a-marioupol_806139.html (дата обращения: 03.08.2014)
364. Le Monde. A Donetsk, les séparatistes remettent les boîtes noires du vol MH17 [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/07/22/a-donetsk-les-separatistes-remettent-les-boites-noires-du-vol-mh17_4461058_3214.html (дата обращения: 11.12.2015)
365. Valeurs Actuelles. Denis Tillinac : « la foi chrétienne n'a pas dit son dernier mot » [Электронный ресурс] / Valeurs Actuelles: <http://www.valeursactuelles.com/au-dela-de-lair-du-temps-53398> (дата обращения: 02.06.2015)

366. LaVoix de l'opposition de gauche. Causeries [Электронный ресурс] / LaVoix de l'opposition de gauche: <http://www.luttedeclasse.org/archives2010/causeries0213.pdf> (дата обращения: 24.02.2015)
367. Le Monde. Moscou veut bannir la Gay Pride [Электронный ресурс] / Le Monde: http://www.lemonde.fr/europe/article/2012/12/14/moscou-veut-bannir-la-gay-pride_1805541_3214.html (дата обращения: 03.08.2015)
368. Le Figaro. Le drapeau de la Manif pour tous brandi en Russie sans l'accord du collectif [Электронный ресурс] / Le Figaro: <http://www.lefigaro.fr/international/2015/07/09/01003-20150709ARTFIG00216-le-drapeau-de-la-manif-pour-tous-brandi-en-russie-sans-l-accord-du-collectif.php> (дата обращения: 12.05.2015)
369. Le Parisien. Russie : le parti de Poutine affiche son «drapeau des hétéros» [Электронный ресурс] / Le Parisien: <http://www.leparisien.fr/societe/russie-le-parti-de-vladimir-poutine-affiche-son-drapeau-des-heteros-10-07-2015-4934129.php> (дата обращения: 08.01.2014)
370. BFM TV. Russie: le parti de Poutine s'inspire de la Manif pour Tous pour son "drapeau des hétéros" [Электронный ресурс] / BFM TV: <http://www.bfmtv.com/international/russie-le-parti-de-poutine-s-inspire-de-la-manif-pour-tous-pour-son-drapeau-des-heteros-900840.html> (дата обращения: 14.09.2014)
371. Franceinfo. Le parti de Poutine récupère l'emblème de la "Manif pour tous" pour en faire un "drapeau hétérosexuel" [Электронный ресурс] / Franceinfo: http://www.francetvinfo.fr/monde/russie/video-le-parti-de-poutine-recupere-l-embleme-de-la-manif-pour-tous-pour-en-faire-un-drapeau-heterosexuel_990597.html (дата обращения: 24.01.2015)
372. BFM TV. Russie: le parti de Poutine s'inspire de la Manif pour Tous pour son "drapeau des hétéros" [Электронный ресурс] / BFM TV: <http://www.bfmtv.com/international/russie-le-parti-de-poutine-s-inspire-de-la>

- manif-pour-tous-pour-son-drapeau-des-heteros-900840.html (дата обращения: 09.07.2014)
373. Riposte Laïque. Pourquoi un musulman fonce dans une foule avec un camion? [Электронный ресурс] / Riposte Laïque: <http://therese-zrihendvir.over-blog.com/tag/riposte%20laique/73> (дата обращения: 03.09.2015)
374. MPFID. Lettre ouverte à Laurent Wauquiez, ministre des Affaires européennes, sur la relégation radiophonique des Conférences de Carême [Электронный ресурс] / MPFID: <http://www.mpfid.fr/content/view/294/1/> (дата обращения: 15.02.2015)
375. Le Point. La guerre des Roms [Электронный ресурс] / Le Point: http://www.lepoint.fr/societe/la-guerre-des-roms-20-10-2011-1389941_23.php (дата обращения: 02.11.2015)
376. Valeurs Actuelles. Dossier : mensonges à tous les étages [Электронный ресурс] / Valeurs Actuelles: <http://www.valeursactuelles.com/societe/dossier-mensonges-a-tous-les-etages-40407> (дата обращения: 18.03.2015)
377. L'OBS. Revue de Presse [Электронный ресурс] / L'OBS: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20011102.OBS0076/revue-de-presse.html> (дата обращения: 27.12.2015)